

СТАНИЦА

общеказачья газета

издается в России с января 1992 г.

№2 (38) июль 2002 г.

“Генерал-Хвостик”

(герой
Гражданской
войны
М.А.Фостиков)

стр. 20 - 23

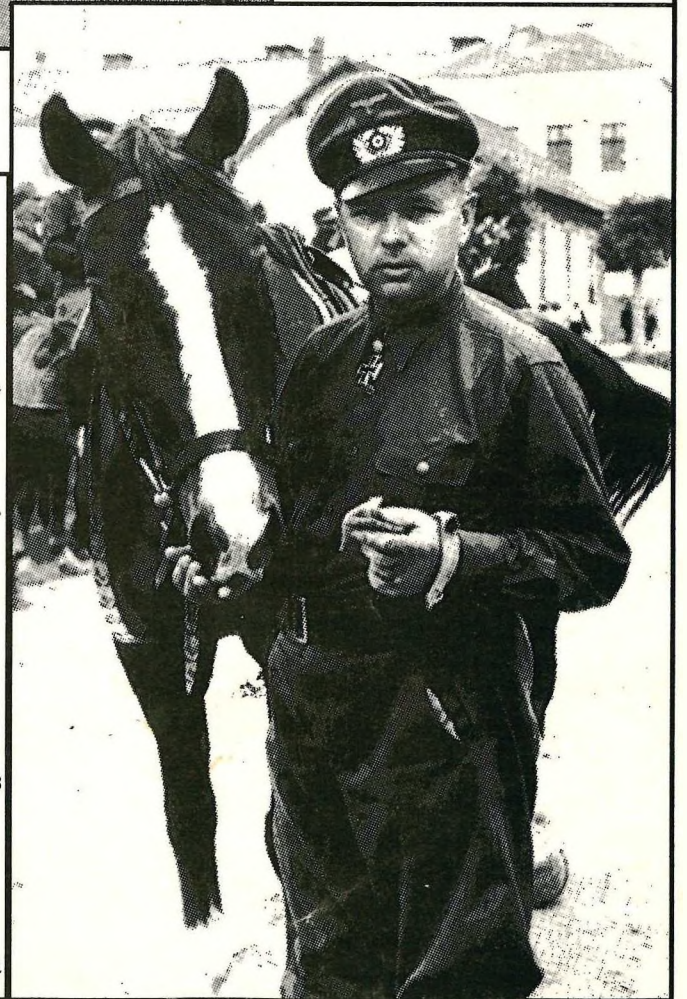
Казак Гельмут фон Паннвиц

стр. 32 - 34

Генерал-лейтенант М.А.Фостиков
с казаками своего конвоя.
Лемнос, 1920 г.

В номере:

- * **“Затерянное войско”**
Российские законодатели и казачий вопрос
- * **Посадник Юрий Козачкович - 1402 г.**
Первые летописные упоминания о казаках
- * **Между Россией и Польшей**
Политика Украинского казачества, XVII - XVIII вв.
- * **Письмо с фронта**
Семейный архив как источник изучения Великой войны
- * **Концлагерь в Пятигорске**
Записки избежавшего большевицкой расправы
- * **Он бил врагов и с одной рукой**
Герой Мировой и Гражданской войн Михаил Гетманов
- * **О чем “молился” Василий Иванович**
Можно ли канонизировать героя анекдотов?
- * **Адский круг**
Вышла книжка нашего постоянного автора В.Копылова

“Затерянное войско”

Эти размышления о проблемах казачьего движения, путях выхода из тупика П.Ткаченко напечатал в газете “Патриот” (зам. главного редактора которой он является). Петр Иванович особо подчеркнул, что пишет “по праву одного из тех потомков казаков, чьей инициативой началось “возрождение”... долго пытавшегося вразумить лидеров движения, у которых, как оказалось, иные цели, чем возрождение казачества”. Предлагаем читателям возможность самим судить, в чем и насколько прав автор статьи.

Нынешние проблемы казаков начались с нового “обустройства” России: “возрождение казачества”, очевидно, постигла та же участь, что многие “реформы” и иные “возрождения”. Да и странно бы, случись иначе - при плачевном положении в экономике, культуре, социальной сфере...

Однако более чем десятилетнее безуспешное определение социального и юридического статуса казачества становится, наконец, просто неприличным. Речь ведь, в конце-концов, идет не о каком-то неведомом явлении, не об инопланетянах, свалившихся на головы наших политиков и законодателей! Почему же столь последовательно не получается Закон “О казачестве”, а принятые указы не выполняются?..

В самых общих чертах - дело в катастрофическом разрыве между элитой и народом, между идеями, которые выдвигаются как заглавные, и природой людей. Мировоззренческое насилие, оказывается, может быть далеко не только коммунистическим! Применительно к казакам оно имеет вполне конкретные проявления: в основу возрождения были заложены (навязаны!) такие идеи, которые к положительному результату привести и не могли.

В отношении к казачеству проявляется уровень понимания России вообще. Страна уже два века живет в духовной и культурной орбите Запада, демонстрируя неспособность к самосознанию. Втискивание в “цивилизованный мир” остается формой насилия, а вовсе не “обустройства”.

Казачество тесно связано с той человеческой солидарностью, общинностью, которую утрачивает “цивилизованный” век; то, что казаки были хорошими воинами и хозяевами - уже производное. Сопоставим в этом плане суждения из прошлого века и нашего современника. Кубанский историк Ф.Щербина отмечает, что “принцип общинной солидарности” оказывается для казаков “более важным, чем трудовое начало”. Совсем иначе смотрит на эту особенность казачьей жизни А.Козлов. В книге “Возрождение казачества” (РГУ, 1995 г.) он пишет, что эта самая общинность не драгоценность, не объективная данность, а порок, консерватизм, который надо искоренять (т.е. снова “перековывать” людей). Мол, он “создал преграды, тормозившие развитие капитализма, интересы которого требовали расширения частного землевладения”. Т.е. Богом, историей данная природа человека - ничто в сравнении с предостережениями социальными установлениями, а человек менее драгоценен, чем “способ производства”.

Разве это не то самое перевернутое представление, которое принесло уже столько бед? Если казаки - лишь препятствие к прогрессу (чем и оправдывалось их уничтожение), то в советское время как раз свершился чаемый историком идеал: казачество перестало существовать в общинной форме, перемешавшись со всем населением. Но тогда о каком “возрождении” речь?..

Западнической либерально-демократической идеологии казачество с его государственными наклонностями не нужно. Но не признаваться же публично, что ей не только казачество, но и вообще народ не очень-то и нужен! И потому изначально предприняты были меры для создания видимости возрождения.

Первый документ, серьезно затронувший казачество - Закон 1992 г. “О реабилитации репрессированных народов” - имел трагические последствия. Мало того, что идея “реабилитации” сама по себе не является возрожденческой - закон с его “территориальной реабилитацией” спровоцировал осетино-ингушское столкновение и сыграл роковую роль для казачества, только осознавшего себя в новых условиях. Как бы приравняв казачество к “репрессированным народам”, на деле никакими правами его не

наделили. Зато был дан повод считаться **отдельным народом** - законодательно предусмотрена старая болезнь сепаратизма! А лидеры движения подхватили эту идею с мыслительской заготовкой субсидии как репрессированные. (Не для того ли, кстати, так выделили казачество, чтобы не признать репрессированным весь русский народ?).

Ничего не значила ни историческая правда, ни авторитеты. То же Ф.Щербина - “казачество представляет собой одно из замечательнейших проявлений русской государственной и народной жизни”. Или Н.В.Гоголя - “это было точно необыкновенное явление русской силы... Широкая разгульная заманка русской природы...”

Так под возрождение изначально подвели ложную идею, возбуждавшую пустопорожнюю полемику и политические игры вокруг казака. Новое движение рассматривалось не иначе как потенциальный электорат для выборов.

Принимаемые затем документы отличались авантюристкой и полной несоотнесенностью с реальным состоянием казачества и страны. Ни один из них, понятно, исполнен не был. “Возрождение” зашло в тупик. Стали уповать на принятие Закона “О казачестве” - но даже не получилось согласовать его проекты. Казалось, уже это должно понудить политиков к серьезному размышлению! Но, как ни в чем не бывало, в прошлом году в Думу внесены были еще два законопроекта: - “О российском казачестве” депутата П.Г.Свечникова, и “О войсковых казачьих обществах и гарантиях обеспечения их деятельности в Российской Федерации” группы депутатов (назову его условно проектом А.Н.Шохина).

Некая странность уже в том, что их внесли не от казачьих областей, не потомки казаков (во всяком случае, Шохина при всем желании трудно принять за казака). И потому, может быть, оба они продолжают тупиковый путь создания Закона - в основе их все те же расхожие представления, имеющие мало общего с действительным казачеством и его нынешним состоянием.

Наши законодатели по-прежнему имеют ввиду не тех потомков казаков, которые есть сегодня, а некое отвлеченное средневековое казачество. Словно пребывают эти неучтенные казаки вне нашей нынешней жизни, и их осталось лишь призвать “к государственной и иной службе”.

Авторы проектов ведут себя так, словно казачья община существует - осталось лишь прописать ей правила существования (попутно окончательно запутывая вопрос, что такое казачье общество, а что община). Им, кажется, и в голову не приходит, что казачество фактически уничтожено, потомки казаков растворились во всех слоях народа, и казачьи общины надо еще только создавать. На сей счет в законопроектах - ничего. А вполне серьезно предписываемые несуществующей общине правила лишь провоцируют странное положение казачьих объединений - как партийно-комсомольских организаций (что вполне довершает “прием в казаки” - как в пионерскую организацию). “Возрождение казачества” по всей Руси, вне казачьих областей - и вовсе лишает его смысла.

Коль нет общины, то предписываемые правила лишь создают иерархию администрации в казачьей упаковке, параллельную существующей исполнительной власти, внося невнятицу и в без того расстроенную жизнь. Из одних предписаний и образцов уставов казачьих обществ общины не организовать, эти документы не создают предпосылок для совместной хозяйственной деятельности. Да и внедренные в общество идеи эгоцентризма и социалдарвинизма солидарности людей не способствуют.

Из проекта в проект кочуют, как вид “службы”, “производство и поставка сельскохозяйственной продукции”. Где же казаки будут производить ее? На приусадебных ли участках, на колхозных паях (составляющих теперь АО, подпавших под полную зависимость “инвесторов”),

в фермерских хозяйствах, во вновь ли образуемых "казачьих"?.. Самое главное не прописано! Как не поясняется и что такое традиционный казачий уклад и землепользование. И это в стране, где казачество не существует уже около века, где оно было выкорчевываемо в самых жесточайших формах, где изгонялось само упоминание о нем!? Интересно, где "традиционные хозяйства" законодателя видели сейчас? А, если не видели и только намереваются их создать - так и надо определить в законопроектах, вместе с механизмом создания!

Ничего этого нет. Зато, не сделав азбучных шагов законодательства, разработчики не скупятся на "льготы" (не ясно, как соотносимые с "рыночными" отношениями и земельным законодательством): "Казачьи общества имеют право на получение земли на правах бессрочного (постоянного) пользования" - из, разумеется, казачьего "целевого земельного фонда". Щедрые посулы без механизмов получения указывают на откровенный обман ввиду близящихся выборов.

Есть в проекте Шохина и то, что не позволяет предполагать благих намерений авторов. Здесь, кажется, впервые вводится понятие "имущество исторических казачьих обществ" - оно "передается в собственность Войсковых казачьих обществ в течение восемнадцати месяцев". Что следует понимать под этим имуществом, не определено - но указано, что даже "частная и иная собственность" могут передаваться в собственность войска. Как в России "передается" собственность, мы знаем!.. И как это вяжется с неприкосновенностью частной собственности, которую вот уж столько лет декларируют те же политики?

Но еще более опасный аспект проекта Шохина спрятан в статье 29-й - "Территориальная реабилитация". Не определяя, опять же, что это такое, авторы ссылаются на Закон "О реабилитации репрессированных народов" и предусматривают, что "границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия". Каким бывает обоюдное "согласие" на меже, хорошо известно. Если этого требуют некие неучи, обряженные в казачью форму, это еще не аргумент!

О воинской службе скажем особо - тем более, что предшествующие проекты все дело "возрождения", по сути, сводили именно к ней. Если раньше она определялась в рамках действующего законодательства, то проект Шохина ее вовсе не предусматривает, ограничиваясь "государственной и иной службой". На первом же месте - "охрана общественного порядка", презируемая казаками полицейская функция.

Между тем первое, что нужно сделать, если есть серьезные намерения во возрождению казачества - воссоздать казачьи части. И попытки такие были - даже приказ министра обороны от 22 октября 1994 года о создании казачьих частей, с учреждением казачьих воинских званий, соответствующей формой и системой обучения.

Но в армии пошли по простейшему (и обманному!) пути присвоения частям и подразделениям казачьих наименований, не внося изменений в их организацию и систему подготовки. Лейтенанты не стали хорунжими, зато атаманам казачьих войск присвоили учрежденные казачьи генеральские чины. Президент Ельцин мог вручать какие угодно лепестки на плечи, но атаманы должны были думать! Вместо этого они с радостью, как малые дети, приняли незаконные погоны...

Что такое подразделения, носящие казачьи "наименования", можно судить, к примеру, по 1-й Отдельной мотострелковой роте, штатно входящей в 205-ю мотострелковую бригаду. У обычной роты появилось как бы два хозяина - свой, воинский, и казачий, который ничем помочь не может. Естественно, у семи нянек дитя без глаза. О роте в станице Шелковской все забыли - казачье наименование принесло только новые проблемы, лишь вмешательство общественности поправило положение (надолго ли?)...

Сегодня бы прекратить изготавливать лубочные законопроекты, небезопасные в случае принятия, с их "историческим казачьим имуществом", которое уже определить невозможно, и "территориальной реабилитацией", неизбежно приводящей к дальнейшей дестабилизации страны. Ретивость законодателей надо направить на обоснование хозяйственной деятельности и казачьей воинской службы. Наконец, вспомнить, как поступало царское правительство при необходимости укрепить приграничные рай-

оны. Возникла нужда в Приамурье - из других войск набрали охотников и выбранных по жребию переселенцев на новое место жительства, возникло Амурское войско. Или еще: на завершающем этапе Кавказской войны с окончательным присоединением Причерноморья нужно было укрепить предгорные районы. В районе реки Пшехи создали линию станиц с центром в Апшеронской - в которой в год основания (1863) было уже более тысячи жителей, открылась школа. История доносит удивительную подробность: хранителем газет в станице стал хорунжий Цуревский...

Что, теперь неоткуда взять поселенцев для обезлюдивающего приграничья? Но ведь есть много неустроенных людей, желающих нормальной трудовой жизни, или в связи с сокращением армии - бедствующих офицерских семей (на две трети из потомков казаков). Было бы желание организовать их общностью хозяйственной жизни! Так и сложилась бы казачья община.

Не знаю, есть ли нечто подобное в программе Южного федерального округа "Юг России". Судя по ее изложениям, нет. Между тем продолжается исход русского населения с Северного Кавказа. Без конкретной программы, предусматривающей заселение пустующих и, где необходимо, создание новых станиц, с организацией конкретных производств, уж не обойтись. Иного пути спасения, кроме продуманной государственной политики на окраинах, последовательно отстаивающей национальные интересы, нет.

Уже разработан проект "Апшеронская долина" - поселение увольняемых офицеров, соединенных деятельностью по производству кормов по современным технологиям, развитию животноводства - и на этой основе создание социальной и культурной инфраструктуры. Есть и вероятные источники инвестиций - но они появятся лишь при всей серьезности государственной политики в регионе. Этот проект не вошел в программу "Юг России" - упоминаю о нем потому, что только такое, вызванное необходимостью и обеспеченное государственной поддержкой, очаговое создание казачьих поселений может составить начало действительного возрождения.

Злую шутку с возрождением казачества, кстати, сыграла его изначальная регистрация как общественной организации. Это отвечало состоянию его "растворенности" среди других слоев народа, но блокировало перспективу возрождения. Но и сегодня эта идея не оставлена, лишь видоизменившись в желание создать "народную казачью партию" (идея экспертов Госдумы Ю.Дударева и Н.Сергеева). Казачество тут ни при чем - идет подготовка к приближающимся выборам.

Пусть казачьи организации, какие уже есть, остаются, хоть и в статусе общественных. Пусть хлопцы, как говорят на Кубани, *дуркуют* в них - может, и сделают что полезное. Но более чем десятилетний опыт показал, что не на этом пути подлинное возрождение! Возвращение казачества возможно только через решительные, продуманные организационно-хозяйственные акции в самых ослабленных ныне приграничных районах. Под заселение опустевших станиц и создание новых законодателям и следует разрабатывать юридическую базу.

Оторванные же от реальности, не несущие в себе следов знания предмета, не проникнутые государственной и человеческой ответственностью за страну законопроекты умрут естественной смертью.

Сегодня все дело в государственной воле - в политике, отстаивающей государственный и национальный интерес. Воля эта в нынешней России ослаблена до опасного предела. Потому казачество и пребывает пока в положении, отраженном стихами кубанского поэта Сергея Хохлова "Затерянное войско":

*Вдаль умчались коней косяки,
В небе желтая пыли полоска.
- Где, Кубань, твои казаки,
Золотое российское войско?
- Мое войско сейчас далеко,
А земля без предела...
Может, храброе, полегло...
Но какое вам дело?*

Петр Ткаченко

PS: Как стало известно, законопроект Шохина, Гурова и др. снят авторами с рассмотрения в Думе.

Казачество в XXI веке: место и роль в обществе

Атаманы реестровых войск уверены, что перспективы у казачества блестящие. Только они имеют шанс сбыться, если государственная власть пойдет, наконец, навстречу в вопросах обеспечения собственной безопасности; если решится, компенсируя собственную немощь, опереться на народную инициативу. Да только вот власть не считает казака за серьезного помощника! "Не видит его роли" в жизни страны - как сказал В. Путин, отказываясь от верховного атаманства. И это мнение разделяют многие.

Пока население центра страны понятия не имеет о том, что в действительности происходит на окраинах, даже у тех, кто стоит на патриотической позиции, складывается навязываемое СМИ представление о казаках как о некоем фантоме. Мол, в жизни это вечно пьяные ряженные придурки, занятые костюмированной бравადой.

Многие ли знают, что казаки были ударной силой приднестровского сопротивления и до сих пор Черноморское войско - составная часть вооруженных сил республики? Что, согласно секретного доклада казахского КНБ своему президенту, "казачий фактор" - главная угроза безопасности этого государства? Много ли известно о действиях батальона имени Ермолова под Бамутом и Орехово в первую чеченскую кампанию, о казачьих отрядах в Боснии?..

Это если принять версию, что современное казачество - "ложная этничность" (определение директора Института этнологии РАН Тишкова), романтическое преходящее увлечение - то и говорить не о чем. И здесь самое время определиться, что же следует понимать сегодня под казачеством и что оно собой в действительности представляет.

В законодательстве новой России зафиксировано мнение: казачество - самобытная этно-культурная общность в составе русского народа. Иными словами - совокупность 11-ти субэтносов русских, сложившихся в местах проживания бывших казачьих войск. К потомкам казаков также относит себя примерно треть калмыцкого народа, некоторая часть осетин и бурят, группы татар и башкир, а также все нагайбаки (в составе Оренбургского казачества).

Итак, российское казачество - это совокупность субэтносов русского и некоторых иных народов России, наиболее организованная их часть. Она помнит свое родство и братство, ориентирована на государственную службу, видя в этом свою самореализацию. И с этим генетическим кодом ничего не поделаешь. Соответственно и относиться к казачеству надо как к части (явно не худшей) своего народа, имеющей цели, неотделимые от общенародных.

Сколько же всего в России потомков казаков? На этот вопрос может ответить только перепись населения. Пока же оценки экспертов дают огромный разброс - от 1 до 5 миллионов. Впрочем, число потомков еще не говорит о числе готовых "казаковать" или, хотя бы разделять идеологию движения. Между тем в десятиллионной России Бориса Годунова казаков (вольных) набиралось от силы тысяч 25 - но даже части их хватало, чтобы как минимум дважды поменять власть в государстве в смутное время.

Естественно, что активная часть потомков исторического казачества, получившая в свое время традиционное семейное воспитание (последние носители его дожили до перестройки), не могла не заявить о себе, когда это стало "поволоно". Эти люди, считая себя наследниками славных традиций, создали общественные организации (войска), претендующие на уцелевшие остатки их собственности. При этом они на первое место ставят не свои претензии, а готовность служить Отечеству, воспитывать молодежь, вести собственное хозяйство, развивать культуру. Однако в реальном законодательстве (не в указах Президента, а в законах) слова "казак" так и не появилось.

Говорят, казаки расколоты. Ерунда. Просто не заняты делом. Случись новая "Абхазия" - они будут едины в главном. Ну и еще - нет достойного лидера...

Казалось бы - вот они, государевы помощники, бери, Президент, ставь в строй, только дай немножко льгот, дабы не на свои покупать горючее для транспорта при патрулировании станций и городов, и служебное время, которое иные граждане проводят дома, тоже как то возмещалось. Ведь ранее, когда государство Российское таковым было на деле, заботясь о своей безопасности, казаки, хоть и готовились кровью первыми пролить, но и жили относительно обеспечено за счет налоговых и иных льгот, вплоть до бес-

пошлинной торговли (в 1614-м, когда государство было совсем слабым, но действительно хотело стать сильным).

Но нет: что ни указ, то повисшая в воздухе "филькина грамота". Нет механизмов реализации, а что воплотилось в жизнь как эксперимент по созданию пограничной стражи - не получило финансирования и внедрения в жизнь. Только МВД, поначалу сопротивлявшееся казачьей помощи и казаков преследовавшее, в последние годы, хоть и "явочным порядком", все серьезнее начинает эксплуатировать потенциал казачества. Но без закона о казачестве с ясно прописанным правовым статусом и оно не в состоянии выпустить достойный нормативный акт о работе с казаками.

Минобороны объявило с десяток частей казачьими. Но что в них казачьего, кроме части призывников и, кое-где, контрактников? Где офицерский состав из казаков, способный восстановить традиции славной российской армии, где особая форма и звания, полковые священники, исторические наименования частей, без чего они - сплошная "липа"? А ведь именно военной службы (того, чего, собственно, и нет в президентском указе!) и ждут казаки от государства! Ждут, может, больше даже, чем земли, восстановления "частей второй очереди". Говоря современным языком - организованного резерва, а применительно к иностранным аналогам - национальной гвардии.

Иначе говоря, казаки требуют восстановления в России неперемного атрибута демократической формы правления (при царстве демократия была больше!). Без этого института демократия - фикция, и его отсутствие говорит о боязни властью народа. Какая же это демократия, когда ниша национальной гвардии занята, по сути, жандармерией!..

Кажется, жизнь буквально кричит в уши "государственным мужам": последуйте примеру естественной национальной политики Российской империи, восстановите нарушенный 17-м годом баланс межнациональных отношений и казачество как фактор стабильности на Юге России! Но нет, что-то мешает отозваться на кровью сочащиеся письма русских из Шелковского и Наурского районов Чечни, Кизлярщины, Хасавюрта, с Тамани и из Адыгеи, да уже и из остальных Кавказских республик.. Не реагирует власть на тревожные сигналы из Заволжья, Астрахани, восточного Ставрополя, где русских скоро вовсе не останется, с наводняемого казаками Южного Урала, со всей южно-сибирской пограничной дуги, с обезлюдевшего Приамурья, Забайкалья и Приморья, где приграничную полосу отдают корейцам, лишь бы не русским военным поселенцам.

Объявила власть о своей патриотичности, государственную программу соответствующую вроде бы разработало. Только вот патриотизм это своеобразный. Раньше в России он был православный, без веры и государство никому не нужно было. За веру русский человек готов был живот положить, потом уж за царя, а за земное отечество с грешным народом - в последнюю очередь. В нынешней концепции российского патриотизма Богу места не находится как-то. Вот и казаков не включили в эту программу. Настоящие патриоты, получается, власти не нужны.

Или вот программа поддержки казачьей госслужбы. Замахивались выделить более 1,5 миллиардов, в том числе около одной пятой из федерального бюджета. Регионы выделили, кто сколько смог, иногда миллионные суммы, а вот из бюджета 12 миллионов с хвостиком в 2000 году, да 20 - в 2001-м; да и из тех Минфин с помощью Казначейства "зажал" почти половину. На том Программа приказала долго жить, хоть десятки областных и краевых администраций и министерство - госказакич просили продлить ее. Чем не обман?

Тем более, что и службой государство не обеспечивает, и с законом заминка. Впрочем, еще неизвестно, чего там напишет в итоге - глядишь, опять, как в проекте Мартынова со коммунисты, которые казака хотели заставить три раза, с промежутками по четыре года, сходить на срочную службу по два года. Вероятно, чтобы дворы военкоматов покрылись споротыми лампасами...

Говорят, в "прежнее царствование" Борис Николаевич, вызвав на инструктаж по поводу принятия Указа "О государственной регистрации казачьих обществ" ныне покойного министра Н.Д.Егорова, сказал: "Все им обещать и ничего не давать". А разве теперь не то же самое происходит? Только чуть по другому - молчком...

Ю.С.

Как казаки колхоз поднимали

Реальная экономика по Божьим заповедям

Особый вариант земельной реформы предлагают в Волгоградской области - казачье общество с общественно-государственной формой собственности на землю. Первое на территории Войска Донского казачье общество "Ветютневское" за 3 года расплатилось с огромными долгами колхоза, на базе которого создано, и вышло на 2,5 млн. рублей прибыли без копейки государственных льгот и дотаций.

Исключение из правил

На председателя колхоза Иван Варламов совсем не похож: вязаный свитер, борода - вылитый бард. Оказалось, Иван Николаевич действительно написал более 100 песен, собирал туристические слеты и даже прошел на лыжах по Кольскому полуострову. При этом у Варламова два высших образования - инженера-механика и экономиста. А в 23 года он уже был главным инженером колхоза, руководил фермерским движением в Тульской области. По возвращении на родину во Фроловский район Волгоградской области стал юртовым атаманом.

- Возрождения казачества практически не было. Общественные организации казаков, созданные в середине 1990-х, увядали. Надо было идти дальше, - рассказывает Иван Николаевич.

В 1999 году он организовал первое в области казачье общество.

Казачье общество (КО) - организация во всех отношениях исключительная, но порожденная обстоятельствами в высшей степени банальными. Большая и шумная масса казаков была очень важна во время перманентных выборов последнего десятилетия - неслучайно все законы, касающиеся возрождения казачества, по датам совпадают с агитационными кампаниями. Так в 1992 году был принят закон о реабилитации репрессированных народов, который впервые дал казакам статус культурно-этнической общности.

Реабилитация должна была предполагать и возврат к традиционным формам хозяйства. 200 млн. рублей было затрачено на разработку соответствующей концепции, которая почилла через год. В результате администрация Президента, взявшаяся за решение проблемы, реанимировала традиционную форму организации - казачье общество. В Гражданский кодекс такая форма не вписывается, ведь КО включает в устав не только получение прибыли, но и возрождение казачества, одновременно являясь и хозяйствующим субъектом, и органом местного самоуправления.

- Я видел, что некоторые колхозы и фермеры выживают даже при нашей ненормальной экономической политике. Материальных причин для этого нет, значит, подумал я, все зависит только от человека, - мировоззренческий принцип антропоцентризма Варламов положил в основу хуторской экономики.

Колхоз имени Ленина в хуторе Ветютнево к тому времени как раз выгнал председателя, а нового найти не мог. Зато имел почти 12,5 млн. рублей долга, закрытый с 1995 года расчетный счет, заколоченные фермы и мастерские. На второй день после рождения КО Варламов собрал правление бывшего колхоза, объявил, что отныне все будут честно трудиться во славу Божью и получать небесную благодать. 9 из 11 человек встали и ушли. Бухгалтера, экономиста и прочих специалистов пришлось "ковать" из собственных механизаторов и бедных студентов. Главным критерием была выбрана честность - знания и опыт должны были приложиться позднее. И приложились, как это ни удивительно! До сих пор Иван Николаевич не может найти только первого зама. Дважды поднимал на эту должность одного толкового мужика - и за любовь к зеленому змию дважды разжаловал в слесари.

В первый год работы треть трудящихся получила выговоры за пьянку. На второй год за счет КО 11 человек были вылечены и теперь совершают трудовые подвиги. За

нравственностью в хуторе следят совет стариков и суд чести. В здании правления и вообще во всех помещениях, где висят иконы, нельзя курить и ругаться. Колхозное собрание заменил казачий круг - в первый ряд торжественно усаживаются старейшины, мероприятие начинается и заканчивается благословением священника и молитвой. "В такой обстановке ни у кого язык не повернется вешать людям лапшу на уши. Какие бы черствые мы ни были, у каждого что-то осталось в душе", - уверен Иван Николаевич. Все атаманы (начальники производственных участков) казачьего общества 3 года назад приложились к иконе Казанской Божьей Матери, заменяющей в кабинете у Варламова традиционные портреты земных вождей. Колхозная столовая соблюдает постные дни недели. А выходными в хозяйстве объявляются великие церковные праздники.

Мечта о возрождении

Кредитно-финансовые отношения в первый год жизни КО также основывались, главным образом, на душевных привязанностях. Бездушные капиталисты никаких кредитов организации с нулевым балансом не давали. Зато старые друзья, знавшие Варламова по его работе в должности начальника районной инспекции гостехнадзора, подбросили солжарки. Денег дали ветютневские пенсионеры с условием вернуть кредит осенним урожаем.

Дни 12 августа, 9 сентября и 11 октября 1999 года в хуторе до сих пор вспоминают как праздники - впервые за 5 лет людям дали зарплату. В том же году хозяйство впервые получило прибыль вместо убытков.

И тут нагрянули кредиторы. Электрики за долги уже не существующего колхоза перерезали провода, налоговая инспекция описала имущество. Формально КО не является правопреемником прежнего хозяйства и не обязано за него платить. Но, во избежание конфликтов, общество 3 года содержало правление колхоза и выплачивало его долги.

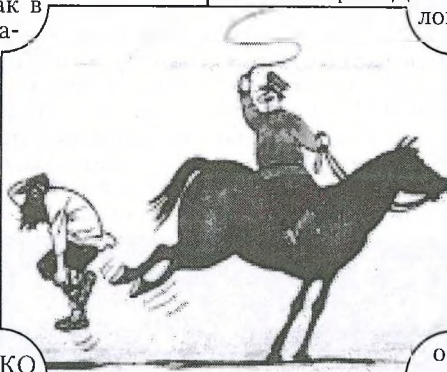
В 2001 году КО обработало 5,6 тысячи гектаров земли, собрало 5,3 тысячи тонн зерновых, получило 2,3 млн. рублей прибыли. Средняя зарплата составляет здесь более двух тысяч рублей, на свои деньги хутор выстроил деревянную церковь. От банков, предлагающих кредиты, теперь отбоя нет.

В областном комитете по делам национальностей и казачества видят причину благополучия во внутренней дисциплине и отсутствии бандитских наездов - к казакам не сунешься. По словам председателя комитета Александра Бирюкова, в Волгоградской области уже 6 подобных обществ. Иван Варламов считает: "И в бывшем колхозе люди работали хорошо. Только распределение было неправильным - верхушка жировала, низы воровали. Распределение должно идти по Божьим заповедям: бери только то, что заработал".

Даже самая лучшая теория становится уродливой без соответствующей практики - как говорят в станицах, люди "дурят от безделья". Казачество, объединенное мечтой о возрождении, порой выбирает причудливые пути реализации своих целей. Иногда просто превращается в кучку ряженых, которую политики используют для достижения своих целей. Атаман Варламов сумел реабилитировать идею возрождения, найдя ей достойное применение в реальном деле. 1500 ветютневцев, которые не гоняют нагайками народ, не кричат оглушительно "любо", а работают, - живое тому доказательство.

Надежда Андреева ("Общая газета")

Редакция "Станицы" вынуждена еще раз обратиться к своим читателям с просьбой о поддержке. Из-за постоянного отсутствия средств мы находимся на грани окончательного закрытия! Заодно мы сердечно благодарим внесших посильную лепту в издание этого номера - Л.Есипенко, Д.Теплякова и А.Волкова из Швейцарии, М.Белоуса (Дания) и Э.фон Мосснера (Германия).

Хасавюртовская казачья община

Хасавюрт сегодня ассоциируется у многих с событиями вокруг Чечни. Однако крепость, заложенная в начале XIX века главнокомандующим А.И.Бяргинским - самая южная точка исторического Терского казачьего Войска - сегодня место, где ясно предстает отсутствие продуманной национальной политики федерального Центра на Северном Кавказе, отсутствие эффективных механизмов конституционной защиты национальных прав граждан.

Появление казаков в Хасавюрте связано со второй половиной XIX века - периодом окончания Кавказской войны. Архивные документы указывают на существование казачьих застав по оси Владикавказ - Порт-Петровск - Баку, охране ими государственных объектов, участии в конвоях. Но, к сожалению, пребывание казачества в Дагестане - и, в частности, в Хасавюртовском округе - не стало предметом целевого изучения. И потому в теме этой хватает мифологем - как устоявшихся, порожденных идеологическими схемами прежней формации, так и рожденными в столкновении интересов современных национальных общин.

Но всё мифотворчество о казачестве как "факторе дестабилизации", исходящее от определенных групп в республике, разбивается в прах при анализе хотя бы дагестанской дореволюционной прессы. В публицистике даже революционеров-демократов никогда не усматривалась как опасность "милитаризация казачества" - слишком очевидным было органичное вхождение службы казачества в систему государства. Да и как могло быть иначе, если само пребывание горцев на равнине стало возможным лишь при установлении здесь стабильных признаков государственности, в чём несомненны заслуги терских казаков.

Хотя с тех пор минуло немало лет, память старожил Хасавюрта еще сохраняет довольно интересные эпизоды, связанные с историей и обрядностью казачества в городе. Например, участие казаков слободы Хасавюрт в торжественной встрече иконы Моздокской Божией Матери, которая почиталась покровительницей Кавказа. Она ежегодно обносилась по всей территории Войска. Люди помнят ружейную стрельбу местных казаков во время другого торжества - праздника Крещения Господня и крестного хода "к Иордании", то есть ближайшей реке или водоёму. Стрельба раздавалась в момент погружения священником в воду серебряного креста...

И такой показатель присутствия казачества, как своеобразие церковной архитектуры, имел место в Хасавюрте. Одна из четырех церквей была деревянной и разборной (среди аналогов на территории ТКВ сохранились лишь единицы). Вторая была возведена строительным управлением Войска по проекту казачьего архитектора И.Рябикина - это впечатляющее сооружение ново-византийского стиля, построенное по всем канонам казачьей и воинской церковной архитектуры начала XX столетия (Рябикиным, кстати, спроектировано и здание казачьего музея во Владикавказе). Старожилы помнят и уничтоженные в 60-е годы остатки полкового храма, построенного в середине XIX столетия по проекту архитектора князя Гагарина, с кладбищем, где были захоронены чины казачества и Русской армии.

В последние годы в Дагестане усилились миграционные процессы. Вот и в Хасавюрте всё меньше представителей казачьих фамилий, уходящих корнями в прошлое. А ведь ещё недавно совсем виделось будущее. В конце 1993 г. в Хасавюрте прошёл круг потомков различных казачьих Войск. На нём выступили с приветствиями представители Кумыкского национального движения "Тьенглик" Атаманом казачьей общины был избран потомственный казак Анатолий Перевертайло, с первых же шагов начавший активную деятельность - приём и обустройство беженцев из Чечни, проведение памятных для многих горожан казачьих праздников...

Но без экономической крепости многого не сделаешь. А она, к сожалению, сегодня слаба. На фоне довольно неплохого положения других, давно сложившихся национальных общин города, положение казачества, как и русской

общины, оставляет желать лучшего. Приватизация в городе никак не коснулась славянских общин. Среди приватизированной различными национальными кланами недвижимости напрасно искать что-либо принадлежащее русским и казакам. И это при том, что около 100 % всех строений до 1917 г. принадлежало именно этим общинам, внесшим решающий вклад в становление экономической и духовной сферы города.

У казачьей общины, по существу, нет своего помещения. У русской недавно под адвокатскую контору отобрана даже небольшая комната. Пятый год слушаем мы заверения министра Миннаца РД М.Гусаева, зам.председателя Госсовета РД Гладыша о скором решении проблемы, но дальше заверений, обмена взглядами дело не идёт.

С начала приватизации в городе многие исторические памятники порушены или рушатся. Уничтожены мемориальная зона, связанная с пребыванием в городе Кабардинского и Ширванского полков, место захоронения казаков, гробы вскрыты и ограблены, останки выброшены. Недавно одна коммерческая структура Хасавюрта беспардонно вторглась на святая святых - территорию, примыкающую к Святознаменской церкви, которая является охраняемым архитектурным пространством. Большого труда стоило, чтобы незаконная постройка (магазин) была снесена.

Двойственная позиция властей очевидна и не может не влиять на исход русского населения. Всё чаще на кругах Терского казачества говорится о неприемлемой политике двойных стандартов в отношении перспектив экономического развития казачества в регионе. Представителей дагестанской диаспоры на Ставрополье и в других регионах Юга России, скажем, уже мало интересует вопрос приватизации и становления частных предприятий - эти проблемы решены. Дагестанская диаспора там озабочена уже поиском возможностей представительства в органах власти. О чём, конечно, в Дагестане, на своих исконных территориях, казаки и не мечтают.

Казалось бы, на этой почве главам администраций двух субъектов Федерации - Дагестана и того же Ставропольского края - можно найти тему для плодотворного диалога, результатом которого мог бы стать разумный баланс взаимных интересов. Однако игра идёт в одни ворота. Даже просуществовавшее недолго в Махачкале представительство Ставропольского края больше было, сдаётся, озабочено успехами бизнеса дагестанцев на Ставрополье, чем положением своих соплеменников в Дагестане.

Казалось бы, новому главе администрации города С.Умаханову, пришедшему к власти на волне критики прежней администрации, должно быть понятно, насколько серьёзны причины, вызывающие беспокойство и отток русского населения. Но в его действиях обнажается вся подоплека нынешней власти в Дагестане, где не лицо у власти что то определяет, а те силы, социальный заказ которых выполняется. Например, Умаханов отказал атаману Хасавюртовского отдела ТКВ продлить договор, заключённый прежней администрацией с Южно-российским лицом казачества и народов Кавказа на обучение детей из наименее обеспеченных казачьих семей.

Позиция республиканского руководства в отношении казачества отражена в недавнем сборнике Центра этнополитических исследований, где проблемы казаков утоплены в общих проблемах русскоязычия. Нам ещё раз показали, что доктрина дальнейшего вытеснения славянского населения из региона остаётся для властей руководством к действию.

Сегодняшние реалии республики внушают казакам мало оптимизма. Но люди всё ещё надеются, что федеральные органы вникнут в суть серьёзных проблем региона и повлияют на негативные процессы - в рамках пока ещё действующего здесь российского закона.

В.Пархоменко (Владикавказ)

Хасавюрт. Собор Иконы Божией Матери "Знамение" (архитектор И.Рябикин, 1911 г.)

Восстановим святыню!

24 января Российское казачество отмечает скорбную дату - подписания указа о расказачивании. Первым следствием его на Тереке была гибель 35 тысяч стариков, женщин и детей, изрубленных отрядами "красных ингушей" при выселении станиц Сунженского отдела ТКВ 27 марта 1920 г.

В короткий срок Терскому казачеству был нанесен невосполнимый ущерб: разрушены храмы - хранилища войскового славы и традиции, разграблены Войсковые регалии и исторические реликвии, музейные и архивные фонды, осквернены могилы, склепы и часовни. Были существенно подорваны не только основы духовного бытия казачества, что имеет последствия и сегодня, но и уничтожены зримые свидетельства воинского единства разных этносов и социальных слоев Терского края в охране рубежей отечества.

Вместе с тем, уничтожение казачества как субэтноса и служилого сословия привело к нарушению межнационального баланса, благодаря которому на Северном Кавказе поддерживался межнациональный мир. Наиболее очевидно это сегодня, когда угроза распада Российской Федерации и отторжения Северного Кавказа как никогда реальна.

Возвращение Терского казачества в социальную нишу, в которой наиболее достойно проявилось его служение Российскому государству, может стать возможным теперь лишь при условии духовной консолидации, возвращении общин к своим православным традициям, культуре, нормам нравственности. Главную роль в этом, по нашему глубокому убеждению, должна играть преемственность поколений, приобщение молодежи к героическому прошлому казачества.

Получив благословение митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона, а также заручившись поддержкой общественных организаций республики и России, инициативная группа терских казаков около двух лет назад начала работу по возрождению во Владикавказе разрушенной в годы атеизма святыни - **Линейного Александро-Невского храма**, с захоронениями чинов Терского казачества и российского офицерского корпуса.

Два года назад Градостроительный Совет в Главном архитектурном Управлении республики согласился с поэтапным восстановлением ансамбля Линейного храма: строительством Мемориала ТКВ (с именами терцев - георгиевских кавалеров), часовни в память защитников Отечества

для возобновления регулярной православной службы и, в последующем, восстановлением самого Войскового храма. Работа уже начата. Так, во исполнение древней казачьей традиции у въезда во Владикавказ (со стороны Беслана) на частные пожертвования казака Михайловского построена первая часовня от Войскового храма, освященная в память Святого Благоверного князя Александра Невского.

Однако, на словах получив разрешение на подготовку проекта строительства, инициативная группа столкнулась с безразличием чиновников аппарата Управления архитектуры республики. А начальник Управления Козырев даже предложил "подыскать другое место". С таким предложением трудно согласиться, оно противоречит Распоряжению Президента РФ от 23 апреля 1993 г. "О передаче религиозным организациям церковного и иного имущества", последующим нормативным актам по казачеству. Невозможно согласиться с ним ещё и потому, что православные каноны требуют восстановления попраченной святыни на освященном ранее и имеющем захоронения православных воинов месте.

Для Терского казачества территория Линейного храма такая же святыня, как для русского народа - Куликово поле, осетинского - роща Хетага, еврейского - храмовая гора в Иерусалиме!

Вызывают большое беспокойство и посягательства на эту территорию коммерческих структур - при равнодушии администрации Владикавказа. Последнее обстоятельство вынуждает инициативную группу обратиться за поддержкой к общественному мнению за пределами республики, к депутатам Госдумы от республики Северная Осетия-Алания - с просьбой о ходатайстве перед её властями о выделении участка под строительство. Мы просим также оказать помощь при строительстве малого храма (часовни) в память защитников Отечества.

Выражаем надежду, что Республика Северная Осетия-Алания не останется в стороне от охватившего всю Россию процесса духовного возрождения народов. Укрепление древнейшей на аланской земле религиозной конфессии - Православия - будет способствовать не только объединению Терского казачества, но и положительно влиять на духовно-нравственный климат республики.

Члены Правления и Совета старейшин ТКВ

Мемориал жертвам геноцида Терского казачества

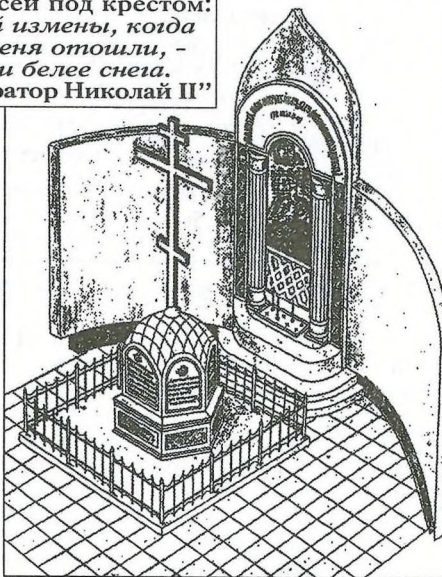
Трагедию Терского казачества по масштабам можно сопоставить на Кавказе только с армянским геноцидом 1915 года. В ходе большевицких мероприятий по раскулачиванию, массовому выселению населения казачьих станиц было репрессировано 70 тыс. человек. В основном стариков, женщин, детей (мужчины были на фронтах). Советская историческая наука тщательно замалчивала масштабы репрессий, сводя все к классическим марксистским постулатам о "классовой борьбе". Между тем анализ указов и директив о расказачивании на оставляет и тени сомнений, что речь шла о геноциде казачества.

Проблема создания Мемориала, посвященного геноциду казачества, обсуждается с первых дней возрождения Терского Казачьего Войска. Инициативная группа казаков Владикавказского Округа ТКВ, получив благословение митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона, начала работу над проектом Мемориала. Инициатором идеи стал старейший казак ТКВ, исследователь истории и фольклора, ныне покойный М.В. Братчик.

Одна из традиций казачества - это возведение православных памятных крестов, связанных с подвигом воинского служения Отечеству. Слова Спасителя: "Нет больше той любви, как если кто положит свою душу за други своя" (Ин. 15, 13) - стали на многие века моральным кодексом православного казачества.

Кресты посвящались как героическим событиям, так и отдельным лицам, проявившим себя на поле

Одна из надписей под крестом:
"В дни общей измены, когда
многие от меня отошли, -
терцы были белее снега."
Государь Император Николай II"

брани. Кстати, посетившие Приднестровье после известных событий, вероятно, обратили внимание, с каким вниманием и любовью оберегается там память павших при обороне края казаков, повсюду отмеченная памятными крестами...

Возведение Мемориала (авторы проекта - М. Братчик и В. Пархоменко) уже нашло в республике понимание общественных организаций и научных учреждений. Для казаков это не просто возрождение православной обрядности, но и преодоление антихристианских, извне навязанного поклонения адским "вечным огням".

Крест должен быть поставлен на месте разорванного в 30-е годы Линейного Александро-Невского храма - Господь никогда не бывает поругаем, а Ангел Господень незримо и вечно пребывает на этом месте!

Счет для пожертвований: ИНН 1501025343, Банк "Москва", Владикавказский филиал, кор. счет 3010181080000000781, БИК 409033781, р/сч 407038100022000010, вид платежа: "на казачий Мемориал".

В. П.

Первые летописные упоминания о казаках

Широко известно церковное предание о передаче донских казаками князю Дмитрию Донскому после Куликовской битвы своих святынь (в частности, Гребневской иконы Божией Матери - подлинник ее исчез в 1918 г.). Казаки в нем - малоизвестный "народ христианский, воинского чина", живущий где-то на Дону, имеющий "города". Но это лишь предание, имеющее только косвенные подтверждения.

Согласно известным источникам, первые достоверно известные казаки - татары. Литовским летописям известен казак **Мамай**, спасший Великого князя Витовта после разгрома на Ворскле в 1399/1400 г.* - родоначальник князей Глинских. В русских летописях, как до сих пор считалось, первое упоминание о казаках - **рязанских** - относится к 1443/1444 г. (наиболее полное - в Ермолинской, а из позднейших - Никоновской летописи).

В 1443/1444 г. царевич Мустафа разорял Рязанщину. Под стенами Переяславля Рязанского рязанцы потом выкупили у татар пленников. В ту осень степь выгорела от пожаров, а зима настала необычайно лютая, с сильными ветрами. Стали гибнуть татарские кони, и пришлось Мустафе вернуться к Рязани уже "миром", чтобы здесь зимовать. Его с приближенными впустили в город, но те стали по обыкновению бесчинствовать, и рязанцы выгнали царевича вон. Деваться было некуда, и он встал станом неподалеку, на речке Листани, терпя от голода и стужи. Прогнать его "в поле" у рязанцев не хватало сил - и они дали знать в Москву.

Великий князь Василий Васильевич отправил свой "двор" под началом воевод князя Василия Оболенского и боярина Андрея Голтыяева, а также "мордву на ртах" (лыжах) - вероятно, отряд из недавно присоединенной Мещеры.

Обезлошадевшие татары были худы и слабы, от мороза и ветра главное их оружие - луки и стрелы - "ни во что же быша", однако они "резашася крепко". Мордва и **рязанские казаки**, ударившие с другой стороны, были вооружена рогатинами, сулицами и саблями. Наличие рогатин у казаков, как и их действия на лыжах, свидетельствуют, скорее всего, что в этом случае они были не татарского происхождения.

Этот эпизод более-менее известен (в том числе как первое упоминание об использовании лыж на войне), чего совсем нельзя сказать о другом свидетельстве.

В 1445 году первый казанский хан Улу-Мухаммед, понеся потери от московских войск под Муромом и Гороховцом, послал "въ Черкасы по люди и приде две тысячи казаковъ" (Ермолинская летопись, с.201). С ними хан разорил город Лух на востоке современной Ивановской области. Остается лишь гадать, куда хан посылал за помощью - уже на Днепр или в Пятигорье на Северном Кавказе?

Сообщение лежит, что называется, "на поверхности", но до сих пор замалчивалось - возможно, из ложно понимаемой "дружбы с братским народом" (позже название "черкасы" закрепилось на Руси за запорожцами - хотя и на Дону фигурировало, откуда и имя его столицы - Черкасск).

Следующее, повторенное во всех основных летописных сводах упоминание казаков - уже в составе московского войска. Непонятно, но и оно не используется исследователями. Это эпизод первой московско-казанской войны, когда Великий князь Иван Васильевич "...дворъ свои, послалъ на Каму воевати мечь Казанскихъ съ Москвы к Галичу, Руна с казаки..." (Русские летописи, т.1. - Симеоновская лет., с.300. Рязань, 1997 г.). В Галиче и далее - по маршруту в Вологде, Устюге и Вятке - к казачко-дворянскому

войску присоединялись новые отряды; от Вятки рать плыла в насадах и успешно действовала затем на Нижней Вятке.

Казачий отряд возглавил видный представитель двора Великого князя, воевода из дворян Иван Руно (на следующий год - непосредственный организатор нападения на Казань). То, что отряд отправлялся из Москвы, позволяет предположить, что в его состав входили и московские "охочие люди" из посадского населения. Откуда бы не прибыли в Москву казаки - у нас есть основание считать 1468 г. **первой известной датой пребывания казаков в Москве.**

Эти сведения все-таки известные, хотя и замалчиваемые. Недавно же мне удалось обнаружить еще более раннее, хоть и косвенное, известие о казаках!

В псковских летописях встретилось такое сообщение: в 1405 г. **посадник Юрий Филиппович Козачкович** руководил походом под г. Ржеву (Псковские летописи, т.1, с.28. М.-Л.1941.). Прозвище указывает: **не позднее второй половины XIV в.** в Пскове жил некто Филипп по прозвищу **Козачок!** Обратим внимание:

слово написано в своем первоначальном виде, по-тюркиски, через "о" (как в украинском) - аргумент не в пользу "удревнителей", производящих казаков от ка-саков или ка-согов.

В летописи употребляется не само слово (и понятие) "козак", а уменьшительная форма - "козачок". Прозвище, возможно, говорит о социальном статусе носителя - отца посадника. По аналогии с новым временем ("казачками" в России называли зависимых, находящихся в услужении людей) для XIV в. можно предположить, что "козачок" - это, например, охранник у купца. Но, во всяком случае, если были "казачки", то, тем более - были известны автору летописной записи и **казаки!** Хотя, конечно, нужно учитывать и известную двойственность этого понятия в русском языке. Так, в вологодском говоре до начала XX в. "козак" - аналог батрака, "пришлый, не имеющий имущества, живущий наемным трудом".

Как бы то ни было, очевидно одно: заимствованное татарское "козак" известно и употребляется на Руси не позднее XIV в. - что столь же очевидно предполагает существование настоящих казаков (хотя бы и татарских), еще ранее!

Научный сотрудник Центра военной истории Института российской истории РАН **Ю. Сухарев**

* Двойная датировка для XV в. принята из-за разнобоя источников: одни летописи уже приняли церковное новолетие с 1 сентября, другие следовали древней традиции - с 1 марта

Казачий автономизм - вчера и сегодня

Казачью прессу не упрекнуть в отсутствии интереса к истории. Перипетии последней, особенно минувшего столетия, личностные оценки деятелей казачества, прежде всего вождей борьбы за "Казачью Идею" ("Казачий Присуд") обоих периодов гражданской войны (1918-22 и 1941-45 гг.), настоятельно требуют всестороннего и объективного пересмотра, переосмысления огромных пластов лжи (еще недавно именовавшихся "советской исторической наукой"). Однако обычно авторы следуют давно наезженной в дореволюционной и советской историографии и литературе колеи, просто по новому трактуя, меняя знаки характеристик давно известных читателю событий и личностей.

И такие публикации нужны. Но куда важнее поставить и разрешить вопросы, замалчиваемые и извращенные еще в императорской России и коммунистической Совдепии, вспомнить незаслуженно преданных забвению казачьих деятелей. Конечно, это сложнее, нежели переписывать написанное другими, порой дополняя его новыми сведениями, переставляя в угоду времени и личным симпатиям ак-

центы. Для исследования "черных дыр" истории, кроме умения профессионально работать с документами-первоисточниками (а не их интерпретациями и комментариями), нужен аналитический склад ума - чтобы в нагромождении разнородных, казалось бы, не связанных между собой фактов и судеб обнаружить логически обусловленные причинно-следственные связи, понять главное, завершив работу единственно правильным выводом либо постановкой ранее не имевшей места проблемы.

Не все сегодня знают об ответе императора Петра I гетману П.Полуботку на просьбу не нарушать статьи Переяславского договора: "Всем ведомо, что с Богдана Хмельницкого до Скоропадского все гетманы являлись изменниками..." Почему Петр считал именно так, отчего в России были преданы почти полностью забвению такие гетманы и сечевые кошевые, как И.Сирко, П.Дорошенко, Ю.Хмельницкий, слава о которых гремела по всей Европе?.. Почему опустилась завеса умолчания на сражение 1659 г. под

Конотопом, когда армия Московии была уничтожена, а русская конница - первый и последний раз после битвы на Калке - вырублена до единого человека?. Почему на территории Кубанского казачьего войска, самого многочисленного после Донского, не было ни одного военного училища, ни одного кадетского корпуса, хотя, к примеру, Оренбургское войско располагало двумя кадетскими корпусами и Кавалерийским училищем?.. Почему так непросто складывались отношения между руководителями Белого Движения и "белыми" же казаками, особенно кубанцами?.. Отчего, наконец, коммунисты Бланк-Ульянов и Бронштейн-Троцкий считали казачество более опасным для своего интернационального режима, чем другие "социально-чуждые" сословия России?. К стати, в 1920 г. коммунисты вывезли на Север и расстреляли из пулеметов шесть тысяч кубанских офицеров и военных чиновников, не повторив подобную экзекуцию в других казачьих войсках...

BOGDANUS CHMELNYTSCY
CASORVM DVX GANER
Гетман Богдан Хмельницкий

Что же связывает воедино приведенные факты, разнесенные во времени и имеющие различное содержание? Выстроенная из них цепочка подчинена единой логике и может послужить раскрытию основополагающего понятия, смысл которого оплачен таким морем казачьей крови, с которым не сравнится даже кровь, пролитая казаками во всех войнах с внешним врагом. Понятие это - **казачья воля** (или, выражаясь административно-правовым языком - **казачий автономизм**).

Поднятая тема столь обширна и специфична для каждого казачьего войска, что для ее раскрытия требуется не статья, а научный трактат на сотни страниц. Поэтому сознательно ограничусь рамками только бывшего днепровского казачества (Запорожья, "реестрового", "вольного") и его наследника - Кубанского войска, лишь в силу необходимости касаясь истории других казачьих войск и отстранившись от анализа весьма своеобразного сочетания идей казачьего автономизма и безбрежной всероссийской "свободы" в программных документах таких казацко-крестьянских вождей, как Разин и Пугачев.

О самостоятельности Запорожской Сечи и ее непростых взаимоотношениях с соседями - Речью Посполитой и Московией (позже Россией), стремлении "реестровиков" к автономии в составе первой написано немало. Но о судьбе днепровского казачества после 1654 г., когда часть Украины "воссоединилась" с Московией, известно куда меньше, и сведения эти весьма избирательны, путаны, а порой и противоречивы.

Прежде всего, сомнителен сам термин "воссоединение": в статьях Переяславского трактата шла речь о "союзе" двух равноправных субъектов, построенном на принципах, которые в свое время легли в основу Унии Польши и Литвы (когда возникла Речь Посполитая). К тому же с Московским государством "воссоединилась" лишь незначительная часть Украины, именуемая "козацкой Украиной вид Чигирин до Конотопа" (получившая в Московии название "Гетманщина").

Да и "добровольность" заключения Переяславского договора может быть поставлена под сомнение - он был заключен лишь после серьезных поражений Хмельницкого в войне с Речью Посполитой, а не на пике его успехов. И гетман (родовой запорожский казак "шляхетского достоинства", породненный с польским аристократическим родом, воспитанный львовских иезуитов, прекрасно владевший польским, латинским, турецким языками), и казачья старшина, на которую он опирался, и массы казачества и селянства, составлявшие костяк его армии, сражались "за вильну и незалежну неньку-Україну", а вовсе не за то, чтобы сменить польское владычество на московское. Иллюстрацией этого может служить тот факт, что после Переяславской "Черной рады" присягу Московскому царю принесли только 62969 казаков и 62454 мещанина, в то время как лишь армия Хмельницкого насчитывала 300 тысяч человек. Часть высокопоставленной казачьей старшины, в том числе ближайших сподвижников гетмана, отка-

залась признать власть Москвы и высказалась за союз с Польшей (например, прославленный брацлавский полковник И. Богун), а запорожцы с кошевым атаманом вообще проигнорировали Переяславский договор.

Неприятнь к новой "союзнице" усилилась, когда Москва уже в гетманство Б.Хмельницкого начала грубо нарушать основополагающие статьи договора: размещать на Гетманщине русские войска, назначать в города царских воевод, насаждать среди малороссийского селянства крепостное право, ограничивать в правах казачество... Неприязнь сменилась враждой после того, как та заключила с Речью Посполитой в 1656 г. Виленский договор: последняя обещала после смерти короля Яна Казимира передать престол царю Алексею Михайловичу - в обмен за возврат украинских казачьих земель, вошедших в состав Московии по Переяславскому договору. И это в то время, когда Богдан Хмельницкий на последней перед своей кончиной старшинской раде заявил, что крайне сожалеет, что ему не удалось освободить от ляхов все южнорусские земли, установив границу по Висле - как при князьях Рюриковичах - Святославе-Воителе и Владимире-Крестителе. По этому поводу профессор Петербургского университета Н.Костомаров в работе "Князь Владимир Мономах и казак Богдан Хмельницкий" писал: "Хмельницкий соединял с Московией свободный народ, добывший себе кровавыми трудами независимость и свободу, а московское правительство имело в виду не народ, а области, случайно приобретенные, которые, при случае, можно было продать, променять, подарить, когда будет выгодно".

Ответ казаков не заставил себя ждать. Уже в 1658 г., на следующий год после кончины Хмельницкого, его преемник Иван Выговский подписывает с Речью Посполитой Гадячский договор: "козацка Украина" под названием "Великое княжество Русское" заключала союз с Польшей и Великим Литовско-Русским княжеством, создавая единую славяно-литовскую державу. Основопологающим принципом нового союза был девиз - "Единение вольного с вольным, равного с равным". Великое княжество Русское сохраняло "отдельность и самобытность" внутрен-

Гетман Иван Выговский

него управления, судопроизводство, религиозное, гражданское, финансовое и военное устройство. К стати, одним из равноправных членов союза было предложено стать и Москве: ей объясняли и главную цель союза - объединенными силами восточного славянства оказать помощь западным и балканским братьям, в первую очередь Сербии и Болгарии. Однако Московия была уже несправимо беременна имперскими амбициями, все больше используя в отношениях с соседями принцип диктата.

Верховная законодательная власть в Великом княжестве Русском должна была принадлежать Национальному собранию депутатов, исполнительная - гетману, избираемому пожизненно всеми сословиями, судебная - верховному трибуналу, куда должны поступать для рассмотрения дела из низших судебных инстанций. В княжестве предусматривалось свое державное казначейство, куда должны были поступать "все доходы и поборы с украинского народа и обращаться единственно на потребности Великого Княжества Русского"; в нем должна была быть собственная денежная система и "монета"; армия из десяти тысяч "регулярного войска и тридцати тысяч и более (по усмотрению) казаков, и никакое другое войско не могло быть введено в княжество без дозволения русского правительства"; гетман имел право представлять королю казаков для возведения в шляхетское достоинство.

Значительное место Гадячский договор уделял вопросам веры - натиск униатства на восточно-украинские земли был одной из причин казацко-польской войны 1648-54 гг. Униатство, как официальное вероисповедание, было решено упразднить не только в Великом княжестве Русском, но также в Польше и Литве; православное духовенство "оставалось с правами своей юрисдикции, имущества его были неприкосновенны, все церкви, отобранные католиками и

униатами, возвращались православным... Митрополит Киевский и пять православных епископов: луцкий, львовский, перемышльский, холмский и мстиславский - должны были занять места в сенате наравне с римскими епископами". Православным разрешалось возводить новые храмы и монастыри, открывать духовные школы и богадельни.

Не были забыты и проблемы просвещения. В Великом княжестве Русском должны были быть "заведены две академии с университетскими правами: первая была киевская коллегия, долженствовавшая сделаться университетом; вторую следовало основать в другом месте, какое признается удобным", профессора и студенты их не должны были лишь принадлежать к протестантским сектам. В любом месте княжества можно было открывать духовные заведения "без ограничения их числом", "заводить типографии, объявлялось совершенно вольное книгопечатание, даже и относительно веры можно было писать всякие возражения и мнения беспрепятственно".

Заключение договора о создании триединой славяно-литовской державы шло не просто. Во-первых, делегация Гетманщины требовала значительно расширить пределы будущего Великого княжества Русского, присоединив к нему Волынское, Подольское, Бельзское воеводства, а также Червоную Русь, "где народ говорил южнорусским языком и где правила прежде русские князья". Согласно компромиссу, в состав Великого княжества, помимо Гетманщины, были включены тогдашние польские Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства, восточная часть Волыни и южная половина Подолья; относительно других спорных территорий переговоры перенесли на более поздний срок.

Во-вторых, часть сенаторов, преимущественно участников недавней казацко-польской войны, считала договор уничижительным для "шляхетского гонору", не веря в его долговечность. Их доводы были сформулированы в обращении к Сейму: "Русь, давняя провинция Речи Посполитой, договаривается с нею как будто чужая страна; мы должны допустить изгнание из Руси старинного дворянства, чтоб водворить новое; мы должны терпеть холопов в самом сенате. Очевидно, что Русское княжество, которого они домогаются, будет совершенно независимое государство, только по имени соединенное с Речью Посполитой. Этого мало: можем ли мы надеяться, чтоб гетман украинский мог быть верным слугою короля и Речи Посполитой, когда он будет облечен почти царской властью и иметь в распоряжении несколько десятков тысяч войска? Конечно, он будет повиноваться до тех пор, пока захочет; а не захочет - будет сопротивляться... Мы должны против совести признать равенство восточной веры с римскою, сами должны хулить унию - соединение с нашею собственною религиєю. Договор этот нарушает коренные уставы государства в духовном и мирском отношении".

Однако число сторонников договора было намного больше, в их рядах были самые влиятельные лица Речи Посполитой, включая и высших духовных иерархов. Доводы в пользу единой с казацкой Гетманщиной державы они начинали известными словами короля О.Батория по случаю уравнивания "достоинства, вольностей и прав" реестрового казачества и польской мелкопоместной шляхты: "Из этих удалцов-казаков со временем образуется вольная Речь Посполитая. Казаки никому не кланялись, не выпрашивали шляхетства через поклоны придворным, а добывают его мужественным сердцем и саблею! Что за беда, что они были мужики, а теперь шляхтичи? Ведь и македоняне были грубые холопы, и римляне возникли из пастухов, и турки из разбойников, и наши поляки прежде не были шляхтичи, а приобрели шляхетское достоинство кровью и отвагою".

За союз были и самые именитые военачальники: "В прошедшие войны много погибло шляхетства; надобно за-

менить убитых; чем давать шляхетство за деньги, гораздо справедливее даровать его казакам в награду за возвращение их к Отечеству... Достоинство дворянское более имеет цены, когда приобретается доблестями, чем когда

получается через наследство, когда оно дар признательности за службу Отечеству, а не награда за лежание в колыбели. Кто своими предками тщеславится, тот хвалится чужим, а не своим: пусть же он своими делами покажет, что достоин звания, которое носит. Нам нужно даровать как можно более свободы казакам, чтоб расположить их к себе. Нечего бояться образования Княжества Русского: охраняя свое правильное устройство, подобное Великому Княжеству Литовскому, оно всегда останется частью Речи Посполитой".

Среди части сенаторов произошло даже переосмысление причин казацко-польской войны: "Не казаки нарушили союз, а мы. Гордость наша виновата. Мы с ними обращались бесчеловечно, не только унижали их перед собой, но пред человечеством. Вот Господь Бог и показал нам, что и они люди, как и другие, и достойно покарал наше высокомерие. Они более заслуживают нашего уважения, чем те, которые раболепно отдаются королю и чужому государству, не думая расширить свою свободу. Казаки упорно предпочитают лучше погибнуть и исчезнуть, чем торжествовать без свободы. Мы ниже их: они сражались с нами за свободу, а мы за бессильное господство". Смягчена была точка зрения и на православную церковь, которая прежде именовалась "схизматической" и

отношение к которой было ничем не лучше, чем к "еретикам-протестантам": "Греческие обряды, различные от римских, не противны религии, коль скоро догматы веры правильны и неизменны... Конечно, никак не следует присоединять греческого обряда к римскому: пусть патриарх, как и прежде, правит русской Церковью, лишь бы догматы веры были неизменны".

Сторонников и противников союза с Гетманщиной примирила речь сенатора К.Беневского:

"Козаков такое множество и так они сильны, что надобно радоваться, если они на каких бы то ни было условиях присоединяются к Речи Посполитой. Раздражать их, как делали мы прежде, будет величайшим безумием. Вы сами знаете, в каком теперь состоянии Речь Посполитая: с одной стороны, нам угрожают шведы, с другой - москали; в нашем положении противиться требованиям козаков значило бы самим отвергать помощь, когда она нам добровольно предлагается... При том же мы - народы одного племени и мало различны по языку".

Заклученный 16 сентября 1658 г. Гадячский договор был утвержден 22 мая 1659 г. на заседании Сейма. Прибывшее в Варшаву посольство Великого Княжества Русского насчитывало около двухсот человек во главе с С.Немиричем, послом от Киева, и П.Верещакой, послом от Чернигова. Генеральную старшину представляли Носач, Груша и Лесницкий, от каждого казацкого полка в состав посольства были включены по два сотника, остальными членами его были "знатные казаки" - заслуженные куренные атаманы, хорунжие, есаулы.

Коронный канцлер Речи Посполитой известил всех присутствующих на заседании Сейма, что король утвердил договор, после чего примас королевства, Гнезненский архиепископ, подал королю лист с присягой. Положив два пальца на Евангелие, Казимир зачитал текст присяги, в которой обещал "сохранять и исполнять, и оберегать этот договор, ни в чем его не уменьшая, но всячески предохраняя от какого бы то ни было изменения. Никакие привилегии, древние и новые, никакие сеймовые конституции, как прошлые, так и будущие, никакие уловки и толкования никогда во веки не будут вредить этому договору и всем пунктам его, заключающим права и преимущества греческой религии Великого Княжества Русского и народной свободы..."

За королем от имени римско-католического духовенства

Гетман Юрий Хмельницкий

Казаки вызывают врага на бой. Худ. А.Кандауров, XIX в.

Речи Посполитой присягу приняли архиепископ Гнезненский - примас духовенства в Королевстве Польском, и епископ Виленский - примас католического духовенства в Великом Княжестве Литовском. От лица польско-литовской армии присягнули оба гетмана - коронный и литовский, затем канцлеры и подканцлеры Польши и Литвы, а завершил принятие присяги от лица всего населения Речи Посполитой маршал посольской избы Ян Гненский.

Наступил черед принесения присяги посольством Великого Княжества Русского. Присягу принимал Киевский митрополит, на столе перед которым лежало Евангелие и распятие. Присягу читал вслух Генеральный писарь Груша, после чего представители Русского княжества целовали Евангелие и крест. Присяга звучала не от имени гетмана или "козацькой Украйны", а от лица всего только что образованного Великого Княжества Русского: "Мы, послы русской нации, от имени ее присягаем Богу всемогущему, во святой Троице сущему, в том, что от сих пор мы пребудем верны его величеству Государю своему Иоанну-Казимиру, королю польскому и шведскому и великому князю литовскому, и его законным наследникам и польской Речи Посполитой..." В тексте присяги нашли отражение два важных для нового триединого государства момента: для Польши и Литвы - "отрекаемся от всяких союзов, прежде нами заключенных с иными, и от сношения с чужими государствами, особливо с царем Московским", и для правящего слоя и казачьей шляхты Великого Княжества Русского - "обещаем в случае бескорольева участвовать в избрании королей купно со всею Речью Посполитой".

Считать себя в состоянии войны с гетманом Выговским Москва стала сразу после заключения Гадячской Унии. Было создано промосковское правительство во главе с бывшим Генеральным судьей Гетманщины Беспалым, ставшим гетманом, и Генеральным есаулом Воронком. Одновременно расквартированные на Украине русские войска

начали борьбу со сторонниками Выговского. Стрельцами воевод Борятинского и Чаадаева на Киевщине были доглат сожжены городки Гоголев, Воронков, Триполье, Стайки, Макаров, Горностай-поле и десятки сел, жители которых были до единого перебиты без различия возраста и пола.

Между тем ситуация на Украине складывалась не в пользу Москвы. Заявление Выговского - "Лучше быть не то что в подданстве, а даже в полону у турка, чем в подданстве у москалей" - нашло широкий отклик среди малороссиян. Гетмана поддержали как отдельные старшины (например, полковником Нежинского полка Г. Гуляницким: "Турки и жиды лучше вас, у турка нам лучше было бы, чем у москалей"), так и решения старшинских рад. Заднепровские полковники распространили универсал со следующими словами: "Мы, заднепровские козаки, не привыкли к неволе, и не хотим ее... Великий Государь не устоял в прежнем договоре; пан Выговский и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступим; не хотим воевод царских и отступим от царя". На стороне Выговского была подавляющая часть Генеральной старшины Гетманщины - Генеральные судьи Богданович-Зарудный и Лесницкий, Генеральный есаул Ковалевский, Генеральный писарь Груша, Генеральный обозный Носач, большинство прославленных полковников, героев война 1648-54 гг. (в том числе самые близкие Хмельницкому Иван Богун, Павло Тетеря, Петро Дорошенко, подольский полковник В. Гоголь, поднепрянский М. Зелинский, лубенский Швец, уманский М. Ханенко, черниговский И. Силич...). Разрыв с Москвой безоговорочно поддержали самые знаменитые казачьи и шляхетские роды Гетманщины и Украины - Северины, Нечаи, Сулимы, Лободы, Гуляницкие, Хмелецкие, Головацкие, Верещаки, Мрозовецкие (по запорожски - Морозенко), Махержинские, Немиричи, больше половины родственников самого Хмельницкого...

А. Серба (окончание следует)

“Отчего Дон возмущенный стал?..”

Народная память о переселении донских казаков на Кубань

Пакет, доставленный на Дон весной 1792 года, повлиять на жизнь нескольких тысяч казаков...

*Никто-то про то не знает, да никто не ведает,
Отчего же наш славный тихий Дон возмущается,
Воскрутился, возмущился славный тихий Дон от
трек генералушек,*

*Как от первого генералушки - от Гудовича,
Как от второго генералушки - князя от Черкасского,
Как от третьего генералушки - князя Иловайского.
Как вечер-то, ночесь, Иловайский князь во игры играл
Он не в карты играл и не в паперсточки, а во бильярд катал;
Прокатал-прогулял Иловайский сын пару вороньих
коней со колясочкой,*

*Еще пропил прокатал Иловайский сын все жительство,
все свое именьеце,*

*Еще пропил-прогулял Иловайский сын весь наш
славный тихий Дон.*

*Как пропиавши, промотавши, сел на лавочку он,
Потунил свои очи ясные и призадумался
Он, призадумавшись, стал указы фальшивые писать и
по войску рассылать.*

*Старых стариков во Кубань-реку бросать,
А девушек на фабричный двор брать,
А молодых ребят во солдаты брить...*

В песне говорится о событиях конца XVIII века - переселении казаков на Кубанскую линию. В 1792 году главнокомандующий на Кавказе и Кубани генерал-аншеф И. В. Гудович для укрепления границы предложил создать кордон из 12 станиц между Белой Мечетью и Усть-Лабой. Во исполнение Высочайшего указа от 28 февраля 1792 г. было решено переселить 3000 семей донских казаков: оставить на Кубани шесть полков и перевести к ним семьи.

Полки Поздеева (Атаманский), Луковкина и Кошкина после трехлетней службы на линии должны были заменить полки Давыдова, Реброва и Алексея Поздеева. Но, в нарушение очередности службы, было приказано оставить отслужившие полки для заселения вновь создаваемых станиц.

В полках всыхнуло недовольство. 40-летний казак Екатерининской станицы Никита Иванович Белогорохов (урожденный ст. Пятиизбянской) заявил, что переселяют их не по "царской воле", а по желанию войскового атамана. Казаки

решили узнать, существуют ли "царицны листы" о переселении? К атаману А. И. Иловайскому тайно были посланы Фока Сухоруков, Степан Моисеев и Данил Елисеев - но еще до их возвращения около 400 казаков двинулись на Дон.

В Черкасском городке дьяк Мелентьев зачитал казакам копию Высочайшего повеления. Толпа с криками об обмане бросилась на дьяка и, избив, отобрала бумаги (что объясняет стержневую линию песни о "фальшивых указах").

А. Иловайский, генералы Мартынов и Луковкин, понимали несправедливость нарушения исконных порядков. Атаман выехал в Петербург, а заместивший его войсковой судья Д. М. Мартынов увещаниями пытался успокоить "помутившийся Дон". Гудович и князь Щербатов, командир гарнизона крепости Св. Дмитрия Ростовского, требовали решительных мер для пресечения сопротивления.

С Линии ушли 784 казака. Белогорохов пытался добратся до Петербурга с прошением императрице, но был схвачен и с другими "смутьянами" - Фокой Сухоруковым, Трофимом Штугаревым, Саввою Садчиковым, Иваном Подливалиным и Дмитрием Поповым - предан суду Особой комиссии при Государственной Военной коллегии. Смертную казнь заменили исключением из Войска, наказанием кнутом в присутствии представителей станиц, вырезанием ноздрей, клеймением и высылкой в Черчинск. В особую вину единственному нераскаившемуся - Белогорохову - поставили нежелание подвергаться какому-либо суду, "кроме Ея Императорского Величества" (чисто казачья черта - признавать превосходство прав лишь в особе монарха).

Брожение не прекратилось. Иловайский объявил о необходимости "считаться с древним Донского войска обрядом" - собрать станичные круги, огласить приглашительные грамоты, выкликнуть охотников на переселение, а при пехватке таковых бросить жребий. Крепкие староверческие станицы - Пятиизбянская, Верхне и Нижне Чирская, Кобылянская, Есауловская - просили оставить их на месте, ссылаясь на права, дарованные Иваном Грозным.

В ответ было приостановлено передвижение на Кубань егерского корпуса, его расположили вокруг волнующихся станиц. Генералу Мартынову, посланному для увещания, Есауловская станица передала постановление круга: "На Кубань не переселяться, станицы защищать кровью до по-

следного, разве что одних малых детей сошлют после их гибели". К станицам придвинулись егеря князя Щербатова, батальон Воронежского полка, эскадрон драгун и тысячная команда казаков генерал-майора Мартынова. Сверху шли Шлиссельбургский, Ростовский и Каргопольский полки. Дон привели к покорности, но и после этого из 103 станиц только 17, не прекословя, подали списки переселяемых. 49 станиц указы не приняли и списки не дали.

Реально движение на Кубань началось лишь в 1794 году - в основном семей казаков-старообрядцев. Их селили в новосозданных станицах Темнолесской, Воронсколесской, Прочноокопской, Григориполисской и Усть-Лабинской, составивших Кубанский казачий полк.

В песне упомянуты Гудович (Гудовский-князь), Иловайский (Иловайский-князь), Каменцов, Кутузов, Попович (Илюша Попович), князь Черкасский, Чернозубов. Появление первых двух естественно - один главноначальствующий и инициатор создания новой Линии, другой - Войсковой атаман. Упоминание Кутузова и Каменцова (видимо, генерал-фельдмаршал М.Ф.Каменский либо его сын Н.М.Каменский) не связаны с реальными событиями, Попович и Черкасский - реликты древней эпической традиции. Особо интересно упоминание Чернозубова. Фольклорист А.С.Кабанов на хуторе Яминском записал "Трех генералов" в исполнении казака В.А.Сидорова (1904 г.):

*Ой, да только от чего? Ой, да только почему,
Наш батюшка славный Тихий Дон
А он возмущен, ой да возмущен стоял?
Ой, помутнен стоял, Ой, замутился, оида наш он Дон,
Наш батюшка славный Тихий Дон,
Вот он только, от больших, ай, От больших господ?
От больших господ, Вот да от таких да только господ,
Наш батюшка славный Тихий Дон,
От трех донских генералушков, Ой, генералушков.
Ой, да как на первых, айда был из них
Ай да из этих генералушек
Ой, да графом только Гудо - Ай, да граф от Гудовича.
Был Гудовский граф
Ай, да на вторых да из них Ай, да из этихда генералушек
Князь от Чернозу - Ой, да Чернозубыва.
Ой, Чернозубыв был
Ой, да как на третьихда из них Из этих генералушек
Да графом только Иловай - Ой, да Иловайскийва.
Иловайский граф - донской генерлушек
Всю ночь не спал - во игру играл,
Во такую игру - во картежную.
Проиграл донской генералушек
Всю свою именью и весь славный Тихий Дон.*

Упоминание Чернозубова с исторической точностью замыкает круг действовавших лиц. Илья Федорович Чернозубов (1765-1825) - командир Кубанского полка в переселенческий период, премьер-майор, впоследствии извест-

Казацья песня
(картина С.Гавриляченко)

последовательность косвенно подсказывает время рождения песни - между 1794 и 1797 годами. Позднее вряд ли - казаки быстро освоились в "чуждеальной сторонке". Вести о богатствах новых мест достигли Дона, и многие под предлогом соединения семей стали уходить на Кубань. Администрации даже пришлось принимать особые меры, ограничивая вольное передвижение.

Писаная история избегает размышлять о справедливости. Народная память отбирает, оценивает события и их участников, причисляя трех генералов к упразднителям вольностей (вспомним и песню черноморцев "Вражья баба Катерина") - хотя по-своему и жалеет "князя Иловайского", проигравшего "москаliku" (так в ряде вариантов) Тихий Дон.

Исторически точный Чернозубов легко замещается другими персонажами. Его вообще могли не запомнить и не знать, как других участников истории - Мартынова, Луковкина, Платова, Щербатова. Генералу Мартынову, оставившемуся с отрядом в Крутойярской, мятежные есауловские казаки подбросили бумаги, начинавшиеся так: "Почтенному господину, имя и прозвания не знаем, следующему с командой в нашу станицу..." Сохранение имени Чернозубова объясняется местом записи песни. Хутор Яминский (между верхнедонскими станицами Алексеевской и Усть-Бузулуцкой) указан в списке как непокоренная и не подвергнутая репрессиям станица. Впервые, наиболее трудные переселенческие годы нередко случались в беги на Дон казаков и "казачьих женок". Они, видимо, и принесли на родину имя первого полкового командира.

В исторической песне обычно несколько временных пластов. Реальные имена, даты, названия заставляют обратиться к конкретной фабуле событий, к линейному времени. Живет в песне и сложная история взаимоотношений государства, стремящегося подчинить казаков, и казачества, готового служить "по воле". События, о которых поются-играются "Три генерала" - лишь один сюжет из ряда подобных. И песня эта занимает место в ряду, начатом былинной традицией. Не случайно М.Шолохов ставит одним из зачинов к "Тихому Дону" строки:

*Ой ты, наш батюшка тихий Дон!
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?*

Сергей и Елена Гавриляченко
(*"Московский журнал"*)

Удар на правом фланге

Начало июня 1828 года на Пятигорье прошло в тревожном ожидании. Немногочисленная курортная публика, всматриваясь в озабоченные лица военных, по несколько раз в день справлялась у пристава Константиновского укрепления:

- Что армейцы вроде как не в себе? Случилось что?

Пристав, пряча глаза, тяжело вздыхал и начинал читать лекцию о международном положении России:

- Господа, вы же все не хуже меня знаете - с Персией воюем. Вероломством нас взяли хотели нехристи, но кавказский солдат всегда начеку! Турки, известное дело, ножи точат, на а за ними - наш заклятый друг Англия...

Пока пристав скучно обличал российских недругов, Константиновское укрепление (будущий Пятигорск) деятельно приготавливалось к событиям, с происками Англии никак не связанными - укреплялись стены, сушился порох, заготавливали съестные припасы. Когда один из отставных военных, приехавший на Воды "размяться и похлебать водички", попросил знакомого поручика "по секрету" рассказать о причине беспокойства, тот, не долго думая, сказал:

- Его превосходительство генерал Эммануэль обещались

быть. Готовимся к встрече.

Однако встречать готовились совсем не Эммануэля. Тремя днями раньше из Баталпашинского укрепления пришло известие: через Кубань переправилась крупная партия закубанских горцев. Сей факт поначалу восприняли спокойно, к нападениям и стычкам с горцами на правом фланге Кавказской армии привыкли, относясь к таким происшествиям почти философски, как к неизбежному злу, с которым вполне возможно бороться. Но следующие донесения к раздумьям уже не располагали - партия оказалась огромным трехтысячным отрядом хорошо вооруженных всадников с подменными лошадьми. Казаки Волгского полка, прикрывавшие Пятигорье, не дожидаясь приказа, выставили пикеты уже на подходе к Эссентукской. Два раза в день оттуда приезжал гонец с конвоем и на вопрос станичников "Ну как?" - отвечал коротко: - Тихо!..

А в 20-ти верстах от Константиновгорска на берегах Кубани уже лилась кровь. Первый удар закубанцев приняли казаки Донского полковника Родионова полка. Командир донцов, надеясь на удалство казаков и не желая допустить

переправы через Кубань, с ходу бросил на неприятеля сотню. Расчет на русское "ура" не оправдался. Горцы встретили расчетливый ружейным залпом, и донцы, не успев рассыпаться "в лаву", сразу же потеряли десяток убитыми. Тут же пятьсот горцев с воем бросились на смешавшуюся сотню и сшиблись с казаками "в шашки". Станичники смогли устоять и даже вырваться, но при этом, что называется, "умылись кровью" – 27 донцов остались лежать порубленными, еще пятеро едва держались на ногах. Командир сотни есаул Попов, четырежды раненный в грудь и живот, нашел в себе силы подъехать к Родионову и хрипло доложить:

- Полсотни нет. И я умираю.

Имея шестикратное превосходство, закубанцы на полк Родионова напасть все же не рискнули. Стараясь оторваться от преследования, они некоторое время кружили по лесу, после чего быстро направились в сторону Боргустанской. Донцы двигались следом. Оставив пикеты, Родионов с полком на рысях двинулся к Баталпашинской, куда утром 8 июня прибыли генерал от кавалерии Эммануэль и командир правого фланга Кавказской линии генерал-майор Антропов. На совещании обычно спокойный Эммануэль заметно нервничал:

- Дело весьма серьезное. Крупных сил в запасе нет, все резервы воюют с персами. По линии только казачьи полки и егеря, артиллерии мало. Что задумал противник, мы не знаем, но возможностей у него много – на Пятигорье станицы и колонии, Георгиевск, Марьинская, про Кисловодск я уже не говорю. Под Баталпашинской хоперские станицы и аулы ногайцев только казаками прикрыты, гренадеры и артиллерия придут на днях, но, сколько их будет, пока неизвестно. Давайте думать, как своих в обиду не дать.

Но особо раздумывать было некогда. Стороживший горцев пикет донцов прислал донесение - закубанцы снялись со стоянки, прошли несколько верст и встали на отдых между Кисловодском и Боргустанской. Попытки взять пленного для выявления намерений неприятеля успеха не имели – горцы выставили караулы и бдительности не теряли.

Родионов и командир Хоперского казачьего полка майор Канивальский решительно высказались за преследование закубанцев, явно замышлявших какую-то крупную неприятность. Эммануэль и Антропов, немного подумав, быстро составили приказ: Донскому и Хоперскому полкам следовать за неприятелем, держать его на виду и не давать возможности предпринять что-либо неожиданное. Хоперцам сторожить горцев у Кисловодска, донцам по берегам Кумы.

С рассветом следующего дня горцы снялись со стоянки и двинулись к Каменному Мосту на реке Малке. Хоперские казаки, "пуганув" неприятеля из ружей, бросились к лагерю донцов, уже седлавших коней:

- Ваш-благородь, на Константиногорск пошли!.. Ходко идут, по ним пуляли, ни один не обернулся. Торопятся!

Родионов приказал хоперцам возвращаться к своим и передать Канивальскому, что будет ждать его полк на подходе к Константиновскому укреплению:

- Соединимся и вместе ударим. Только скачите шибче, тут уж не до хорошего, каждая минута дорога!

Споро шли казачьи кони, но когда после двухчасового перехода донцы и хоперцы встретились, оказалось, что горцев под Константиногорском нет! Вместо неприятеля ожидал на взмысленных лошадях разъезд казаков Волгского полка. Волгцы еще издали стали махать руками:

- На Марьинскую ушли! Быстрее, там никого. Наши две сотни им за хвост зацепились, но долго не выдержат - вчера из похода, лошади еле ходят и раненых много. Не поспеете – всех вырежут!

На Марьинскую полки пошли галопом. Но не успели проскакать и десять верст, как с правой стороны в небо взвились клубы густого дыма.

- Мать честная, они же Незлобную жгут!

На месте Незлобского укрепления полыхал пожар. Между горящими хатами металась казачья семья Волгского полка, выволакивая полузадохнувшихся женщин и детей. В одном из волгцев не без труда узнали командира полка войскового старшину Страшнова – череска на нем дымилась, один рукав оторван до плеча, лицо залито кровью. Увидев офицеров, Страшнов закричал:

- Людей не спешивайте, абреки рядом! На том конце егеря церкву тушат, старшин у них какой-то майор. Скажите, пусть половину солдат здесь оставит, а пушки следом за вами пускает. Ударим вместе!

С командиром егерей майором Казачковским договорились за минуту. По сигналу Родионова хоперцы, донцы и две сотни Волгского полка бросились в погоню. Догоняя Канивальского, Страшнов крикнул:

- Держись чуть взади! У твоих лошади посвежее, если что - подпирать нас будешь. Мои люди вторые сутки в седлах, боюсь, в лоб удара не выдержат! Надежда на тебя и артиллерию.

Горцы, увидев погоню, разделились на две группы. Одна с пленными незлобцами поспешила дальше, вторая – около двух тысяч всадников – повернула назад и с ходу ударила во фланг не успевшего перестроиться Донского полка. Бой завязался жестокий. Донцы, побросав пики, отбивались шашками от закубанцев, скопом кидавшихся на казаков. Рубились молча, опускающая клинки с оттяжкой, иных разваливая пополам. Доставалось и лошадям, часто принимавшим удары, предназначенные их всадникам. Выбитые из седла противники боролись на земле, и, случалось, одолевший врага победитель, не успевая подняться на ноги, получал пулю в голову или удар сабли.

В свалке несколько сот горцев, втоптав пушкарей в землю, захватили орудие, посланное майором егерей. Заметив это, Родионов, уже дважды раненный, с отрубленными пальцами, вырвался из толпы и с десятком донцов бросился к орудью. Казаки клином врзались в неприятеля и погибли все до единого. Родионов еще успел заколоть одного горца, но страшный удар по темени опрокинул его на землю.

В пылу схватки смерть командира полка осталась незамеченной. Казаки, ожесточась, рубились, не смотря по сторонам. Волгцы, спешившись в десятки, дрались с яростными криками. Страшнов, виртуозно работавший шашкой в самой гуще схватки, кричал, ободряя казаков:

- Надо устоять, братцы! Не устоим – всем конец: и нам, и станицам!..

Волгцы отзывались на призыв командира новым натиском и гибли в бою один за другим. Страшнов, желая отвести сотню к балке, которую можно было бы использовать для прикрытия тыла, вырвался из толпы и, засунув два пальца в рот, пронзительно свистнул. Казаки бросились прорываться к командиру, и, перестроившись, снова бросились на горцев. Страшнов тем временем с полусотней донцов и волгцев обошел врага с тыла и ударил ему в спину. Командир Волгского полка первым врзались в толпу закубанцев и тут же замертво упал - пуля ударила ему в сердце.

Плохо пришлось бы казакам, если бы не хоперцы Канивальского. Выдержав натиск горцев, сотни хоперцев опрокинули противника, лишь самые проворные закубанцы сумели уйти – остальных порубили беспощадно. Канивальский собрал рассеянных донцов и волгцев и бросил их на позицию отбитого горцами орудия. Бросив лошадей, казаки с кинжалами в руках схватились с неприятелем и в рукопашном бою одержали верх. Развивая успех, хоперцы тем временем развернулись в лаву и с гиком погнались горцев, уже не помывлявших ни о каком сопротивлении.

Переменив лошадей, закубанцы спешно уходили в сторону Кисловодска. Их не преследовали – лошади казаков падали от усталости. В трех верстах от места боя уже успокоившихся горцев ждал неприятный сюрприз - ожидавшие егеря 40-го полка: три легких орудия прицельным огнем уложили на землю еще несколько десятков всадников. Пока горцы приходили в себя, Канивальский пересадил часть казаков на лошадей убитых закубанцев и снова начал преследование, продолжавшееся еще почти сутки.

Казаки выполнили долг - Пятигорье было спасено от разоренья. У извлеченного из-под груды тел полковника Родионова с трудом вынули из окровавленных ладоней полманную шашку - и после смерти донской командир не хотел расставаться с оружием. Один из офицеров, прибывший с донесением к Антропову, сказал кратко: "Командир был достоин своих казаков, казаки – достойны своего командира".

Хоронили героев со всеми почестями. После отпевания казаков повезли в родные станицы. Родионов и Страшнов нашли последний приют на старом пятигорском кладбище – "Некрополе".

Бросая горсти земли в могилы, казаки сокрушались:

- Вместе в чины вышли, кресты получили... "Георгиев" уже не получают, зато потомки будут помнить.

...В 60-е годы XX века могилы Родионова и Страшнова были утрачены.

Е.Ткачев

Письмо с фронта

(семейный архив как источник изучения Великой войны)

В личном архиве автора находится фронтовое письмо 1914 года. Сугубо личного содержания, оно посвящено подробностям героической гибели есаула М.В. Антонова, командира и земляка (возможно – родственника по линии жены) отправителя письма, вольноопределяющегося 32-го Донского казачьего полка С.Елатонцева. Позднее, в 1916 г., решением Георгиевской Думы М.В. Антонов будет посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Кстати, оба – и погибший есаул, и вольноопределяющийся – были потом упомянуты в знаменитом “Казачьем словаре-справочнике”, изданном А.Скрыловым и Г.Губаревым в США в 1966 г. А письмо оказалось автографом члена Донского правительства, участника создания Донской Республики, известного деятеля казачьего зарубежья С.Елатонцева. Автограф “видного белогвардейца” сохранился не в государственном архиве и не за границей, а в семье, пережившей репрессии, членов которой еще в 1934 году брали в “заложники” (!) органы НКВД (кто не слышал о подобном, вряд ли поверит, о такой практике 30-х годов, кажется, еще не писали!). Вот это письмо:

“Многоуважаемый Иван Васильевич! Возвращая письма Михаила Васильевича, должен сообщить тяжелую весть – Мих. Вас. убит во время атаки на пехоту при д. Белчев 22-го августа в 5 час. вечера. Убит двумя пулями – одна через грудь пробила большую артерию, другая в ногу выше колена. Смерть по мнению докторов была быстрой. Нашли его и погребли на второй день. Похоронили в деревне Жолкевка.

Переслать письма жене и его семье не решаюсь. Возьмите на себя эту тяжелую задачу. Царство небесное хорошему несчастному человеку. За все время мы пережили 12–15 сражений. Что будет дальше Богу известно. Привет от Петра Моисеевича Семенова. С.Елатонцев”

Два слова об авторе письма. Семен Георгиевич Елатонцев родился 3 февраля 1886 года в станице Кременской. Окончил Новочеркасское реальное училище и Технологический институт в Санкт-Петербурге. С началом 1-й Мировой войны – вольноопределяющийся 32-го Донского казачьего полка, за боевые отличия награжден Георгиевскими крестами двух степеней, получил чин прапорщика. После тяжелого ранения как инвалид остался на тыловой службе. После 1917 года Елатонцев был делегатом Донского Войскового Круга, неоднократно избирался членом Донского правительства.

В вынужденном изгнании он жил сначала в Чехии, осенью 1923 г. с женой переехал в США, став председателем Общеказачьего Центра и редактором “Общеказачьего журнала”. Умер 23 июля 1955 г. в Нью-Джерси.

С.Елатонцев, неизменно оставаясь сторонником федерации с Россией, был, вместе с тем, горячим патриотом Дона. “Где бы мы не были, – говорил он, – мы крепко держимся наших казачьих обыкновений. Поэтому нас можно истрепать, уничтожить, но победить, изменить нас нельзя... Пока в наших жилах течет казачья кровь, никакая революция, никакой коммунизм, никакие гонения и лишения не изменят нашей духовной сущности, не изменят наш

Михаил Васильевич и Евгения Николаевна Антоновы со старшими детьми (ок. 1909 г.)

Петр Антонов

Владимир Антонов

Павел Антонов

вольный свободлюбивый дух, не вырвут из наших душ любовь к свободе, к справедливости, законности, к вере в Бога, не вырвут веру в святость человеческой жизни и личности...”

Михаил Васильевич Антонов – из дворян Войска Донского, родился ок. 1873 г., также в Кременской. Был командиром 1-й сотни 32-го Донского казачьего полка, сформированного в слободе Михайловка. Убит в конной атаке на австрийскую пехоту 6 (22) августа 1914 г. Он был женат на Евгении Николаевне Плетневой и имел 11 детей. Все его старшие сыновья приняли участие в борьбе с большеви-

ками: Петр в 1914 г. был выпущен из Михайловского артиллерийского училища хорунжим в 32-й ДКП, погиб в ноябре. Владимир – выпущен в 1915 г. из Николаевского Кавалерийского училища, покончил с собой в 1917 г. Павел – кадет Новочеркасского Императора Александра III кадетского корпуса, партизан отряда полковника В. Чернецова; в числе раненых чернецовцев захвачен красными в Новочеркаске в больнице Общества донских врачей и зверски убит за городом в феврале 1918 г.

Не успевшие по малолетству поехать с красными сыновья Михаила Васильевича погибли позже. Василий – пропал под Брестом в июне 1941 г. Алексей (Леонид), мой дед – тоже участник войны 1941-45 гг. и с Японией, минер-подрывник, ст. лейтенант; умер в 1971 г.

Две дочери есаула Антонова покинули родину с Донским Мариинским и Смольным институтами. Внук одной из них, Зинаида – Сергей Иванов – живет в Париже (в 90-х годах приезжал в Кременскую и Москву).

Что касается упомянутой конной атаки на пехоту противника, то, по данным Журнала боевых действий 32-го ДКП, сотня есаула М. Антонова атаковала роту австрийской пехоты в траншее, прикрытой артиллерийской батареею, пленила ее, затем стремительным броском взяла вторую линию траншей, и, наконец, и самую батарею. Но сотня, шедшая во 2-м эшелоне, заняв первую траншею, занялась пленными и не пошла далее. В результате из второй траншеи в спину казакам на батарее ударил пулемет. Командир сотни (по словам очевидца, доставившего в семью вещи, окровавленное седло и обручальное кольцо покойного) успел только шашкой подать сигнал к разделению сотни на две части и отходу, как был сражен очередью. Он оказался единственным убитым с нашей стороны в том бою, был еще один раненый казак.

Позднее останки Михаила Васильевича перезахоронили на родине – в церковной ограде в хуторе Фролово Кременского юрта, куда перебралась жить вдова с младшими детьми (жд. станция Арчеда, ныне Фролово Волгоградской обл.). Собирали средства на памятник, но установить его уже не успели. Теперь на месте храма находится, как у нас водится, дом культуры. Вокруг – ровные газоны, только памятник на могиле мионовского комиссара Ковалева, тоже кременского казака, напоминает, что когда-то здесь было кладбище...

Ю. Антонов

Михаил Демьянович Гетманов

«Поезд остановился. Из офицерского вагона быстро вышел высокий стройный офицер в вишневой черкеске и в крупной косматой белой папахе, направляясь к нам.

«Гетманов... да, ведь это хорунжий Миша Гетманов!» வரு радостно произносит нам хорунжий Маглиновский.

Смуглый, загорелый, с мужественным лицом прямого профиля, он быстро подходит к нашей группе, целует дамам ручки, запросто здоровается с нашими подбесаулами, с которыми на «ты» и потом, братски, дружески представляется нам, стараясь ободрить нас, застывших в воинском положении «смирно», перед старшим хорунжим полка. Он выпуска сотни Николаевского кавалерийского училища 1911 года, а главное - Первого выпуска Владикавказского кадетского корпуса. В нем я сразу узнал «озорного кадета, сына Атамана нашего Кавказского Отдела генерал-майора Гетманова. Генерал занимал большей киртичный дом возле Войсковой больницы недалеко от нашего двора, и на летних каникулах я часто видел обоих братьев-кадетов, которые с родителями раза два были гостями в нашем фруктовом саду, что lystило нашей бабушке и отцу. А я «бужкой» стоял в стороне с кремневым пистолетом своего деда, следя, чтобы эти «панские дети» не воровали бы яблоки и не особенно бы озорничали «в чужом саду»... Миша Гетманов, теперь гене-

рал, проживающий недалеко от Нью-Йорка, конечно, этого не помнит и не знает, но это было так. Теперь мы хорунжие одного нашего 1-го Кавказского полка, равные в ранге офицера...» (из воспоминаний полковника Ф.И.Елисеева «Первые шаги молодого хорунжего»; Нью-Йорк, 1970 г.).

Род Гетмановых ведет начало от запорожцев, переселившихся на Кубань. Отчаянный казак Александр Гетманов выкрал свою жену из горного черкесского аула. Дослужился в беспрестанных боях до звания генерала. Сын его Демьян прошел русско-турецкую войну, воевал в Закаспийской области, тоже стал генералом. 8 ноября 1891 г. в семье Демьяна Александровича Гетманова появился на свет еще один казак. Назвали Михаилом - со временем и ему было суждено стать генералом...

В 1901 г. Миша Гетманов поступил во Владикавказский кадетский корпус. Мальчик был левшой, а так как левшей в то время переучивали, то он одинаково хорошо владел обеими руками. Позже, во время 1-й Мировой и Гражданской войн ему это очень пригодилось. В 1909 г. Михаил поступил в Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, где в казачьей сотне считался одним из лучших по джигитовке, неоднократно выступал в Михайловском манеже на воскресных Разводах Караулов. Часто урядник Гетманов стоял в парных караулах Зимнего Дворца.

По окончании училища в августе 1911 г. М.Гетманов был произведен в хорунжие и направлен в 1-й Кавказский Наместника Екатеринославского Генерал-Фельдмаршала Князя Потемкина Таврического полк Кубанского казачьего войска, несший службу вдоль Афганской и Персидской границ. В мае 1912 г., в составе отряда, выделенного по просьбе Персидского шаха русским правительством, хорунжий Гетманов участвовал в умиротворении мятежных князьков в Персии. По исполнении этой задачи, младший офицер 2-ой сотни возвращается в Мерв. Уже там, с самого начала своей службы, Михаил Демьянович пользовался уважением и любовью казаков. Офицеры звали его «Миша-Джан» (по-горски: «Душа-человек»). Он был бесценным тамадой на всех полковых застольях. Много лет спустя, в 1971 г. Ф.И. Елисеев в

частных письмах так и обращался к нему: «Миша-Джан»...

Мировую войну хорунжий Гетманов встретил во 2-м Кавказском полку младшим офицером 1-й сотни. 6 августа 1914 г. в составе 2-й Кубанской дивизии Михаил Демьянович перешел Австрийскую границу; несмотря на ранение в ногу, остался в строю и в первой половине сентября с боем перешел перевал Бескиды, пересекая границу Венгрии у села Волос. В начале октября Гетманов сформировал дивизионную пулеметную команду, затем последовало назначение начальником конвоя командира 2-й Кубанской дивизии. Но молодой офицер рвался на передовую, и уже в конце октября Гетманов по личной просьбе был откомандирован в полк младшим офицером 1-й сотни.

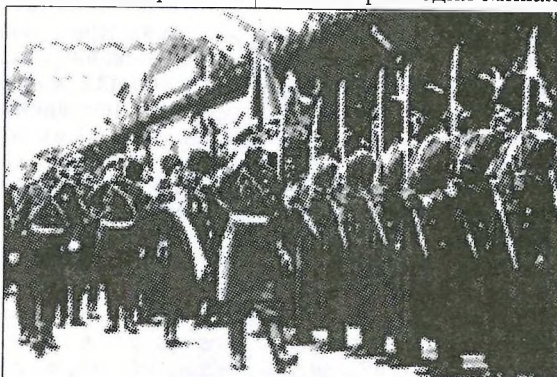
18 марта 1915 г. полк выступил на Германский фронт, вскоре хорунжий был назначен командиром 1-й сотни. К июлю он принял командование 3-й сотней, совмещая это с должностью начальника пулеметной команды. 7-го сентября, в бою под селом Келейцы, получил сквозное ранение правого бедра. Пока Гетманов выздоравливал в тылу, вышел Высочайший приказ о произведении его в чин сотника со старшинством от 6 августа 1915 года. Уже в октябре, как только затягивается рана, он возвращается на фронт.

Много раз водил Михаил Демьянович свою сотню в конные атаки с октября 1915 по август 1916 г. 12 августа 1916 г., ведя казаков в бой в районе станции Вилейка, сотник Гетманов получает двойное ранение: одно в грудь, другое в левую руку выше локтя, с раздроблением кости. Лошадь была убита, и он остался лежать почти у позиций противника. Казаки, дождавшись темноты, ползком под постоянным огнем немецких пулеметов вытащили своего командира к русским окопам. Все четыре казака были представлены к солдатским Георгиям 2-ой степени (один из них, Сидор, был потом у Гетманова вестовым и ординарцем, прошел с ним Мировую и Гражданскую войну, - вплоть до Лемноса).

Михаил Демьянович был эвакуирован в госпиталь в Минске. Из-за большой потери крови и попадания инфекции в рану началось заражение крови. Хирургам пришлось отнять левую руку, отчасти включая плечевой сустав. Для большинства этим бы и закончилась военная служба - но не для Гетманова! Уже через две с половиной недели после ампутации он подает прошение о возвращении в строй!

В конце ноября сотник Гетманов получает разрешение Государя и 23 декабря возвращается в полк, приняв командование 5-ой сотней. В тот же день приходит Высочайший приказ о произведении в чин Есаула. Несмотря на отсутствие руки, Михаил Демьянович лично водил свою сотню в конные атаки! А уздечку либо держал в зубах, или подворачивал ее на седло под одну из ног. Можно представить, какое впечатление производили на противника отчаянные конные атаки кубанских казаков во главе с таким командиром. До ранения Гетманов был левшой, но рубку пашкой он делал правой с таким же успехом.

В 1917 году есаул Гетманов, понимая, к чему все идет, пытался бороться с безумием, охватившим армию, - хотя бы на уровне своей сотни. Михаил Демьянович пользовался у своих кубанцев неограниченным доверием и любовью, и казаки гнали всех большевистских агитаторов в шею. У Ф.И.Елисеева есть описание эпизода, характеризующее отношение Гетманова к своим

Инспекция Государем дворцового караула перед разводом в Зимнем дворце. Крайний на правом фланге - Михаил Гетманов.

Офицеры 1-го Кавказского полка Кубанского Казачьего Войска в 1912 г. (г. Мерв Закаспийской обл.). Второй слева - хорунжий М.Д.Гетманов (фотография подарена ген. М.Д. Гетманову его однополчанином, полк.Ф.И. Елисеевым в 1949 г.).

подчиненным: "Старшие хорунжие, во главе с Мишей Гетмановым, устроили нам веселую встречу, на которой он провозгласил, как девиз: "Смотрите на казаков, как на своих младших, братьев, любите их и будьте им примером во всем". Не мудрено, что и казаки его любили.

У казаков были иные, чем в остальных частях, отношения между офицерами и рядовым составом, поэтому и спайка в таких частях была сильнее, и командиров своих в обиду всяческим комитетам казаки не давали. Но в целом армия, как и все общество, была разболтана до предела. Вслед за одним из современников, есаул Гетманов повторил:

*Нет ни совести, ни чести,
Все с г..... смешали вместе,
С красным знаменем вперед
Оголтелый прет народ...*

В декабре 1917 г., отказываясь признать "выборное начало", есаул Гетманов выступил со своей сотней из-под Орши, где была дислоцирована его часть. К нему добровольно примкнула большая часть казаков 6-ой сотни, и эшелоном они отправились на Дон.

В Новочеркаске Гетманов получил телеграмму Кубанского Войскового Правительства с предписанием распустить эшелон 6 января 1918 г. Выполнив приказ, есаул продолжил движение на Екатеринодар и 8-го января явился командиром своего полка. Гетманов был зачислен в контрразведывательное отделение полевого штаба Кубанского войска и направлен в хутор Романовский для установления сил большевиков. Будучи заметной фигурой, есаул был опознан и арестован Романовским комитетом. Тем не менее, ему удалось бежать и вернуться в штаб войска, где он был зачислен в отряд "Отряд Спасения Кубани" полковника Лисевичского.

Связь с Доном была прервана, ситуация казалась безнадежной. Неказачье население не скрывало "красной" ориентации. На совещании у Войскового Атамана полковника Филимонова было решено оставить Екатеринодар. 28 февраля Гетманов выступил из Екатеринодара в составе Черкесского дивизиона. 14 марта кубанские части соединились с Добровольческой армией Корнилова, прошедшей с тяжелыми боями от Ростова. Есаул Гетманов перешел в офицерский конный отряд имени ген. Бакланова. Отряд был сплошь донской, Михаил Демьянович и его старший брат были там единственными кубанцами. С Баклановским отрядом Гетманов прошел "Ледяной" поход и все бои вплоть до неудавшихся штурмов Екатеринодара. После кончины ген. Корнилова, М. Гетманов в составе отряда пробивался с боями в направлении Ростова. В станице Мечетинской он был назначен отрядным вахмистром.

1-й Кубанский ("Ледяной") поход закончился 30 апреля 1918 г., и Михаил Демьянович оставался при Баклановском отряде еще месяц. Приказом по Всевеликому Войску Донскому за боевые заслуги этот кубанский казак был произведен в Войсковые Старшины. 2 июня Гетманов перешел во 2-ой Сводно-Кубанский полк и был назначен помощником командира по строевой части, а месяц спустя, 19 июля назначен командиром полка.

В бою с красными 28 августа Гетманов получил слепое ранение осколками разорвавшегося снаряда в бедро правой ноги и подбородок, а также был сильно контужен. В тот же день, по окончании перевязки, он возвратился в свой полк и опять повел его в коңшую атаку! И – новое ранение, на этот раз в грудь. По дороге на перевязочный пункт Михаил Демьянович получил третье ранение за день – на этот раз пулей в спину. В лазарете, при вскрытии грудной полости хирург установил, что пуля остановилась в сердечной сумке над входным клапаном и результатом удаления пули была бы немедленная смерть. Доктор оставил пулю в сердечной сумке и зашил ранение. **Эту пулю, вросшую в сердечную сумку, Михаил Демьянович пронесил в сердце всю жизнь!**

27 октября на основании приказа по Доброармии и по Кубанскому Войску Гетманову был присвоен чин полковника. 18 ноября 1918 г., когда раны затянулись, он принял командование 1-й бригадой 1-й Кубанской казачьей дивизии ген. Покровского. Месяцы прошли в тяжелых боях по освобождению Северного Кавказа.

2 апреля 1919 г. полковник Гетманов был вызван для службы при штабе Главнокомандующего, но уже 3 июня принял командование 1-й Кубанской казачьей дивизией, по причине ранения начальника. Кубанцы участвовали в

тяжелых боях на Царицынском направлении, и после взятия города продолжали движение на север. Командуя дивизией, полковник был контужен в бою под Мариенфельдом (Саратовская губерния), но остался в строю.

22 сентября, по возвращении начальника дивизии, полковник Гетманов снова принял свою 1-ю бригаду. 7 октября в конной атаке под сел. Прудки Саратовской губернии он снова ранен, на этот раз в правое бедро. Полковника эвакуировали, но, как только рана затянулась, он вернулся в строй и 7 декабря вывел свою бригаду на Царицынский фронт. За несколько дней боев бригада понесла столь сильные потери, что Гетманов свел ее в полк.

В феврале 1920 г. приказом по Кубанской армии полковник был назначен командиром Хоперской бригады и прибыл в станицу Невинномысскую. Бригада, как и многие части белых в то время, находилась в стадии разложения. Гетманов сдал командование по собственному желанию и был зачислен в резерв в середине апреля. Атаман Букретов через генерала Морозова вступил с большевиками в переговоры о капитуляции. Меньшая часть Кубанской Армии смогла эвакуироваться в Крым, вопреки уговорам Букретова, большая – сдана красным. Сам Букретов и члены Кубанской Рады – самостийники бросили армию и бежали в Грузию (позже, в июне 1920 г., другие члены Кубанской Рады объявили Букретова изменником).

Но не все части Кубанской Армии, что не смогли эвакуироваться в Крым, попали в плен к красным. По просьбе казаков полковник Гетманов, не допуская мысли о сдаче, снова принял Хоперскую бригаду и вывел ее в Грузию. Михаил Демьянович спас личный состав и сохранил штандарты обоих полков. Позже хоперцы были перевезены в Крым и продолжили борьбу.

Из письма В.В.Черешнева Ф. Елисееву о последних днях Кубанской армии на Черноморском побережье:

"Командир Хоперской бригады, 1-го и 2-го полков, тогда полковник (позже ген-майор) М.Д.Гетманов... увел всю бригаду в Грузию. Открывать границу не пришлось, ибо при нашем приближении погран. стража разбежалась и мне пришлось 1-й сотней Хоперцев временно занять границу, пока собрал разбежавшихся грузин. По прибытии в Гагры связался с грузинскими властями. В дальнейшем бригада была интернирована в Кутаис, - место стоянки Хоперцев в довоенное время, а в дальнейшем переброшена в Крым к ген. Врангелю".

Гетманов направился в Севастополь, получив назначение в Кубанскую казачью дивизию генерала Бабиева. В середине июля Гетманов был командирован в распоряжение ген.-майора Науменко, Начальника Штаба Войска.

3 августа 1920 года полковник Гетманов в качестве начальника Черноморского отряда группы генерала Улагая высадился с десантом в станице Приморско-Ахтарской. Задачей операции была поддержка отрядов генерала Фостикова, полковников Скакуна, Лебедева и Менякова. 23-го августа Михаил Демьянович вернулся обратно в Керчь. Там он расформировал свой отряд и принял офицерскую сотню.

3 ноября полковник Гетманов с подразделением отбыл из Крыма. Спасаясь от красного террора, они еще не знали, что уезжают навсегда. Тягостная атмосфера усугублялась тем, что казакам пришлось оставить своих коней на берегу. Лошади бросались в воду, пытаясь плыть за хозяевами. "Без коня казак кругом сирота", - говорит казачья пословица. Закаленные в боях казаки стреляли, рыдая, по своим же лошадям, пронесшим их не через одну битву, чтоб забыть от мучительной смерти в ледяной воде. Была там и лошадь Михаил Демьяновича. Эта сцена навсегда врезалась в его память...

Через несколько дней транспорт прибыл в Константинополь, и "союзники" по Мировой войне держали судно на внешнем рейде одиннадцать дней. Только 19-го ноября судно было разрешено проследовать через проливы. Через два дня кубанцы прибыли на остров Лемнос, где уже сосредоточилась большая часть казачьих частей.

7 декабря приказом по Русской армии за боевые отличия Михаил Демьянович был произведен в чин генерал-майора. До начала марта 1921 г. он был наблюдающим за командами полка, пока не был прикомандирован к штабу 2-й Кубанской стрелковой дивизии.

На Лемносе Гетманов встретил свою будущую жену, Миллицу Михайловну Поночевную (кстати, правнучку

Антон Головатого!). Она прошла всю Гражданскую войну, принимала участие в Ледяном походе в качестве сестры милосердия при гаубичной ген. Маркова батарее, но в 1-й Кубанский поход своего будущего мужа не повстречала. Затем их пути едва не пересеклись под Каховкой, где при поддержке марковской батареи Гетманов со своей бригадой в пух и прах разбил одну из конных дивизий "товарища" Жлобы. В полной неразберихе сразу после боя с красными спешившиеся части Гетманова наткнулись на марковцев. До того, как опознали своих, произошел скоротечный бой. Этот случай не был исключением во время операции по уничтожению корпуса Жлобы. Тогда многие части белых по ошибке вступили в перестрелку со своими: корниловцы атаковали дроздовцев, дроздовцы обстреляли 2-ю Донскую кавалерийскую дивизию...

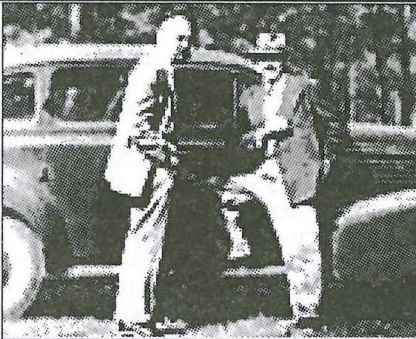
На греческом острове Лемнос Милица Михайловна служила медсестрой в инфекционном госпитале. В сентябре 1921 года в походной лагерной церкви на полуострове Калаираки состоялось венчание, а вскоре после этого Гетмановы переехали в Болгарию, где Михаил Демьянович был назначен комендантом резервного дивизиона при Кубанском Генерала М.И. Алексеева военном училище.

Во второй половине 1922 г. в Болгарии после восстания коммунистов местные красные арестовали ген. Гетманова с супругой. После нескольких дней строгого ареста Михаил Демьянович был переведен под домашний арест и в ноябре с группой офицеров и казаков выслан из пределов Болгарии. Гетмановы осели в македонском городке Прилеп, а Михаил Демьянович был зачислен в резерв чинов Кубанского казачьего войска приказом генерала Зборовского. В 1928 г. Гетманов переехал в сербский город Ниш и в апреле 1929 г. вступил в Общество Русских Офицеров - 4-й отдел РОВСа. Часто заезжая к родственникам в Белград, Михаил Демьянович постоянно встречался здесь со своим другом А.Г.Шкуро.

В 1943 г. Гетмановы переехали в Белград. В это время на Восточном фронте становится ясно, что в войне наступил перелом в пользу Красной Армии. Немцы начинают искать союзников там, где раньше и подумать не могли. Формируются русские части, в которые вливается большое число эмигрантов из всех европейских стран, видящих шанс продолжения борьбы с ненавистным режимом. А германская верхушка просто цинично использовали порыв белых - русских, казаков, украинцев, калмыков, других народов Российской Империи. В Сербии даже дети 16-17 лет бросали гимназии и поступали в т.н. "Русский Охранный Корпус", чтобы бороться с коммунизмом (одним из них был сын генерала Гетманова, Николай, которому тогда было неполных 16 лет). Много русских и казаков полегло в ту войну в Сербии, Боснии и Хорватии в боях с красными партизанами Тито.

В 1944 г., с приближением советских войск, русские старались перебраться подальше на запад. Они еще помнили, как их однополчанам вырезали кресты и погоны на плечах, как казакам сдирали лампасы на ногах. Тех, что остались на Балканах, по приходе СМЕРШа вывезли в СССР "на перевоспитание", многие, особенно старшие чины, были расстреляны по дороге.

Гетмановы успели выехать в Австрию. В это время в Берлине был образован Казачий Войсковой Штаб во главе с Кубанским атаманом ген. Науменко, ген. Даниловым и атаманами Донского и Терского войск. Штаб видел своей миссией постепенный перевод казачьих формирований из-под немецкого командования в Казачий Стан ген.

1955 г. "Василь Данылыч" (полковник Гамалий) приехал в "усадебку" "Михал Демьяныча" в Нью-Джерси, США.

Генерал-майор Гетманов с сыном Николаем. Филадельфия, 1962 г.

тить штаб и позаботиться о казаках и их семьях.

После войны Гетманов поселяется на полу-лагерном положении в Баварском городке Кемптен. Здесь собралась большая группа казаков, на которых охотился СМЕРШ. Гетманов, живя вне лагеря, смог спасти довольно многих от советских агентов.

В 1949 г. семья Гетмановых выехала в США. После проживания в Филадельфии, Нью-Йорке и Нью-Джерси они осели, наконец, в малом селении "Новая Кубань", где жили в основном казаки, в том числе и несколько первоходников. Войсковые регалии и хоругви частью были сохранены, но многое исчезло, в том числе и шашка Антона Головатого, привезшего на Кубань первую партию Черноморских казаков... Михаил Демьянович вел обширную переписку, но отказывался от активного участия в общественной жизни остатков старой белой эмиграции. На его глазах таяли ряды казаков и все больше крестов появлялось на местном кладбище у маленькой русской церкви.

Генерал Гетманов обрел вечный покой в январе 1978 г., на 87-м году жизни. Ушел из жизни казачий офицер, перенесший одиннадцать тяжелых ранений, получивший от Государя семь боевых наград за личные подвиги и храбрость, Первоходник, герой Гражданской войны.

Михаил Демьянович служил с людьми, имена которых - уже История: Корнилов, Шкуро, Марков, Улагай, Эрдели, Науменко, Краснов, Врангель, Гамалий, Елисеев... Да и сама его жизнь - История. В послужном списке - служба в Туркестане, Персидский поход 1912 г., Гражданская и обе Мировые войны... Жизненный путь этого кубанца мог бы стать иллюстрацией к истории казачества в 20 веке.

Из некролога, написанного Ф.И.Елисеевым: "Расставшись в Мерве в 1914 году, мы только через 40 лет увиделись в Нью Йорке, куда он прибыл из Австрии с супругой и сыном как Ди-ти [Displaced Persons - "Перемещенные лица" - А.К.]. На территории поселка Новая Кубань, штат Нью Джерси, он приобрел участок земли, построил дом и жил замкнуто. После смерти супруги затосковал в одиночестве, физически ослаб и умер в больнице 26 января 1978 года. На кладбище Новой Кубани прибавилась еще одна могила кубанского казака - генерала Михаила Демьяновича Гетманова. Мир праху твоему, мой дорогой старший однополчанин!.."

Сын Михаила Демьяновича - Николай Михайлович Гетманов - родился в 1925 г. в Сербии, живет в США. Отец воспитал его исключительно в русско-казачьем духе, по старым заветам-адагам. Сегодня Николай Михайлович - один из директоров правления Кубанского Казачьего Союза, объединяющего станицы зарубежья.

Артём Кочуков

Автор благодарит Н.М.Гетманова за помощь в подготовке статьи и предоставленные фотографии. Полный вариант статьи - на сайте www.cossackweb.com.

Могилы Первоходников Михаила Демьяновича Гетманова и Милицы Михайловны Гетмановой-Поночевой.

Концлагерь у Машука

Из записок хорунжего Георгия Федорова

В конце августа 1918 года теснимые кубанцами красные очищали станицы Кубани. Тогда мы и были ночью арестованы с братом. Арест производил комиссар части, проходившей через станицу - с физиономией, выдававшей нерусское происхождение, за густую шевелюру, по модерному расчесанную, прозванный "Волохатым". Указания на подлежащих аресту давал председатель местного совдепа - откуда-то прибывший после большевицкого переворота в Лабинскую армянин, известный под кличкой "Черт горбатый" за уродство тшедушной фигуры, большой любитель произносить на митингах исполненные злобой демагогические речи с неуместной жестикуляцией.

В станицу прибывали на короткое время большевические отряды, один какой-то Маруси, другой - сына владельца местного маслобояного завода Петра Ковалева. Последнего я знал, когда он учился в гимназии. У него была репутация человека, склонного к хулиганству. Прибыл его отряд после неудавшегося противобольшевицкого восстания: в станице шли аресты, и все, кто мог бы ожидать их, взирали на "Петьку", ожидая заступничества. И местные власти, не зная точно, что это за отряд, прервали расправы.

Между тем после 5 июня, с окончанием восстания, только у нас погибли очень многие, в том числе и совсем к нему не причастные старики, женщины, девицы, дети - преимущественно казаки и интеллигенты. Тела вывозились к чумному кладбищу по Армавирскому шляху и бросались среди дохлых животных. Большевики запрещали разыскивать и хоронить мертвых. Некоторых разрубали на части, куски развозили в разные места за станицу. От полковника времен русско-турецкой войны П.Р.Еглевского нашли только голову... Имущество конфисковывалось, забирали почти все платье и белье. Еще хуже было в соседних станицах по лабинской линии, оказавших красным упорное сопротивление. В одной небольшой Владимирской было убито более 500 казаков, то же самое в Зассовской, Каладжинской, Вознесенской, Чамлицкой, Константиновской и Родниковской.

Отряд Ковалева, ведя некую загадочную политику в отношении большевиков, быстро пополнился тайными и явными "контрреволюционерами". Я тоже поприсил знакомого судебного следователя Борковского, назначенного председателем судебно-следственной комиссии по уголовным делам, о принятии на должность секретаря.

"Горбатый" и "Волохатый" организовали комиссию для набора заложников. Был слух, что арестовывали по попавшему в их руки списку участников восстания. Впрочем, кто знает: во время нашего ночного ареста искали, как оказалось, моего отца, умершего полковником в 1912-м!..

Допрашивали ночью. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, восседал "революционный трибунал" - Волохатый, Горбатый, владелица слесарно-механической мастерской В.Гудсон и нескольких неизвестных. Запомнился субъект, водивший на допрос и обратно. Его худоцавая, сутулая, среднего роста фигура ничем не обращала внимания, если бы не бледная, изможденная физиономия с лихорадочно блестящими глазами убийцы, нервная жестикуляция и визгливый голос. Вызывая кого-либо, он становился сзади, направив в спину дуло нагана.

- Вы обвиняетесь в контрреволюционном заговоре против советской власти, - так встретил меня и брата трибунал. - Кто из вас есаул Федоров?

- Я не есаул, а хорунжий.

- А вы кто такой? - спросили брата, юнкера Павловского училища.

- Я вообще не офицер, если нужно звание, пишите - казак.

- Чем вы занимаетесь теперь?

- Служу письмоводителем в судебно-следственной комиссии.

На физиономиях членов трибунала выразилось недоумение. Перекинувшись взглядами, будто заранее все было предрешено, Горбатый, делая в списке пометку, объявил:

- В первую очередь!

Нас отвели в комнату, где уже находились несколько человек, назначенные в "первую очередь". Мною овладело состояние подавленности. В мыслях мелькали прожитые годы. Оснований, чтобы оказаться с точки зрения пролетарского правосудия в "первой очереди", было достаточно.

Отец офицер, участвовал в подавлении беспорядков в 1906 году, был ранен. Я сам офицер, хоть и военного времени - в самом благоприятном случае мог бы быть отнесен в разряд "саботажников". И с братом не лучше. Он хоть и не участвовал в восстании, но в Петрограде был при защите Павловского училища, сидел в Петропавловке...

Ночью произошел инцидент, оставивший тягостное впечатление. Сопровождавшим на допрос субъектом был введен к нам письмоводитель гимназии. "Посмотрите на эту бл... - сказал чекист. - Она донесла, что вы состоите в заговоре. Так смотри же, - обратился он к письмоводителю, - за что должны пропадать эти люди?" Раздались громкие пощечины по лицу письмоводителя. Затем, продолжая извозничью брань, чекист повалил его на пол и стал пинать ногами. Когда, патетившись, он ушел, то первыми словами письмоводителя была слезная просьба - поверить, что он не доносчик и что происшедшее - мистификация.

Перед рассветом препроводили в местную тюрьму. Стало ясно - если бы наш арест имел отношение к заговору, то "в первую очередь" уже имели возможность привести в исполнение. И действительно: когда настало время бегства товарищей, нас под конвоем отправили на станцию, разместив в товарных вагонах готовившегося к эвакуации поезда. Перед отправлением привели еще заложников из соседних станиц - преимущественно стариков.

В пути присоединялись новые заложники. На станциях требовали закрывать вагоны, и мы были скрыты от взоров. Прибыв в Армавир, мы заметили, что и там готовились к эвакуации - ожидалось нападение "шкурищев". Сильное впечатление оставил вокзал. Он и прежде не отличался простором и красотой, а теперь представлял собой просто вертеп: грязь, отбросы, переполненность "товарищами"...

Дальше двинулись в сторону Баку. В пути часто приходил Горбатый - убедиться в наличности заложников. Со станции Минеральные Воды поезд пошел в Пятигорск.

В Пятигорске нас, окружив конвоем, повели в бывший отель, из толпы любопытных раздавались вопросы: "С какого фронта захватили?"..

От отеля после реквизиции осталось лишь название - загаженные помещения и темнота в коридорах придали ему вид тюрьмы. При передаче местным властям те выражали неудовольствие, что состав наш резко разнился от уже находившихся здесь (петроградская знать, курортная публика), и что наша группа велика. Действительно - вывезшие нас не в меру поусердствовали: набрали ничем не выдающихся людей, в том числе простых казаков.

Распределили по номерам. Моими соседями были два интеллигента в статском. Один среднего роста, несколько осунувшийся, пожилой, другой - выше среднего роста, только что вышедший из юношеского возраста. Их лица выдавали принадлежность к южанам. Остальные ничем не выделялись; странным казалось присутствие среди них одной дамы, тоже немолодой (о ней ничего узнать не пришлось). Все общество, за малым исключением, друг к другу, видимо, было совершенно чуждым - редко кто беседовал, каждый был занят невеселыми мыслями...

- Вы, вероятно, офицер, и вас захватили в плен? - приветливо и тихо спросил меня пожилой сосед.

- Да, офицер, но меня вывели из дома. А что представляет собой это помещение? Здесь чрезвычайная комиссия?

- Это концентрационный лагерь заложников.

- Разрешите узнать, с кем имею честь говорить?

- Радко-Дмитриев, генерал. Вы, вероятно, обо мне слышали; а это мой сын, - сказал генерал.

- Как же, Ваше Превосходительство! На Кавказском фронте слышал о вас достаточно. Я кубанский казак, был во 2-й пластунской бригаде 6-го Кавказского армейского корпуса. В последнее время бригада находилась за Эрзерумом. - Ну, Бог даст, все будет благополучно. Не падай духом!..

Сын генерала держался особняком. Мой брат жил несколько дней с другим генералом - Рузским, маленькую сухоцавую фигурку которого я видел не раз. Познакомиться с другими не удалось: переменялись комендант лагеря, и отношение стало хуже, нас запирали, не давали разговаривать. Мы молча сидели на полу. Хмурое осеннее небо, сырость, грязь, полутьма в помещении и спертый

воздух не способствовали перемене настроения.

Как-то прибывшим с Кубани приказали выйти во двор. Вызывая по списку каждого, комиссары оценивали по внешнему виду степень пригодности быть заложником; кого находили подходящим, составляли в одну группу, остальных - в другую. При этом - никаких вопросов.

Пятигорские власти явно не считали нас достойными принесению в "жертву революции". Я тоже не произвел впечатление ценного "материала" - дрожащий от холода в порванном, грязном после двухмесячного валяния по тюремным полам платье, донельзя заросший, завшивевший, в невозможной старой солдатской папахе, полученной от конвойного красноармейца в обмен на мою приличную. К тому же ужасно страдал от флюсов, разнесших мою неприглядную физиономию. Подвязанный, с несчастным видом с детства "штатской" фигуры, я больше походил на "товарища", чем на офицера. Мой брат, 18-летний юноша, выглядел куда приличнее - кадет, изголодавшийся выправкой, безусый, безбородый, он даже в изорванном и замазанном холщевом наряде скорее походил на "контрреволюционера". И оказался я в одной группе, а брат - в другой. Эту последнюю отправили обратно в здание, а нам было объявлено, что мы будем выпущены на волю.

Посоветовавшись, мы попросили выдать документ, подтверждающий освобождение. Только получив бумагу, стали собираться. Мое душевное состояние отравляло сознание, что брату я помочь бессилён.

Возвратившись в комнату, я начал недолгие сборы.

- Ну что? Для чего вас вызывали? - спросил генерал.

После моего рассказа на лице его выразилось недоумение:

- Почему же это так вышло?

- Бог его знает, я и сам не понял. Разделяли просто на глаз.

- Ну что-ж... Ваше счастье...

В этот же день, простившись с братом, я в числе освобожденных отправился на вокзал.

На станции Минеральные Воды один из казаков, отправившись за водой, случайно нарвался на Горбатого, жившего в компании бежавших из станицы комиссаров. Тот узнал одного из заложников и, попытав, что часть жертв выпущена, заставил провести к нашему вагону.

- Вы почему здесь?

- Потому что нас отпустили.

- Этого не может быть!

Получив документ, Горбатый, не веря своим глазам, торопливо просмотрел его:

- Объявляю вас моими заложниками!..

Наш вагон отцепили от состава и присоединили к тому, в кото-

ром находились бежавшие власти нашей станицы. В итоге всех, кто не решился бежать из стоявшего на запасных путях "арестантского" вагона, охранявшегося не с чрезмерной бдительностью, к вечеру другого дня привезли обратно в Пятигорск.

Лагерному начальству пришлось выдержать серьезную стычку с Волохатым. Оно тоже нападало на комиссара - за "засаривание" лагеря социально безвредными элементами, указывая, что им нет дела до личных антипатий в отношении заложников. В результате препирательств (и денежных интервенций прибывших за некоторыми из заложников родственников) были отпущены простые казаки, а также братья Захаровы, наши лабинские промышленники. Остальные, а в их числе и я, были помещены в подвальное помещение "до рассмотрения дела".

Но решили дело просто - мы просто были обречены на уничтожение. Через пару дней, вечером, когда уже смеркалось, нас вывели из подвалов. Конвойные суетились, бегали по двору. Приехали грузовики; нас выстроили и начали перекликать по списку, затем приказали садиться. По тому, как власти нервничали, было видно - затевается что-то недоброе. Но никому в голову не приходило, что выведенные заложники через какой-нибудь час будут отправлены "в лоно Авраамово".

Голод, холод, вши, непрекращающаяся зубная боль вогнули меня в состояние полной апатии. Я почти ничего не слышал, не понимал и потому не торопился сесть на гру-

зовик, а мой "товарищеский" вид не привлек внимания торпированных большевиков. Прежде чем я дал себе отчет, что от меня требуется, грузовик уехал, а я остался среди внезапно опустевшего двора, только два часовых у ворот. Я подошел к ним и спросил:

- А мне что делать?

Часовой бросил взгляд на мой истерзанный вид и, не предполагая во мне "контрреволюционера", грубо спросил: - А ты чего сюда залез, мать твою? Пошел вон!

И ударом по шее выбил за ворота. Его товарищ подкрепил приказание отборным матом, двинув прикладом.

Я побрел, куда глаза глядят, по пустынной улице. На мое счастье, меня встретила жена одного из братьев Захаровых, выкупившая своего мужа и шурина. Рано утром, сев в порожний состав, мы поскорее выехали из Пятигорска. В Минеральных Водах к нам на село много красноармейцев, отправлявшихся к Армавиру, откуда наступали белые.

Перед рассветом, когда мы находились между Конохово и Армавиром, поезд вдруг резко застопорил. Послышались отдельные ружейные выстрелы, но скоро все стихло. Мы решили удраить в видневшееся в тумане селение. Это было Ольгинское - верстах в 12-ти от Армавира. В двух-трех хатах нам отказали, и заверения, что мы не "товарищи", не помогли. Только спустя некоторое время удалось укрыться в доме, хозяйка которого, после некоторого колебания, умилилась.

На третий день утром с улицы заглянула в окно какая-то физиономия и, заметив нас, сейчас же скрылась. Через несколько минут этот же заглянувший вошел в сопровождении своего помощника, держа в руке наган:

- Вы кто такие?

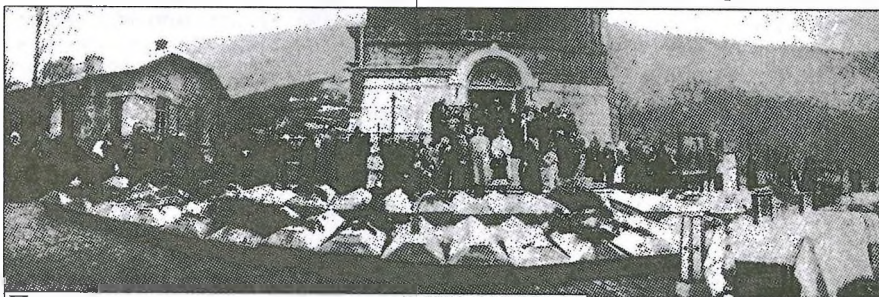
Что и как ответить? Вошедший одет в казачью черную шубу, но никаких признаков, указывавших на принадлежность его к "кадетам" (как, например, погоны), не было.

- Мы с поезда на Армавир. В Пятигорске были заложниками. Едем домой, потому что освободили...

- Ладно, пойдите к хорузжуму!..

Что касается брата, то о нем я долго ничего не знал. Значительно позже в станицу попал номер "Известий" исполкома Пятигорского совдепа с приказом властей Северо-Кавказ-

ской республики ко дню годовичного юбилея советской власти. Там говорилось, что Совнарком постановил "в ознаменование годовщины революции" уничтожить врагов советской власти согласно

Похороны жертв пятигорской ЧК (1919 г.)

приводимому списку. Список начинался фамилиями Радко-Дмитриева и Рузского, а далее следовало не то 68, не то 86 номеров с фамилиями, чинами и титулами. Говорилось, что постановление приведено в исполнение. Середину списка занимала лабинская группа, в ней я увидел имена свое и брата. Случайно ушел я от участи перечисленных в приказе, и не сомневался, что она не минула брата!

Мы долго не решались показать газету матери. А в феврале 1919 года, когда я был уже в армии, совершенно неожиданно появился дома воскресший из мертвых брат! Он в числе обреченных был увезен к пятигорскому кладбищу. Заложников группами выкликали и уводили к глубокой канаве, где рубили шашками, чтобы не делать излишнего шума. Дошла очередь и до нас, моя фамилия стояла в списке, но самого меня не было. Большевики, заподозрив побег или что другое, отставили брата в сторону, чтобы расспросить.

- Где брат? - приступили к нему, когда жертвы первой годовщины были сброшены в канаву.

- Не знаю.

- Бреешь, говори, иначе на месте тебе конец будет.

Власти решили расследовать дело и отвели его обратно в подвал. Несколько раз допрашивали, выводили "к стенке", надеясь добиться "правды", но он знал лишь то, что я был отпущен, и больше мы не встречались. В конце-концов нашлись какие-то письменные следы нашего первого отпущения, лабинских комиссаров в Пятигорске не было. Брату удалось убедить большевиков, что он не офицер и не "бур-

жуй”, а самый обыкновенный малолеток-казак, и, раз они нашли возможным отпустить хорунжего, то и он не представляет для них ценности.

Брат отправился во Владикавказ, к приятелю с кадетских времен, надеясь добыть денег, одежду и пробраться на Кубань кружным путем через Грузию и Туапсе. Удалось подработать на дорогу. Вдвоем с товарищем они подговорили знакомого ингуша провести их тропами в обход стоявших на Военно-Грузинской дороге большевицких застав и, главное, Джераховского укрепления недалеко от моста через Терек в “Чертовом ущелье”, где уже были грузины.

Ночью они вышли в горы из станицы Тарской, и там ингуш, обобрав совершенно брата и его приятеля, бросил их на произвол судьбы. Перспектива замерзнуть на незнакомых тропах или попасть в руки большевиков была не лучше смерти от рук абреков, и они вернулись во Владикавказ.

В городе сбилась теснимая с севера Красная армия, все здания Кадетского корпуса были превращены в сыпнотифозный лазарет (где нашли последнее упокоение 18 000 красноармейцев). Заразился тифом и товарищ брата, они оба жили в брошенной квартире, сами ведя хозяйство. Вскоре заразился и брат. Они лежали в доме, приятель его умер, а сильный организм брата перенес кризис.

Перед уходом из Владикавказа красноармейцы, готовясь к походу в Грузию, где было решено интернировать остатки армии, рыскали по городу, реквизируя одежду - вернее, под этим предлогом просто занимаясь грабежом. Двое зашли в комнату, где лежал едва живой брат.

- Тоже подыхает, - заметил один. - Надо забрать вещи.

- Брось, дурной, видишь, помирает - сам заболеешь, - ответил другой.

- Ни г...на, - возразил первый, собирая все, представлявшее какую-либо ценность; потом, указывая на брата, спросил: - Прикончить, што ли?

- Брось, сам помрет!..

Красноармейцы удалились. Затем раздался звон выбитого стекла, и в комнату влетела, упав на постель и не разорвавшись, ручная граната.

- Ляти к х..., буржуй чертов, - донесся голос солдата.

Брат был не в силах даже подняться. От верной смерти спасли казаки, в тот же день занявшие город. Они перенесли его в госпиталь, откуда брат, немного поправившись, отправился домой. Только одно спасло его, наверное - горячая материнская молитва.

В летней изорванной одежде, полной вшей, едва прикрытый дырявой изорванной буркой, в развалившихся, связанных проволокой ботинках, два дня ничего не евши, полагаясь на вечером в передней дома. Вышедшая мать глазам не верила, увидя его - зеленого, шатающегося, замерзшего от долгой езды зимою, едва держащегося за косяк двери. Живой мертвец, призрак стоял перед матерью, только накануне случайно нашедшей газету со списком казенных станичников!

Брата выходили. Через месяц, произведенный в офицера, уехал он в пластунский батальон. Но не в добрый час - во время последних боев на Кубани батальон их был отрезан под Святым Крестом, и брат пропал...

Публикацию подготовил Н. Митрофанов

Казачий десант во спасение армии

“Казаки любовно смотрели на своего генерала Хвостика”, как они называли его и, видимо, совершенно не боялись, а только любили и готовы были слушаться его беспрекословно. С ними он провел всю гражданскую войну, много раз раненый”
(полковник Ф.И.Елисеев).

Михаил Архипович Фостиков - сын вахмистра, внук офицера Кубанского казачьего Войска - родился 25 августа 1886 г. в ст. Баталпашинской. По окончании военного училища в 1908 году вышел хорунжим в 1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ, в 1909-12 гг. участвовал в военной экспедиции в Персии. С началом Великой войны - полковой адъютант, весной 1915 года переведен на Персидский фронт. Командир 3-й сотни Ставропольского полка ККВ и конногероя отряда практически до конца войны. Кавалер всех офицерских орденов до Св.Владимира 4-й степени с мечами и бантом включительно и Георгиевских крестов 3-й и 4-й степеней.

Фостиков только в гражданскую был более 10 раз ранен и контужен. Под Царицыным с 9 по 13 сентября, в чине генерал-майора командуя дивизией, он был четырежды ранен, причем последний раз тяжело.

В апреле 1920 года с уходом Добровольческой армии с Кубани, без старших начальников, отозванных в Крым, большая часть Кубанской армии капитулировала под Адлером - Сочи. Фостиков, объединив в горах и лесах юго-восточной части Кубани в “Армию возрождения России” до 25 тысяч казаков (по данным самого Фостикова; анализ его дневников позволяет говорить о 9-10 тысячах; общая численность повстанцев могла достигать на разных этапах восстания 12-ти и более тысяч), ведет партизанскую, а затем и открытую войну с Красной армией.

В сентябре более 5 тысяч бойцов его армии и беженцы с боями отошли через горные перевалы в Грузию. Казаки были интернированы, советская Россия и “независимая” Грузия договорились о выдаче их большевикам. Лишь хитростью, с применением оружия удалось вывезти казаков в Крым.

После крымского “исхода” Сводный Кубанский корпус генерал-лейтенанта Фостикова был размещен на острове Лемнос, откуда через Солоники 1 июня 1921 года прибывает в г. Вранье (Королевство СХС). Сдав командование, на протяжении многих лет Фостиков преподает в сербских гимназиях. После вступления Красной Армии в Белград в 1945 году его вызывают в особый отдел, допрашивают

ген.-лейтенант
М.А.Фостиков

ют в течение трех суток, но отпускают. Умер Фостиков 29 июля 1966 года в Белграде, похоронен в г. Стара Пазова.

Дневники генерал-лейтенанта М.А.Фостикова 1917-20 гг. подарены автору статьи сыном генерала - Борисом Михайловичем - и готовятся к печати. Ниже вниманию читателя предлагается рассказ о малоизвестной сухопутно-морской операции генерала Фостикова по спасению своих казаков от “грузинского Лиенца” в 1920 году и предшествующих ей главных событиях восстания. Отрывки из дневников выделены курсивом.

...11 февраля 1920 г. после очередного ранения начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии генерал-майор Фостиков эвакуируется в Армавир. При приближении фронта, не долечившись, он уходит за отступающими частями, прибыв в Преображенский монастырь в Карачае на реке Теберда. Здесь Фостиков окончательно решил остаться на Кубани. Карачай был труднодоступен для красных - скалы и дремучие леса, куда отступали небольшие партии казаков. Из Верхнегебердинского аула генерал связывается с предгорными станицами, посылает письма вглубь Кубанской области. Казаки прячут письма в сосновые стволы, просверливая их буромами - всех едущих с гор с лесом обыскивали.

В первом отряде Фостикова - всего 98 человек (10 офицеров и 88 казаков), положивших начало 1-му Хоперскому полку. Затем прибывают 15 офицеров-кубанцев, Баргустанский терский отряд полковника Лиснюкова, 150 казаков Лабинского отдела (есаулы Поперека и Ковалев)... 18 июня генерал Фостиков принимается за организацию частей: казаки Баталпашинского отдела сводятся в 1-й Хоперский полк (135 чел., 5 пулеметов), командир полка есаул Ларионов; казаки Лабинского отдела - в 1-й Лабинский полк (150 чел., 2 пулемета), командир полка есаул Ковалев; Терский отряд (95 чел.); все пеше сводятся в 6-й Кубанский пластунский батальон (48 чел.) есаула Балужева. Командиром конной бригады назначен терец полковник Старицкий. Всего - 428 чел. и до 50 офицеров. В поселке Хасаут Греческий открывается лазарет. Сформированный отряд был назван “Армией возрождения России”.

Фостиков провозгласил борьбу за изгнание коммунистов, за учредительное собрание, твердую власть на местах, прекращение насилий, грабежей. Горный район (станции Кардоникская, Зеленчукская, Сторожевая и Преградная) был фактически под властью Фостикова; в станицах вы-

браны атаманы, назначены коменданты.

2 июля прибыли казаки из перешедших на сторону восставших 240 человек конного полка 34-й пехотной дивизии красных. Отряд переименовывается во 2-й Лабинский полк.

Стремясь к укреплению дисциплины, Фостиков созывает общее офицерское собрание, которое принимает постановление о преступлениях, за которые офицер подвергался смертной казни: побег с позиции и из отряда, неподчинение приказам, грабеж, пьянство, насилие и оскорбление религии. *"На втором собрании я предложил казакам для себя самим выработать меры наказания за преступления, ознакомив казаков с содержанием постановления офицеров. Мое предложение было встречено криками "ура", казаки постановили – казнь за все перечисленные преступления, кроме пьянства; за пьянство в первый раз 25 плетей, в другой 75 плетей, а в третий – смертная казнь".*

4 июля - первый бой с двумя полками красных между Красногорской и Кардоникской. *"Надо было решить, – принять бой или нет. Вступив в открытый бой с красными, надо было разбить их, во что бы то ни стало, так как это будет первый бой, а победа красных сулила бы мне полный провал начатого святого дела".*

Не ожидавший отпора малочисленных повстанцев, противник бежит. Было взято 10 пулеметов, 300 винтовок, около 200 лошадей. У красных убито свыше 100 чел., у восставших – 5 раненых, ни одного убитого. К вечеру слух о победе распространился далеко вглубь Кубани, за 90-100 верст. Этот бой, кроме морального подъема, дал новых бойцов в ряды повстанцев.

8 июля к войсковому старшине Маслову (начальник гарнизона ст. Кардоникской) прибыла из Баталпашинской сестра Фостикова, направленная большевиками, взявшими в заложники ее детей. Она привезла ультиматум комбрига 34-й советской дивизии и председателя ревкома с предложением сдаться, с обещанием всех *"благ земных"*, в противном случае – никто из его родственников не будет пощажён. Генерал ответил, что сдаваться не собирается, а в случае насилия к семьям и родственникам казаков *"при занятии станиц никого из советских служащих с семьями не пощадим"*.

Части Фостикова постепенно усиливались: 1-й Лабинский полк – 500 чел., 1-й Хоперский – 650 чел., 2-й Лабинский – 480 чел., 6-й Кубанский пластунский батальон – 320 чел., гарнизон Кардоникской станицы – 300 пеших и 250 конных, 35 пулеметов, 2 орудия.

Патронов не хватало, и Фостиков задумывает набег на станицу Беломечетскую. 24 июля бригада повстанцев подошла к левому берегу Кубани напротив Беломечетской. *"Противник в станице спал мирным сном под защитой Баталпашинска... имея лишь караул с пулеметом на мосту. Атака с рассветом произведена полками почти одновременно. Мостовой караул... был сброшен с моста в реку Кубань. В станице... коммунисты стреляли, выскакивая из дворов на тачанках и верховых лошадях, убегающие из станицы попали под шашки лабинцев. В станице изрублено 200 коммунистов (коммунистический эскадрон при IX-ой армии)".* Взят в плен батальон в 550 чел., 4200 снарядов для трехдюймовых полевых пушек, 5 миллионов патронов и 110 подвод с грузом.

Население Беломечетской долго не верило, что пришли действительно казаки: несколько дней назад в станице уже был отряд в погонах, ловили комиссаров, беседовали с казаками об отношении к советской власти. Командовал им человек в черкессе с генеральскими погонами, назвавшийся генералом Фостиковым. Потом этот отряд всех сознавшихся в сочувствии к восстанию и расстрелял. Здесь же Фостиков узнал о расстреле своих родных: бабушки, отца, сестры с шестью детьми и нескольких родственников.

Нападение на Беломечетскую вызвало панику в Баталпашинской, коммунисты бежали в Новогеоргиевскую, а штаб IX-ой советской армии перешел из станицы Невинномысской за Кубань.

26 июля казаки окружили красных в станице Передовой. Противник заметался, казаки "гоняли" его от станицы к станице и по реке Уруп. Красные дрались ожесточенно, их артиллерия, спешно перевезенная на высоты левого берега, вела залповую стрельбу картечью, пока не была взята в

плен. К 18 часам в Передовой собрали все трофеи: 10 орудий (из них 8 совершенно исправных с упряжками и лошадьми), 22 пулемета, 1200 пленных. Противник потерял 600 чел. убитыми и 300 ранеными. Потери повстанцев: 6 убитых, 42 раненых.

Фостиков переносит действия в Лабинский отдел, тыл армии переходит в станицу Псебайскую Майкопского отдела. В станицах выбраны атаманы при двух помощниках – один казак, второй из иногородних. 5 августа Лабинская дивизия с артиллерией выступила из Отрядной на станицу Попутную. Марш по открытой дороге привел большевиков в замешательство, их части, занимающие высоты по обе стороны Урупа, снимались и отходили.

6 августа с боями взяты Вознесенская, Каладжинская и Засовская, мост на реке Большой Зеленчук. У Эрмаковского на левом берегу Лабы, у станиц Ярославской и Костромской много красных изрублено. 7 августа противник выбит из Владимирской.

В эти дни на общих собраниях частей ставится вопрос о знаках отличия повстанческой армии: *"До тех пор никто в моей армии погон не носил, чтобы не давать противнику козырь в руки, что мы, мол, деремся за погоны. Выработаны для частей отдельно и для родов оружия цвета погон, которые согласно моему приказу, всем нашиваются в тот же день"*.

На 8 августа против нескольких тысяч повстанцев действовали две пехотные и свыше одной конной дивизий, красные курсанты, 17 орудий и 5 броневиков. К Армавиру подходили эшелоны с частями 14-й советской дивизии, в Майкопе и по Армавиру-Туапсинской железной дороге были сосредоточены три пехотных и два конных полка. На этом фронте также находились части 12-й конной дивизии, 22-й и 34-й пехотных дивизий с приданной конницей. У противника появилось больше броневых автомобилей и даже аэропланы. Красные не жалели снарядов и патронов, в частях же повстанцев положение с припасами было все хуже, кое-где оставалось по 10-15 патронов на бойца.

Баталпашинская группа красных забирает станицу Курсавку и с подкреплением от Невинномысской снова захватывает Баталпашинскую. Фостиков переходит в Засовскую. 24 августа штабarm прибывает в Царскую, где получено донесение полковника Крыжановского (майкопская группа): *"сдержат противника не могут, так как имеют очень мало патронов... части его рассеиваются и он не в силах их удержать на месте"*. Станица Царская была забита беженцами и лазаретами.

Фостиков решает закрыть ущелье Большой и Малой Лабы, а если части не устоят и здесь, уйти в Грузию. 25 августа для разведки перевала Аишха и Красной Поляны (город Романовск) командирован есаул Поперека с дивизионом. Отдан приказ делать конные носилки для переброски тяжелораненых. Снарядов оставалось всего 10 штук. Части заметно редели. Из Линейной дивизии осталось 450 человек, остальные разбрелись или образовали собственные отрядики, прячась в лесах.

Выслав бригаду в арбергард, части начали постепенный отход к Черноречью. 29 августа был выслан авангард (полковник Демьяненко) с задачей пройти через перевал Аишха на Романовск и далее на Адлер - Сочи с захватом этого района, чтобы обеспечить здесь сосредоточение главным силам, лазаретам и беженцам. Артиллерия и пулеметы, испортив, сбросили с круч; небольшая часть пулеметов в разобранном виде была взята с собой.

Дорога во многих местах шла по деревянному карнизу, с крутыми подъемами и спусками. Колонна стояла часами на тропе, иногда животных пришлось перетаскивать на руках. Люди совсем измучились.

В урочище Умпырь части и беженцы смогли отдохнуть. Здесь же произошло рассеивание почти всех казаков горной полосы, партиями от 30 до 200 чел. *"Я не препятствовал казакам уходить, так как знал, что дома они не усидят, а значит, все время будут вести борьбу с большевиками"*.

Было решено сгруппировать все части в районе селения Пеху, выслав через Сухум связь к генералу Врангелю. 4-5 сентября части прибыли к Пеху, став в четырех верстах от пограничного поста Грузии. Делегация к Врангелю не смогла выехать, и слухи об этом разлетелись среди казаков, *"но возвращаться на Кубань не хотели, мысли их были в Крыму,*

М.А.Фостиков
о.Лемнос,
декабрь 1920 г.

где бились за большое русское дело – спасение Родины!”

14-15 сентября генерал Фостиков наносит визиты представителям абхазского комиссариата и командующему войсками генералу Мадчаварияни, получив разрешение перевести казаков к Афону, а раненых устроить в Сухуме. В помощи оружием и патронами грузины категорически отказали.

Между тем противник наседали от Хосты, подведя сюда 22-ю дивизию. Красная Поляна была взята бригадой 34-й дивизии, прошедшей перевал вслед за повстанцами.

20-21 сентября шли бои на реке Кудебсте и у Романовска. Красные хотели спуститься к морю, но на Кудебсте были задержаны, *“имели огромные потери, речка была завалена трупами красных, которых течением уносило вниз в море”*. Повстанцы потеряли 21 человека убитыми и более 70 ранеными. *“Наши бойцы отчаянно дрались, защищая подход к морю, откуда мы все ждали помощь из Крыма”*.

21 сентября к Адлеру подошел миноносец с генералом Шатиловым. *“Радость была неопиcуемая, – значит, о нас узнали в штабе Русской армии, мы спасены!”* Начальник штаба Русской армии объявил, что пароходы забрать повстанцев смогут не позже 23 сентября. Для облегчения погрузки решили строить пристань, используя на работах 200 пленных.

22 сентября большевики снова повели атаку в районе Кудебсты, перебросив сюда броневые автомобили и артиллерию. Несколько раз они переходили на левый берег реки, но были отбиты. Казаки потеряли почти 100 человек убитыми и ранеными, взяв в плен около 100 красных. *“Казаки, подбодренные мыслью о скором выезде из этих трупов, выявляли огромную храбрость, и противник не смог нас выбросить с позиций участка...”* В составе частей бился и улагаевский батальон (400 кубанцев и донцов), присоединившийся к повстанцам в Адлере.

22-24 сентября ударная группа (войсковой старшина Ковалев) окружила Романовск, разбив наголову бригаду красных 34-й дивизии. Однако патронов оставалось по два-три на бойца.

В селе Пыленково стоял грузинский батальон, Фостиков просил офицеров помочь патронами. Начальник Гагринского укрепления полковник Сумбатов наотрез отказал в помощи, лишь его молодые офицеры тайком привезли несколько сундуков с патронами.

26 сентября выяснилось, что из Крыма вышла эскадра в пять кораблей, но попала в шторм.

С прибытием начальника укрепленного участка казаки начали переходить границу и складывать оружие, холодное оружие им оставили, а револьверы они попрятали сами. 28 сентября весь день проходили казаки через Гагры, направляясь на бивак для интернированных. Казакам и офицерам было запрещено покидать лагерь.

Положение с довольствием частей (на 4-4,5 тысяч казаков и офицеров) было ужасным. В лагере грузины варили ужасный суп и без мяса выдавали казакам. Казаки продавали седла, лошадей и другие вещи, грузинские военные и гражданские лица все приобретали за бесценок.

“Полковник Сумбатов держался грубо и как победитель, говорил мне, что грузинское правительство, что захочет то и сделает с нами, намекая, что по соглашению с советской Россией Грузия должна выдать интернированных большевикам”. Большевики обещали грузинам 10 млн. рублей за голову Фостикова, за генералом усилили слежку, он неоднократно получал предупреждения от знакомых грузин не удаляться от лагеря.

31 сентября флот из шести судов подошел к Гаграм, встав в 2-3 верстах от берега.

Приказав с темнотой развести на берегу три больших костра и назначить первую группу в 1-2 тысячи казаков для погрузки на транспорты, генерал на лодке отплыл на “Дон”. По предписанию Врангеля, флот состоял под командой Фостикова до тех пор, пока он не закончит погрузку всех частей. Был сделан ложный маневр – корабли

скрылись с горизонта, но с темнотой транспорты “Дон”, “Ялта” и “Крым” с болиндером (баржа, усиленная броневым листом) и катерами, взяв направление на костры, приблизились к берегу.

Погрузка началась. Грузины подняли тревогу. *“Первое их негодование я разбил двадцатью подаренными им лошадьми (было выяснено, что лошадей грузить мы не можем), но вскоре из Гагр прибыл летучий отряд, чей командир грозил мне смертью, если я не прекращу посадку”*. Грузины начали стрелять. Борьбась холодным оружием с вооруженными до зубов солдатами было невозможно, и Фостиков приказал флоту отойти.

Погрузить успели 1500 казаков, выгрузив немного продовольствия (на пароходах прибыли снаряды с полевыми орудиями, винтовки с патронами и продовольствие). С крейсера “Алмаз” Фостиков передал по радио Врангелю донесение о сложившейся обстановке.

Ввиду того, что продовольствие не позволяли выгрузить на берег, еды у казаков оставалось на два дня. Солдаты грузины силой входили в лагерь, происходили драки с казаками – охрана ничего не предпринимала. *“С казаками обращались зверски, били их, издевались и вели себя хуже большевиков!”* Пошли дожди, среди казаков появились больные. 4 октября продовольствие совершенно закончилось. Иногда удавалось с пароходов тайно перебросить по 2-3 мешка муки на лодках.

Ночами казаки уходили в устье реки Большой Зыб, откуда на лодках перебирались на пароходы. Некоторые вплавь добирались до катеров, стоящих в 2-3 верстах от берега.

Полковник Сумбатов сообщил, что из Тифлиса получена секретная телеграмма: правительство решило большую группу казаков выдать советам, комиссия с представителями большевиков придет 6 октября. Медлить больше было нельзя.

Ночью 6 октября была получена телеграмма Врангеля, представлявшая генералу Фостикову право располагать оружием для спасения казаков. С рассветом он передал приказ командирам – к 10 часам собрать все части. Сам генерал выехал в Гагры. План был следующий: просить у Сумбатова выгрузить продовольствие, а вместо этого высадить десант и произвести под его защитой погрузку.

Сумбатов встретил сухо, наговорив массу неприятностей по поводу ночной посадки частей 31 сентября. Он сказал, что тифлисская комиссия придет к вечеру в Гагры. Фостиков спросил, *“неужели грузинское правительство выдаст своих вчерашних приятелей казаков и офицеров?”* Сумбатов резко ответил, что *“грузинскому правительству для сохранения своей Родины нужно жить в мире с советской Россией (что большевики и “устроили” Грузии в 1921 г., оккупировав ее - П.С.) и что по параграфу 5 договора с советским правительством, оно должно нас передать в руки советской власти, тем более всех казаков...”* Он, Сумбатов, будет стрелять в каждого, кто не выполнит приказ!

Фостиков сообщил, что казаки крайне истощены, начались болезни и что в таком виде они не подойдут для вступления в красную армию. Но можно лодками с парохода доставить продовольствие. Полковник позволил сделать это, но под контролем грузинской стороны.

Фостиков приказал быть готовыми к погрузке, а отборным людям с револьверами помочь десанту в момент высадки.

На транспорте “Дон” находились казаки, погруженные 31 сентября. Фостиков обратился к ним с призывом *“спасти с оружием в руках оставшихся на берегу казаков, так как грузины не позволяют им сойти с берега, и хотят выдать красным”*. 500 добровольцев раздели на 4 сотни, назначили командиров, по пяти на сотню из лабинцев, хоперцев, линейцев и по одному из новоприбывших улагаевцев. Генерал объявил задачу: 1-я сотня с криками “ура!” выбрасывается по сходням, по шести из трюма, сразу разворачивается в цепь и переходит в наступление, стреляя по грузинской охране сверху; 2-я сотня, выгрузившись

Генерал Фостиков (верхом, первый слева) с джигитами. Сербия, 1932 г.

вслед за первой, удлиняет цепь вправо от первой и охраняет правый фланг десанта; 3-я сотня высаживается влево от первой, охраняя левый фланг; 4-я сотня в резерве. Если со стороны грузин откроется стрельба – никого не жалеть! На палубе болиндера поставили 2 пулемета, укрыв бурками, и несколько мешков муки, хорошо видные, для успокоения грузин.

Болиндер вполз на берег, грузины, ничего не подозревая, кричали на казаков и били их прикладами, не давая подойти ближе. Укрепили сходни. По команде “наверх!” казаки выскочили и перешли в наступление, пулеметы открыли стрельбу поверху, офицеры на бегу стреляли из револьверов. Грузинская стража растерялась, бросила оружие и побежала, те, кто начали стрелять, были прикончены казаками. Цепи десанта развернулись по берегу, началась посадка, продолжавшаяся с 12 до 17 часов беспрепятственно. Потом грузинские военные власти предъявили ультиматум: 1 - немедленно прекратить посадку частей, иначе батальон, присланный на помощь страже, уничтожит их; 2 - по чьей инициативе генерал Фостиков, представитель русской армии, рвет с Грузией дипломатические отношения?

Ответ был следующим: дипломатических отношений он не прерывает, а спасает казаков от выдачи в руки врага, по-

грузка не прекратится, а если грузинские войска смогут силой остановить ее, “то, пожалуйста, пускай попробуют”.

В 17 часов со стороны Сухума появился пародох с грузинско-большевицкой комиссией, навстречу вышла подлодка “Утка”, и он ушел обратно. Грузинские солдаты, получив подкрепление, открыли огонь по цепям десанта. Казаки огнем отогнали противника. Перестрелка быстро затихла, грузинская батарея, выпустив два снаряда невпопад, отступила в горы. Погрузка возобновилась. В 2 часа ночи поднялась волна, болиндер с трудом подходил к берегу. В 4 часа утра посадка закончилась.

На судах было с трудом размещено свыше 5 тысяч казаков (вместе с улагаевцами и отрядом войскового старшины Ковалева, пришедшим последним). Потери в десантной операции – 2 казака легко ранены. 8 октября корабли прибыли в Феодосию.

Отмечая боевые заслуги М.А.Фостикова, генерал Врангель вручил ему приказ о производстве в чин генерал-лейтенанта и орден Св.Николая Чудотворца 2-й степени.

П.Стрелянов (Кулабухов)

Генералы Фостиков и Шкуро на Военном празднике. Белград, 1936 г.

Две фотографии

Казак Владимир Семёнович Астапов родился в 1892 году в хуторе Мечетной Усть-Белокалитвенского юрта. Призывался в 11-й Донской казачий полк. Служил в Польше. Оттуда привёз разрисованный стакан - всего-то! Как научили родители не брать ничего чужого, таким и остался казак, проведший три кровопролитных войны. Стакан тот до сих пор хранится в семье дочери - благодаря которой и возник этот рассказ.

Детей у него было двое - Катя - 1913 г.р. и Иван - 1916 г.р. Был казак ранен в 1915 году и отпущен домой “на выздоровление”.

Пришла весна 1918 года. Казаки разехались по домам. На Вербное воскресенье (4 мая н.ст.) загорелся соседний хутор Бугураев. Мечетновцы выезжали на курганводораздел, что за казачьим колодцем, гадали, сколько куреней и в какой части хутора горят. Шлейфы дыма застилали пол горизонта.

Появились первые беженцы - рассказали, как жгли хутор, убивали древних дедов. В Бугураев вернулся на бронепоезде единожды уже битый и потерявший на Масленицу свой многосотенный красногвардейский отряд польский еврей Казимир Эдуардович Романовский. С высокой железнодорожной насыпи спустились расстрельщики и поджигатели... Население кинулось в Мечетной - больше и некуда.

Скоро хуторок переполнился народом - ночевали в куренях один на одном. Часть народа кинулась было на кундрючий хутора, но там своя напасть: пошли на казаков вооруженные большевиками садковские хохлы. Внезапность и винтовки сопутствовали успеху борцов “за земле, за волю, за лучшую долю”. Но ненадолго, вскоре “гайдамаков”, как их тогда называли, разбили. А пока казачий табор повернул к Донцу, обособившись напротив станицы Екатериносинской (там встречала Пасху и моя двоюродная тетка Ева).

Одним из первых вступил в белый отряд казак Астапов. Было ему 26 лет. Сходили тогда в станичный фотокабинет три мечетновских казака - для них начиналась очередная война. На этот раз не за Дарданеллы - за свои курени и семьи. Владимир пришел на домашнюю косоворотку сохранные погоны, два его земляка были не такие запасливые.

Зато фуражки у всех с прежними кокардами.

Начался поход по фронтам гражданской. Казалось бы, малограмотные люди, и ведь ещё полгода назад, сидя в окопах, вовсю проклинали и войну, и генералов, а кое-кто и “царицу-курву”, поддакивали большевицким агитаторам. Теперь только увидели, что за напасть - советская власть. Только там, где не видели т.н. красногвардейцев, не нюхали дыма пожараиш родных куреней, оставался еще внесенный в разудалые головы большевицкий бурьяничик. Кое-кто там и пошел “в красные” - в многочисленных красногвардейских отрядах и отрядиках была большая возможность пограбить...

К осени фронт отодвинулся от Усть-Белокалитвенской на несколько сотен верст. Шашками добывали казаки у красных патроны - порой шли в атаку с единственной обоймой. Где-то в Усть-Медведицкой решили снова запечатлеть себя на память семьям: война - дело нештутейное, убить могут. Астапов слева. Остальные - неизвестные казаки - из родного

хутора или станицы. Одежды кто как - в зимнее. Двое - в домашних зипунах, третий вовсе снял свою “пальтушку”. Лишь наш казак сохранил еще шинель.

Большевицкие писаки объясняли феномен поголовного ухода к белым то “происками” офицеры, то стариками-реакционерами. Да нет, они видели сами, что несет советская власть. Шлейфы дыма и зарево пожаров были хорошо видны в хуторах и самым малограмотным!

Кстати, о грамотности казака. Вот подпись на фото: “Приветствую вас дарогая супруга анна казминшина. Прими ат свайва супруга Владимира низжкий пивет. Адрис мой устмедведитская район, мйридавая, тйридаточная интйнданство. Пасылаю дарогаму сыночку Вани, Кати панискиму паклоцу пасылаю. Пасылаю всйму симейству панискиму поклону стем працяйтя”.

Кончилась гражданская. Казак не сразу, но вернулся домой. До него пока не добрались оккупанты - брали офицеров, стариков-атаманов, подступили к урядникам. Да и хутор был на отшибе. Но были и другие причины. В августе 1921 года казачий отряд атамана Свеколкина, известный у

красных как банда Кучума, зарубил пятерых в хуторе: двух активистов и трёх из продотряда, а отнятое ими зерно раздал. В феврале следующего года командир другого летучего отряда последних белых партизан остановил на въезде в хутор первого же старика и спросил, где находится комбед. Через полчаса иногороднего Кожемякина не стало. Подловили и конного Романова - вез из Какичева донесение... Подобные случаи заставляли задумываться комбедов и их волостных начальников...

Когда пришли немцы в 1942 г., Астапову было 50 лет. Хутор маленький, казаков подчистую выгребли еще в Крас-

ную Армию. Словом, на должность атамана назначили его. Дочка называла его должность на новый лад: председатель сельсовета. А он так и остался малограмотным: писали бумаги грамотные подростки, читали ему, а он расписывался.

Когда немцы уходили, то забрали с собой и отца. Дочь утверждает, что "запугали". Как бы то ни было, был он в Югославии, сражался с отрядами Тито. В 1945 году 6 августа пришел домой раненый. Нет, его не посадили. В хуторе он никого не обидел, никто на него не заявил - может, потому он и остался тогда цел...

В. Карпов

Так о чем же "молился" Василий Иванович?..

Патриотизм - порой престранная штука. До каких только необычных идей не доводит некоторых! Особенно если пытаться скрестить его с "единолично верным" учением. Ну, тем самым - вы понимаете...

Я это вот к чему. Не так давно Русская Православная Церковь причислила к лику святых замечательного русского флотоводца Федора Ушакова. Сделано это было после соответствующей по церковным канонам подготовки, изучения обстоятельств его жизни - в общем, все, как полагается. В частности, мы узнали, что семья Ушаковых была глубоко верующей.

Однако вот какое освещение событий, связанных с этой канонизацией, получилось в средствах массовой информации. Напоминаю россиянам о том, кем, собственно, был Ушаков и дружно напирая на его военные победы, газеты и телевидение убеждали (надеюсь, невольно), что святым адмирал был объявлен именно за эти самые боевые успехи в защите Отечества.

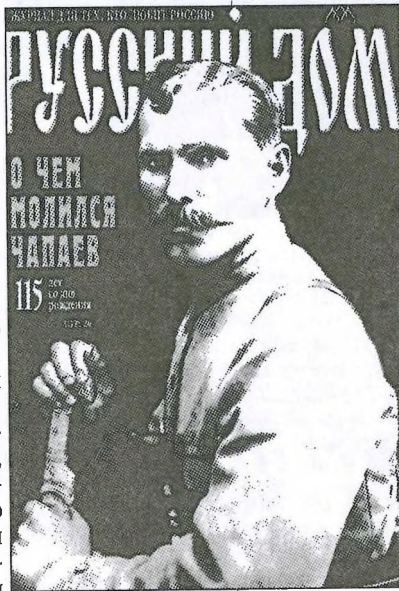
При крайне низком уровне воцерковленности значительного числа россиян, весьма слабо разбирающихся в православной христианской догматике, определенная часть их твердо уверилась: для того, чтобы быть объявленным святым, достаточно быть патриотом России и победить ее врагов оружием на поле брани.

Патриотизм же, как известно, у нас в обществе нынче всяк разумеет по своему. Товарищи Лимонов, Анпилов, Зюганов и иже с ими, вопреки основополагающим положениям своего учения (основатели коего утверждали, помнится, что "у трудящихся нет Отечества"), и всю этим самым Отечеством приторговывали при случае!), тоже превратились в "патриотов"! И ведь как легко сегодня стать "настоящим русским патриотом": скажи, что не любишь Чубайса, и довольно...

И вот вам результат! Один малоизвестный за пределами редакции своего журнала литератор, глубоко проникнувшийся "патриотическими" чувствами, предсказал - вслед за адмиралом Ушаковым может быть канонизирован генерал Жуков! Основание - Георгий Константинович тоже одержал много побед, защищая свою страну. И дела нет тому литератору, что адмирал Ушаков был верующим человеком и потому ценил каждую человеческую жизнь, каждого своего матроса и солдата, защищал православное государство и веру. А вот генерал Жуков защищал безбожное государство, поставившее одной из своих задач уничтожение религии, и потому не жалел солдат, действовал по принципу "цель оправдывает средства", сотнями тысяч трупов устилая свой путь к воинской славе. Не говоря уж о том, что верующим он не был...

И, как то не удивительно - никаких попыток хотя бы в мягкой форме просветить товарища литератора по существу вопроса: что со стороны собратьев по перу, что Церкви - не последовало.

Можно, конечно, надеяться, что Цер-

ковь просто не заметила очередной благопатриотической глупости, или не посчитала нужным вступать в полемику с глупцом. Однако такая спокойная позиция лишь подтолкнула других "патриотов" к новым изысканиям, к поиску очередных "святых".

Взгляните на обложку февральского номера журнала "Русский Дом"! Она отдана известному командиру времен братоубийственной Гражданской войны В. Чапаеву (удостоенному в народе весьма своеобразной памяти - сотен анекдотов) - в журнале помещено прямо-таки "житие" комдива!

Начинается оно - в изложении некоего М. Дмитриука - следующим образом (сразу расставляя все точки над и): "В этом году все, кто любит нашу страну, отмечают... 115 лет со дня рождения Василия Ивановича Чапаева... Чапаев воевал за спасение русского народа от тотального истребления, которое начали силы тьмы задолго до Октябрьского переворота... И именно за это он был предательски убит. Убийство совершили беляки, но организовали его коммунисты".

Вот так! Не отмечаешь дня рождения Чапая - не любишь страну! Ну, а "силы тьмы" на птичьем языке нынешних стеснительных патриотов - это, не иначе как, жидомасоны...

И далее автор настойчиво повторяет: Чапаев был "великим защитником Государства Российского, который сделал максимально возможное для сохранения Державы". Этот "праведный большевик" (!) "через всю свою жизнь пронес искреннюю веру в Бога. Он знал наизусть множество молитв и просил у Господа помощи перед каждым серьезным делом... Только Божьей помощью можно объяснить его постоянные, удивительные победы..."

Как и полагается в житии, автор рассказывает соответствующие случаю эпизоды из детства Чапая, его фронтовой жизни. Мы то, наивные, думали, что у красных был на фронте подавляющий перевес в численности и вооружении войск! Ан нет - это все "Божье соизволение"!

Помнится, весьма информированный очевидец событий, комиссар Фурманов, писал: "Чапаев пленных братьев не приказывал ни казачишка. "Всех, - говорит, - кончать подлецов!" И тут, не иначе, Господь ему был помощник? Так Василий Иванович сохранял народ от "тотального истребления"?.. За месяц с небольшим, что провели красные в Лбищенске, они ограбили все дома, часть женщин была изнасилована и уничтожена с помощью шашек и пулеметов. Согласитесь, невозможно представить, что Чапаев, находясь здесь же и командуя дивизией, ничего этого не знал!..

Но как обойтись в "житии святого" без мученического венца? И автор статьи так описывает взаимоотношения комдива с командованием Красной Армии, что его вывод - об организации "убийства" Чапаева (а мы-то все думали, что там бой был!) - становится просто неизбежен. Думаете, скажем, для чего Троцкий преподнес Чапаеву четыре аэроплана? Чтобы усилить его дивизию? Так ведь нет - для того, чтобы летчики обманывали комдива, завлекая его в ловушку! Вроде как, получается

Плакат Уральского Войска. Омск, 1919 г. (ГАРФ)

Группа казаков Уральской армии, 1919 г.
(Центральный музей современной истории России)

по Дмитруку, Троцкий был в сговоре (!) с казаками! Только представьте себе такое невероятное открытие!

Почему же раньше об этом никто не догадывался, спросите вы? Ну, разумеется – “раньше это было тайной за семью печатями. Ее подробности до сих пор надежно хранятся в закрытых архивах России”. И товарищу Дмитруку дела нет, что в последнее десятилетие многие из этих архивов открыты для исследователей. В частности, в ГАРФе можно найти множество документов, описывающих эти самые подробности. И они представляют все происшедшее, мягко говоря, совсем не по схеме Дмитрука - подгоняющего действительно трагическую, противоречивую судьбу храброго русского воина, георгиевского кавалера, ставшего предателем и увлекшего за собой доверившихся ему солдат, под свой вымысел...

Что тут сказать? Что это было бы действительно очень смешно – если бы не было так грустно! Хоть “Русский Дом”, конечно, и склонен к национал-большевизмским воззрениям – но, сдастся мне, и он до сих пор не опускался до печати подобного опуса.

Один пример прямой лжи. В “житии” “раба Божия Василия – святого воина Христова” (так у автора!) утверждается, что в последнем “бою с комдивом – в результате предательства, конечно – остались несколько бойцов учебной роты”.

Документы из ГАРФа рисуют события 5 сентября 1919 года по иному. Во время так называемого “Лбищенского рейда” уральцев, когда и был уничтожен штаб Чапаева, казакам противостоял многочисленный и хорошо вооруженный противник – до трех тысяч тысяч красноармейцев, при большом количестве пулеметов, днем в воздухе постоянно находились два красных аэроплана. Между тем казачий отряд, собранным для рейда из четырех полков, насчитывал всего около 1500 шашек. Командовал им генерал-майор Бородин.

Впоследствии выяснилось, что красные еще накануне боя засекли передвижение по степи казаков Бородина – однако Чапаев просто не придавал этому значения! Так красные оказались фактически застигнуты врасплох. Участник взятия станицы Фаддеев так описывает происходившее 5 сентября 1919 года: “Двор за двором, дом за домом “очищали” взводы 1-го Партизанского полка от красноармейцев, сдававшихся мирно, десятками, отправляли в резерв... Сопровождавшихся ожидала одна участь – быть разорванным бомбой или разрубленным шашкой”.

При взятии Лбищенка выделенный специально для поимки комдива взвод с боем прорвался к штабу 25-й красной дивизии. Отдадим должное Чапаеву – раненый, он сумел остановить несколько сот в панике бежавших к

Уралу красноармейцев с пулеметами и повести их в контратаку, снова захватив здание штаба. Во время этой контратаки Чапаев был вторично ранен – на этот раз тяжело, в живот – и переправлен своими бойцами на досках на другой берег реки, где и умер.

Так что, кстати, рушится не только версия известного кинофильма, но и красивая история в изложении Дмитрука – как Чапая в детстве прозвали “Ермаком”, будто бы предпрешив тем самым его судьбу!..

Пока Чапаева пытались спасти, основная группа красноармейцев, засев в штабе, задерживала белых; оборону возглавил начштаба 25-й дивизии Ночков, бывший офицер (а вовсе не Василий Иванович, как это всегда преподносилось советской историей). Во время этого боя погиб командир казаков генерал Бородин.

Окончательно Лбищенск был захвачен к полудню. По самым скромным подсчетам, красные потеряли не меньше 2400 убитыми и пленными. Общие потери белых при этом составили всего 118 человек. После боя казаки стали отлавливать скрывающихся красных – население выдавало их всех поголовно (том числе был схвачен и убит комиссар 25-й дивизии Батулин).

Так завершился рейд казаков на Лбищенск – их победа на некоторое время изменила соотношение сил на фронте. Остается добавить – благодаря стараниям таких “героев”, как Василий Иванович, Уральское казачество практически единодушно выступило против большевиков и сражалось до последнего. Когда же сопротивление превосходящим силам стало невозможно, почти все Войско – в том числе старики, женщины, дети – снялись с родных мест и двинулись, среди зимы, на юг, подальше от безбожной власти. По дороге многие из них погибли – но не примирились с карателями и палачами!

В чем автор “Русского Дома” все-таки отчасти прав – так это в том, что коммунисты погубили Чапаева. Погубили – обманув его, как и сотни тысяч других солдат, заставив сражаться – и погибать! – во имя “мировой революции”, убивать своих братьев. Погубили души этих людей. Но коммунисты “убили” своего “героя” и еще раз – когда, во имя сотворенной ими же красивой легенды, лишили своего “героя” могилы. И еще раз – когда лишили его собственной фамилии, переименовав (стараниями Фурманова и режиссеров знаменитого фильма братьев Васильевых) из Чапаева (такова подлинная его фамилия!) в Чапаева..

Все годы советской власти казаки сохраняли ненависть к Чапаеву. Было за что. Анекдоты появились неда-

Уральские казаки перед атакой.
1919 г. (частная коллекция)

ром – это осмеяние было единственно возможной формой выражения народного презрения. Так что шансов канонизировать Чапая у наших национал-большевиков маловато. Тут старания напрасны.

В прошлом году альманах “Белая гвардия” в 5-м выпуске (посвященном борьбе на Востоке России) напечатал основанную на документах подробную статью историка С.Балмасова, рассказывающую как раз о разгроме красных в Лбищенске. Очень советую прочитать ее тем, кто не иначе как и в самом деле верит, что, печатая вперемешку факты и небылицы, добьется искомого “примирения”! Вроде чаемого инициаторами возведения в Чебоксарах (при музее имени Чапаева) часовни “Примирения белых” и “красных”. “Примирения” жертв, которые уже не встанут из миллионов безымянных могил и не скажут слова в свою защиту – и палачей, некоторые из которых еще доживают безнаказанно и благополучно свои дни, так и не признав своей вины.

Ответим, кстати, на вопрос, вынесенный коллегами из “Русского Дома” на обложку журнала. Если Чапаев действительно о чем-нибудь и молился, так о том же самом, что и Троцкий: как бы получше и побольше убить общих врагов (что, собственно, и явствует и из сочиненного товарищем Дмитруком “жития”).

Г.Кокунько

Мы продолжаем печатать материалы, поступающие для ставшей постоянной рубрики "Черные доски" - о трагедии казачества в конце 20-х - 30-х годах прошлого столетия. В этом году, кстати, исполняется 70 лет со дня принятия первого решения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о введении на Кубани системы "черных досок позора". Без сомнения - все казаки были тогда занесены вожжами большевиков на одну большую "черную доску" и обречены на уничтожение.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отклик с Кубани, из станицы Незамаевской - одной из первых занесенной в 1932 году в "черный" список большевиков. Кроме того, мы продолжаем печатать рассказы Владимира Копылова - о Гражданской войне и последующих десятилетиях на Донской земле, о том, как вершилось то страшное, что потом было названо геноцидом казачества. Рады сообщить читателям, что в Урюпинске вышла книжка нашего постоянного автора, в которую вошли и уже напечатанные, и новые его произведения - ниже мы предлагаем небольшой очерк об авторе сборника и один из рассказов самого В.Копылова.

Трагедия Незамаевской

Наших станичников потрясли ваши публикации из раздела "Черные доски". Стихотворение Зои Сизовой-Овчарь - "Чую, як бандура плаче..." - будто о нашей Незамаевской. Голодомор унес более шести тысяч жизней наших станичников...

Думая о событиях 30-х годов на Кубани, я сначала долго колебался - стоит ли ворошить страшное прошлое, братоубийственное побоище и уничтожение ни в чем не повинных людей некогда зажиточной станицы? Прошло 70 лет - это возраст целого поколения. Десятки еще живущих жертв террора и потомки репрессированных, с одной стороны, и рьяные комсодовцы, с другой - они давно примирились. Во всяком случае, семьи погибших держат свою боль в глубине сердец и не высказывают зла и обид. Молодые же поколения вообще больше заняты проблемами выживания или преуспевания в обстановке рыночных отношений.

Однако после нескольких номеров "Станицы" с подборками материалов о репрессиях, после многочисленных встреч с пережившими трагедию незамаевцами - и я решил рассказать хоть малую часть горькой правды.

Станице Незамаевской в 2004 году исполнится 210 лет, и события 1932-33 годов - самая печальная страница ее истории. Историю же надо знать - чтобы она не повторилась опять. И очень хотелось бы получить, наконец, ответ на вопрос - "А за что?" Ответ, которого так и не дождались сотнями умиравшие от голода...

Нам еще со школьной скамьи рассказывали о некоторых "перегибах" при создании колхозов в результате "форсирования насильственных методов коллективизации". Что же случилось на самом деле, была ли на деле необходимость в применении этих самых "методов" со стороны властей?

Очевидно, что колхозный строй, не успев толком народиться, уже переживал в начале 30-х годов кризис: на это указывает ежегодный рост товарного зерна, изымаемого у колхозников и единоличников, и соответствующее уменьшение части зерна, остававшегося для личного потребления станичниками. Изъятие зерна производилось под угрозой репрессий, с помощью чрезвычайных мер. Эти меры в заготовительной политике привели, в свою очередь, к возросшему падежу рабочего и продуктивного скота - из-за бескормицы, ухудшающегося ухода.

В Северо-Кавказском крае было тогда 97 районов, в том числе около 40 на Кубани. Уже в 1931 году трудности на юге России стали очевидны: уборка урожая затянулась аж до весны 32-го. Местные власти кивали на "вредителей-кулаков" - хотя к этому времени здесь прошли одна за другой аж три волны раскулачивания и выселений.

В станицы продолжали направляться уполномоченные, фактически подменявшие на местах здешние власти. Пришельцы - в большинстве своем горожане, не знавшие сельского хозяйства - энергично брались командовать, и едва ли не в каждом встречном видели "контрреволюционный элемент". Мои земляки вспоминают такого горе-уполномоченного, все донимавшего председателя: "Почему не сеете?" На ответ, что уже по плану отсыдись, он тыкал на соседнее поле - "А это что?" - "Зябы!". "Сей зябы!.."

Естественно, что принудительные меры встречали пассивное сопротивление хлебосдатчиков, вызывали недовольство даже властей на местах. В ответ усиливался административный нажим на колхозы и единоличников. Голодающие колхозники стали укрывать зерно для пропитания в так называвшихся тогда "черных ямах". Зерно прятали во имя спасения семей!

7 августа 1932 года был издан печально знаменитый закон, известный в крестьянской среде как "закон о пяти колосках". В нем государственная собственность объявля-

лась священной и неприкосновенной, за любую ее кражу полагался расстрел или, в лучшем случае, срок не менее 10 лет с конфискацией имущества. Старшее поколение хорошо помнит, как за несколько сорванных тогда колосков попадали колхозники в тюрьму!..

Жесткие меры осуществлялись специально созданной Чрезвычайной комиссией во главе с секретарем ЦК ВКП(б), членом Политбюро Л.Кагановичем. В состав комиссии вошли также Ягода, Ширятов, Микоян, Чернов, Юркин и другие большевики. В ноябре в Ростове на Дону комиссия провела три совещания партактива края. Из сохранившихся стенограмм этих совещаний становится сегодня ясен предупредительно-угрожающий характер речи Кагановича.

Перед активом была поставлена задача - к началу декабря завершить хлебозаготовки. Немедленно началась сплошная проверка остатков урожая на токах и в амбарах, в личных закромах. И по всему Северо-Кавказскому краю самыми "отстающими" были признаны районы Кубани.

Комиссия, не вдаваясь в причины сложившегося положения, решила изъять хлеб любой ценой - то есть применяя насилие, выселяя десятки тысяч семей на север. Для повсеместных обысков дворов были созданы комсоды - комитеты содействия из наиболее оголтелых активистов. Они забирали все, что оставалось у казаков для собственного пропитания - буквально до зернышка, до крошки.

Станицы, давшие наименьший процент по хлебозаготовкам, заносились на "черную доску". 24 ноября 1932 года бюро крайкома занесло на нее первые две станицы - Полтавскую и Незамаевскую.

В нашей станице до революции было всего несколько семей, имевших наемных работников. Остальные, преимущественно многодетные казачьи семьи обрабатывали землю и кормили себя собственным трудом.

"Черная доска" означала немедленное прекращение подвоза товаров, полное свертывание торговли и проведение чистки от "враждебных элементов".

Хотя заготавливать было уже нечего, "заготовки" продолжались до весны 1933 года. Всю зиму население нашей станицы пухло от голода и вымирало.

Хлеба! Хлеба! Хлеба!

Стоны детей и вой.

А за станицей - кордоны,

А на дорогах - конвой.

Выехать - въехать -

Никто не смеет:

Сразу от пули чекистов смерти! -

- написал учитель школы Н.Саенко о том времени.

Рассказали мне о происшедшем тогда Таисия Ивановна Клименко, Василий Филиппович Задорожный, Алексей Федорович Павловский, Елена Анатольевна Ильенко, Анна Федоровна Храпаль, Мария Терентьевна Рябоштан и многие другие.

В.Ф.Задорожному в ту пору было 12 лет. Его семья жила единолично. Дед Игнат имел земельный надел, лошадей, коров и другую живность. Другой дед по материнской линии, Илья Бирюк, имел маслособойню и молотилку с паровиком. Отец имел до 15 десятин земли, две коровы, трех лошадей. В революцию он служил в Красной Армии, никаким кулаков никогда не был, но в колхоз вступать не торопился - жена боялась слухов, что придется спать под общим одеялом. За это упрямство в начале коллективизации у них изъяли всю землю, дав взамен малые клочки в разных углах. Отец Василия Филипповича не выдержал и сбегал с бывшим сослуживцем в Тихорецкий военгородок на заработки.

В декабре 1932 года ОГПУ провело поквартальную облаву, всех незамаевцев отловили, мучили в привокзальных подвалах холодом и голодом. Спустя месяц перегнали в станицу, соединив с арестованными там станичниками, после чего этапом отправили уже в Краснодар.

Читаю справку о реабилитации от 31 марта 1995 года:

“Задорожный Филипп Игнатьевич, 1896 года рождения... 15 декабря 1932 года был арестован и по политическим мотивам за якобы имевшую место контрреволюционную деятельность по постановлению тройки... подвергнут расстрелу... Дело в отношении Задорожного Ф.И. пересмотрено и он полностью реабилитирован”.

- В сентябре 33-го от голода умерла мать, - рассказывает Василий Филиппович. - Мы с братом Константином с вечера легли спать по бокам у мамы, утром проснулись, а она холодная, мы в крик...

Мать похоронили, завернув в простыню, в общей могиле, куда свозили всех умерших. Братьев забрали в детский дом. Выжили они благодаря добрым людям, особенно соседке по фамилии Мельник, которая спасла от гибели, кроме своих детей, и их. Добрая женщина ухитрилась засушить булочек и так запрятать, что неоднократные обыски комсодовцев, изрывших все подворье, ничего не дали.

А вот старшую сестру братьев, Прасковью - она была замужем - в 33-м арестовали за то, что она нарезала в солдатский котелок пшеничных колосьев, отправили в Краснодар, где она и погибла.

Еще Василий Филиппович стал свидетелем того, как на железнодорожном вокзале Тихорецкой у голодных украинцев, пробравшихся на Кубань за продуктами (на Украине голод начался немного раньше) отнимали сумки и мешки. Он видел, как гэнэушник выхватил у плачущего мужчины мешок, а тот умолял пожалеть шестерых голодающих детишек, как же он придет к ним ни с чем!.. В ту пору по правому пути подходил состав, и мужчина бросился под него. Несколько десятков его земляком стали кричать, состав остановился. Искромсанное тело вытащили, равнодушен остался лишь тот гэнэушник, отнявший у человека последнюю надежду на жизнь...

- Вдруг, - вспоминает наш очевидец, - из вагона вышел морской офицер... Он выстрелил в упор в виновника трагедии, затем вскочил в уходящий поезд...

В 1989 году в газете “Сельская жизнь” появилось объявление с просьбой откликнуться свидетелей голода на Украине. В.Ф.Задорожный написал им. Приехала вскоре бригада Киевской киностудии. Фильм вышел в том же году, а в 1990-м был показан по украинскому телевидению. Центральное ТВ в Москве тогда показывать его отказалось - а уж теперь-то и вовсе это маловероятно!

Еще Василий Филиппович рассказал, как в конце 32-го года в станицу вошло латышское военное подразделение и отряды местных активистов. Станицу оцепили, никого не впускали и не выпускали. Особенно старались местные комсоды, среди которых выделялся Степан Бутник - он, обходя подворья, забирал не только съестное, но и имущество. У Задорожных ему приглянулась усадьба со всем хозяйством - он выгнал хозяев и поселился там!..

О свирепости комсодовцев рассказала и Т.И.Клименко. Под благовидным предлогом они сначала сами советовали укрывать зерно, затем, выследив, заявляли и указывали,

где что припрятано. Прямо на подводах они развязывали узлы с барахлом и делили награбленное между собой.

У Таисии Ивановны было три брата и три сестры. Отец умер еще в 1924 году. До революции казачья семья жила в достатке. У деда, Петра Клименко, была ветряная мельница, до десятка лошадей, 7 коров. В коллективизацию все деды и дядьки Таисии Ивановны были репрессированы и высланы. Ее мать с детьми выжила в 33-м благодаря золотому червонцу, оставшемуся от родителей. Она обменяла его на 100 рублей, чтобы заплатить самооблог и сберечь спасительницу-корову. На корову, работавшую на свозе умерших от голода, ежедневно выдавалось 2 кг кукурузной муки. Именно на корову, а не на человека!

У кого сохранились коровы, всех заставляли вывозить покойников в те 12 траншей, что вырыли на окраине станицы. В ямы сбрасывали и еще живых, поэтому там слышался постоянный стон, а наполненные ямы как-бы пошевеливались от потуг пробующих выбраться.

Потом началось массовое выселение: сотни семей были отправлены в Сибирь и на Урал. Станица буквально опустела! Из 16 тысяч прежнего населения осталось около трех с половиной тысяч. И сейчас в Незамаевской живет всего 3266 человек...

Говорят, в те годы выживали те, кто стремился делиться, поддерживать друг друга. Но были и случаи людоедства. По словам Таисии Ивановны, у ее напарницы по бригаде Василисы Бирюк девчата Мирошника поймали младшего братишку, убили и в горшках засолили мелкими кусочками. Станичники старались не выпускать детовру за ограды дворов. Убийц-людоедов называли “резунами”...

А.Ф.Храпаль была из многодетной казачьей семье, по станичным меркам бедной. Но и ее отца в 33-м году угнали по этапу. Мать не смогла уберечь от смерти всех семерых детей, выжили лишь старшие - Анна и ее брат. Издевались над ними особенно свои же комсодовцы. Мама, Наталья Ефимовна, как-то запрятала в печь чугунок сваренной фасоли. Вдруг приходит Борис Петренко: “Наталко, шо в тэбэ пахнэ?” - “Та сварыла трошке дитям” - пролепетала женщина. Никакие уговоры и рев голодных детишек не остановили активиста! Чугунок был вынесен и опрокинут на землю. Дети попадали на это место и съели все, что смогли подобрать вместе с землицею...

Е.А.Ильенко, 1914 года рождения, рассказала о таких же случаях. Она выжила благодаря работе в наймах. В восточной части станицы, называемой в народе “За Дунаем”, выращивали табак. Елена нанизывала листья на шнур длиной 2 м. За каждый шнур выдавали по 100 г хлеба. За десяток - килограмм...

Беседуя с выжившими очевидцами голодомора на Кубани, я заслушался немало ужасного и поразительного. И понял - может быть, самое главное! - что они не сломились и не ожесточились!

Молодые поколения вчерашних репрессированных и комсодовцев переженились меж собою. Ну, дай Бог нашей станице и всем другим мира и благополучия. Дети не отвечают за проступки отцов. Но помнить их - они обязаны! Чтобы, в свою очередь, с их детьми и внуками не повторилось то, что случилось на Кубани в 32-33-м...

*Гуркалов Владимир Федорович
(станция Незамаевская)*

А д с к и й к р у г

по воспоминаниям стариков станичников

Правоторовская станица стоит на самом берегу Хопра, на старом Астраханском шляхе - у свертка с него на большой тракт в Черкасск. Это была одна из богатейших станиц на Хопре: со своей Никольской ярмаркой, с красивой церковью из красного кирпича, красотой которой завидовала столица. К 1911 году казаки на лошадях и быках перегородили Хопёр плотиной и пустили воду через озера Каменное и Ильмень по канаве на мельницу, которую построили на входе в лес Медвежий. Здесь стояли крупорушки. Муку мололи со всех станичных хуторов: Дубовского, Головского, Захоперского, Родниковского, Тущановского, Меловского, Поповского, Авраамовского, Марковского, Лобачевского. Здесь же обрушивали просыпаную и гречневую крупу. Возле мельницы стояли два больших

дома, в которых жили и руководили всеми работами на помолу Беднов Петр Никитович, на обрушивании Мельников Иван Степанович. В центре станицы, на берегу Ильменя была еще одна паровая мельница Елизарова Ивана Андреевича. Был свой кожевенный завод Аникеева Аристарха Ивановича. На станицу три кузни. В 1912 году казаки пустили шапку по кругу, собрали деньги и начали вывозить из Воронежской губернии строевой сосновый лес на быках. К концу года построили мужское реальное училище. Через год казак из дворян Полторацкий Григорий Иванович на свои средства строит женскую школу. Преподают станичники из мещан: Лошин Федор Иванович, Расторгуева Зинаида Васильевна, Спиридонов Иван Федорович, Бочарников Иосиф Алексеевич. Казак из дво-

рян Авраамов Дмитрий Яковлевич со своим братом Аристархом строят в 1913 году больницу на 15 коек. Первым врачом стал Беловолинский Дмитрий Васильевич, фельдшерами Усачев Иван Данилович и Цыганков Григорий Семенович. Из соснового кругляка казаки строят две гмазены по 25 метров, где хранилось зерно атаманского запаса. Зерно выдавалось бесплатно тем казакам, у которых по каким-то причинам не хватало своего зерна на еду или посев. Между станицей и хутором Захоперским сделали капитальный деревянный мост через реку Хопер с выдвигной баржей, которую выдвигали, когда проходили суда по Хопру. Дорогу до моста, что проходит через пойму, заливаемую разливом, замостили камнем.

На престольный праздник Николу зимнего съезжались все хутора, после молебна гуляли три дня, только без водки - праздник приходится на пост. Один день обязательно шёл кулачный бой. Станица делилась на два края, один край поддерживали Дубовский и Головский хутора, другой край - Захоперский и Тушкановский. Старейшины строго судили бои и не было никогда ни одного нарушения правил. Порядок был таков: кто отступал до моста - тот проигрывал.

Мирная жизнь стала рушиться в 1919 году. К тому времени в станице верховодили красные. Командир красных, партизан с хутора Головского Тушканов Яков Петрович составляет список неблагонадежных, враждебно относящихся к советской власти, некоторых казаков арестовывают. Станица забурилась, как бурлил к этому времени весь Дон. В трех станицах: Вешенской, Казанской, Шумилинской и слободе Солонка одновременно вспыхнуло восстание против красного террора. Темной ночью казаки станицы собираются дома у бывшего атамана Краснова Е.И. Шумели и спорили долго. К утру большинство порешили уходить в Шумилинскую.

Рано утром, освободив заключенных, из станицы ушли: атаман станицы Лобачев Игнат Иванович, уторской атаман Тарасов Василий Иванович, бывший станичный атаман Краснов Елисей Иванович, его сын Николай, офицеры Праздников Иван Михайлович, Полторацкий Григорий Иванович, Полторацкий Владимир Александрович, Карпов Андриан Дмитриевич, урядники из дворян Авраамов Дмитрий Яковлевич, Добровольский Иван Васильевич, казаки Констанова Федор и Василий Ивановичи, Копылов Сергей Андреевич, Власенко Матвей Дмитриевич, Молоканов Константин Михайлович, Иванов Константин Киреевич, Добычовы Борис и Александр Тихоновичи, Прошин Иван Антонович, Воскресенков Филипп Ефимович, Ерофеев Никита Никонорович, Краюшкин Филипп Федорович, Авраамов Петр Аристархович, Елизаров Степан Степанович и многие другие. Больше в станице их никогда не видели. Гражданская война забрала всех, кроме одного: через месяц К.Иванов ночью вернулся домой, то ли на разведку, то ли по каким другим делам. Кто-то видел его приезд и донес. Тушканов и еще пятеро его бойцов захватили спящими. Связав руки, его подвели к церковной стене и расстреляли. Расстрелы на этом еще не закончились.

В мае шел тяжелый бой у хутора Тушкановского. Белые отступали, в неразберихе с обозом остались две 19-летние медсестры. Одна дворянка Лидия Витальевна Фон-Смит, вторая - местная Головская, Федорова Анна Николаевна. Вместе с захваченным обозом их отконвоировал в хутор Головский в штаб Тушканова.

Тушканов не стал разбираться с пленными, а приказал своему верному денщику Лисевскому Кирею Ивановичу расстрелять их. Лисевский в сопровождении двух красноармейцев повел их на окраину хутора Ольховского, казачки умоляли и просили отпустить девушек, но Лисевский был непреклонен. Заведя в кусты ракитника, он приказал снимать кольца с пальцев. У одной кольцо не слезило, не дожидаясь, Лисевский выстрелил и, сломав палец, снял кольцо. Схоронили медсестер там же, где и расстреляли - на краю Ольховского.

Осенью Тушканов обвинил в антисоветской пропаганде и в помощи белым священника Никольской церкви Левицкого Тихона. Арестовав, его вывели к речке Чернушке и расстреляли.

Кончилась гражданская война, но для казаков, решивших переждать смуту, ад только начинался.

Наступал 1930 год. С хутора Нехаевского, который к этому времени стал районным центром, пришла бумага,

обязывающая в месячный срок провести поголовную коллективизацию. Председателем коммуны в то время был Фролов Федор Петрович, 50-тысячник, присланный из Сталинграда. Под его руководством и собрали бедноту - казаков среди них было мало, большинство пришли из Воронежской области.

Бумагу о выполнении распоряжения района надо было отсылать, но многие казаки не хотели и не собирались вступать в колхоз.

Ячейка бедноты постановила: раскулачить. Для правления колхоза, полевых бригадных станов, животноводческих сторожек нужны были постройки. Строить всё это долго - вот и решили раскулачивать тех, у кого добротные дома, особенно с железными крышами, и у которых большое хозяйство. Верховодила всем Тарасова Ксения Ефремовна. Она сама лично, никому не доверяя, ходила от дома к дому, описывала и выгребала из домов всё, что ей нравилось. До самой смерти к ней прилипла кличка ППУ.

За неделю раскулачили Родионова Анисима Макеевича, его сына Семена, Голованова Семена Ивановича, Копылова Федора Андреевича, Мефодина Петра Герасимовича, Писарева Ивана Григорьевича, Сафонова Ефима Николаевича, Антонова Василия Ивановича, Елизарова Ивана Андреевича, Манушкина Михаила Варфоломеевича, Бабкиных Александра и Дмитрия, их сыновей Ивана, Павла и Алексея, Гурова Ивана Яковлевича, Корноухова Алексея Ивановича и многих других.

Скот, имущество и постройки конфисковали, одежду и утварь растащили по себе. Все семьи в январский мороз погузили в неотапливаемые теплушки и отправили в Архангельскую область и Коми. Дети почти все поумирали дорогой. Остальные остались в далекой земле. Из раскулаченных вернулся лишь один Ф.Копылов - и то спасся тем, что умел хорошо шить обувь и обшивал жену начальника лагеря.

Еще не затихло раскулачивание - новая напасть: начали забирать казаков за "Варфоломеевскую ночь" - подготовку к восстанию на Дону.

Шолохов в "Поднятой целине" пишет, будто рядовых казаков ни одного не расстреляли, а отпустили по домам. Так ли было? Из станицы, которая ни слухом, ни духом не ведала о подготовке к восстанию (да и была ли она, эта подготовка?), загребли десятерых казаков: Леонтьева Федота Тимофеевича, Леонтьева Степана Васильевича, Минаева Ивана Алексеевича, Дорофеева Прокофия Ивановича, Ларина Филиппа Степановича, Пожаева Ивана Ивановича, Плешакова Никифора Александровича, Кобылянцев Якова Ивановича, Васильева Льва Матвеевича, Иванова Семена Аристарховича. Всех собирали в Нехаевской. Собранных со всего района, около ста человек, согнали в колонну и под охраной гнали пешком в Урюпинск, через станицу. После отправили в Сталинград. Ни один из десяти не вернулся, всех расстреляли в подвалах НКВД.

Наступал 37 год. Только станица начала более или менее спокойной жить - новая беда. Жили в станице братья Сафроновы. Сын одного из братьев, Михаил, служил у Тухачевского, вероятно, в больших чинах. Когда арестовали Тухачевского, как врага народа, забрали и все его окружение. Взяли и Сафронова Михаила Мироновича.

Через месяц после ареста опять "черный ворон" прикатил в станицу. Арестовали отца Сафронова Мирона Ивановича, его второго сына Ивана, братьев Игната Ивановича и Павла Ивановича. Они были расстреляны в Урюпинске, семьи высланы неизвестно куда. Но и этого было мало, с 1930 по 40 год были арестованы и расстреляны как враги народа станичники: Тарасов Степан Агеевич, Ерофеев Ефим Никонорович, Расторгуев Петр Васильевич, Абрамов Николай Леонович, Горбачев Зиновий Александрович, Уваров Григорий Дмитриевич, Ганжеев Николай Леонович, Самойлов Кирилл Алексеевич, Демин Петр Семенович, Толкованов Никита Филоньевич, Малахов Андрей Иванович.

Вернулись с Беломорканала больными и не долго протянули Землянский Тихон Николаевич, Колов Михаил Васильевич, Меркулов Павел Иванович, Темных Николай Васильевич.

Станица пуста, ветшала. Разрушилась плотина на Хопре, сгорела мельница и дома Беднова и Мельникова. Разрушили паровую мельницу. Погорели все дома, которые вывезли на полевые станы. Атаманское правление стали ис-

пользовать под ссыпку зерна. Больницу переделали под клуб (потом, правда, опять передали под больницу). В 1936 году разрушили красавец-храм. Но, видно, есть Бог: самый ярый разрушитель Леонтьев Семен Тимофеевич доламывал стену и лег отдохнуть под неё. На глазах у многих людей крепко стоявшая стена вдруг рухнула и задавила его.

Станичное кладбище было огорожено полутораметровой стеной из красного кирпича, разобрали и стены. Да что там стены! Выбросили гробы из фамильного склепа Полторацких, а каменные плиты увезли в совхоз "АМО". В этом же 1936 году загорелась с верхов Нижняя улица - сгорела вся до атаманского правления. Побросали дома и разъехался пристаничный хуторок "Красная балка", в котором было 36 дворов.

Владимир Копылов

Об этом могли написать Дмитрий Петров (Бирюк), Александр Серафимович (Попов) и Михаил Шолохов, Анатолий Калинин и Иван Данилов. Не написали. А если даже и написали бы, то эти бесхитростные рассказы никто не напечатал бы в тогдашней нашей стране: строго ограниченные рамки так называемого метода социалистического реализма не позволяли писать об этом. О том, чтобы они увидели свет, и заикаться было нельзя: это воспринималось не только как плевога на существующий строй, но и как попытка его свергнуть, как "измена Родине". Что грозило не только отлучением от литературы, но и лагерем, тюрьмой, расстрелом. Мало ли русских и российских писателей погибло в застенках, концлагерях, встретили свой конец в расстрельной камере или у расстрельной стенки? Вот почему даже великие писатели прошли мимо этой темы, предпочли "не заметить" страшную судьбу казаков.

Рассказы Владимира Копылова внешне бесхитростные, в них нет литературных изысков. Но почему, когда прочитаешь хотя бы один из них, мороз ползет по спине? Потому, что в них - сама жизнь. Жизнь, которая подбрасывает такие обстоятельства и жизненные коллизии, что ничего придумать не надо: бери перо и пиши. Что автор и сделал, вернув нам из небытия имена казаков прошлых лет. Его рассказы, повествующие о Гражданской войне в урюпинском Прихопье - это повествование о предгеге тех бед, что обрушатся на казачество чуть позже: кровь из 17-го и 18-го годов перетекает в 30-е. Произвол и беспредел царили тогда в Прихопье, гибли лучшие люди казачества. Некоторые рассказы просто нельзя читать без содрогания...

Откуда же В.Копылов черпает сюжеты для своих рассказов? Ведь родился он в 1947 году и не был свидетелем тех событий. Все дело в том, что родился он в той же станице Правоторовской, что и его отец Федор Федорович Копылов. Да и мать его была коренной казачкой - Евгения Николаевна Парасочкина. По словам самого Владимира Федоровича, он "со школьной скамьи любил рассказы стариков о прошлом станицы и даже просил их об этом. Отец мой, до самой смерти отличался исключительной памятью. С его помощью и по подсказкам Землякова Константина Ефимовича восстановил план станицы до 17-го года, узнал имена жителей каждого дома. Рассказы старожилых записывал, запоминал. Когда учился в Правоторовской восьмилетке, а потом в Урюпинской школе-интернате, любимыми предметами были литература и история..."

А писать он начал в 1998 году, когда уже началось возрождение казачества и был он в то время хуторским атаманом.

В 41-м году казаков станицы подмели вчистую: на фронт забирали с 1891 по 1927 год. На фронтах войны погибло 186 человек уроженцев станицы. Погибли четыре брата Мироновых, три брата и сноха Антиповы, три брата Лошины, отец и сын Карпенко, отец и сын Батыревы, отец и сын Трофимовы, два брата и зять Володины, три брата и сын одного Масленникова, два брата Шишковы, два брата и дядя Дьяконовы, отец и сын Поляковы и так далее, далее, далее...

Станица впала в полное запустение. От 450 с лишним дворов осталось около ста. За 74 года советской власти Правоторовская превратилась из цветущей многонаселенной станицы в запустевший хуторок.

Адский круг замкнулся.

В.Копылов

Кстати, на эту хлопотную должность казаки избирают его уже в третий раз.

"Началось все с того, - рассказывает Владимир Федорович, - что однажды мы, десять делегатов-хоперцев, в маленьком пассажирском автобусе ехали на казачий круг в Новочеркасск. Среди нас был преподаватель Борисоглебского пединститута Голованов Виктор Михайлович, уроженец нашей станицы, деды которого были раскулачены и высланы из хутора Дубовского. За стопочкой казачьей настойки вели разговоры, вспоминали родную станицу. Помнится, я рассказывал о событиях, которые когда-то сотрясали Прихопье, которые слышал от старожилых. Виктор Михайлович слушал и вдруг предложил мне написать об этом. Уговаривать стал. Я сомневался в своих возможностях даже тогда, когда один из руководителей Урюпинской районной администрации Игорь Евдокимов поддержал Виктора Михайловича и обещал свою помощь. Для пробы написал очерк "Адский круг". А теперь какая-то внутренняя neodолжимая сила толкает меня на новые и новые рассказы, от которых я, кроме ворчания жены, ничего не имею".

Рассказы Владимира Копылова строго документальны - недаром он называет их очерками. Сохранены не только названия хуторов и станиц, но и настоящие имена, фамилии и должности действующих лиц. А написал-то он всего лишь об истории одной станицы и ее хуторов. Сколько же тайников нашей недавней истории еще не раскрыто и ждут своих повествователей! Положено только начало...

У В.Копылова обыкновенная судьба - такая же, как у большинства из нас. В непритязательных играх и купаниях в Хопре пролетело детство. Пока подрастали два меньших брата, все заботы по хозяйству легли на его плечи. Таскал воду корове и козам. "А колодезь-то был метрах в семистах от дома. Еще надо было натаскать воды на огород. Это был наш труд с бабушкой в копилку общего дохода, потому что родители были заняты на работе..."

Владимир Федорович необыкновенно совестлив, честен и обязателен. О необыкновенном его трудолюбии знают не только в станице, но и в районе. Знают его как знатного шофера и тракториста, а теперь еще и как умелого пчеловода, историка и литератора. Но до сих пор его мучает совесть, что в 1968 году участвовал в подавлении восстания в Чехословакии: чести-то казакам не занимать...

Валерий Целиковский

Горе горькое...

1917 год стал величайшей трагедией во всей истории Донского края, казачества. Революция ворвалась в жизнь казаков, поломав многовековые устои, обычаи, верования... Вслед за ней гражданская война, расказачивание и раскулачивание со своими неминуемыми расстрелами и ссылками на Седой Урал сократили население Донской области более, чем в два раза. И первыми на очереди были хутора и станицы Верхнего Дона: Вешенская, Казанская, Мигулинская, хутора Антиповский, Щербуневский... - те, где наиболее сильным было сопротивление Советской власти, вспыхнуло антибольшевистское восстание. Не обошла беда и станицу Еланскую. Почти каждого дома коснулись зверства красноармейцев.

Рассказывает Любовь Васильевна Горина, в девичестве

Батальщикова, ныне учитель словесности Терновской средней школы:

"Дело было после Великой Отечественной войны. Жили мы в ст. Еланской. Была я совсем маленькой девочкой. Мать моя служила ктиторм в церкви. Был у нее двоюродный брат и мой дядя Иван Лукич. Пил он сильно... В такие периоды звала моя мать его к себе и долго беседовала с ним о его жизни, направляя на путь истинный. Я же пряталась от их взора и с замиранием сердца слушала его рассказы о трудной послереволюционной жизни тех, кто Советскую власть не принял. Уже в том возрасте "мурашки по коже бежали" от этих жизненных эпизодов. Вот один из них:

- Дело было в начале 30-х годов, во время раскулачивания. Сослали нашу семью на Урал. Мужчин помещали в лагерь, а

женщин и детей бросали на дороге на произвол судьбы. Постигла такая же участь и нашу семью. Крыши над головой не было. Спали где придется. Урал же не зря называют "седьм". Повсюду снег и камни, жуткие морозы. Трудно, невозможно там было выжить бездомным ссыльным. Те крохи, что подавали в качестве милостыни, мать отдавала мне - сыну. Делала все, на что сил хватало, только бы я не голодал. Сама же от голода все более распухла и слабела.

Однажды десятилетний мальчик стал свидетелем страшной картины. Стая бродячих собак, изголодавшихся и еще более злых от того, напала на его мать. С ужасом смотрел Ваня, как собаки рвали тело его матери, грызли заживо. Она же из-за слабости не могла отбиться. Для юного мальчика это стало настоящей трагедией, оставившей глубокий шрам в его сердце. Немногим ранее умер в лагере отец, а теперь вот и мать...

Вспомнил Ваня, как говорила ему мать, чтобы он вернулся на Донцину - свою Родину. Туда, где жили в течении ве-

ков его деды и прадеды. Несколько тысяч километров прошел казачонок пешком, ведомый неведомой силой, не сбившись с пути. В голове же его все время звучал голос матери: "Вернись на Донцину, во что бы то ни стало", а в глазах стояла картина последних минут ее жизни.

На Дон все-таки вернулся.

Вспоминая этот рассказ Ивана Лукича, совершенно по-другому понимаю ужас, пережитый им, те лишения и бедды, которые принесла ему Советская власть. Удивляешься мужеству, силе и выносливости десятилетнего мальчика.

Понятными становятся и его запои..."

Более 70 лет от нас скрывали страшную правду. Последнее десятилетие ушедшего века все изменило в противоположную сторону. Много стало известно о зверствах красноармейцев, стало понятно и яростное сопротивление казаков, ценою жизни пытавшихся отстоять свою свободу и независимость. Многие тайны, скрывааемые историей, нам еще предстоит узнать. И кто знает, что они таят...

Старая машинка

Конец 40-х - начало 50-х стали периодом крушения надежд на какие-либо изменения в политике сталинизма. Вспыхнула новая волна репрессий, еще более ожесточился налоговый гнет. За неуплату налогов могли забрать последний кусок хлеба, сослать в Сибирь, на Урал, в лагерь и тюрьмы. А чем было платить в послевоенное голодное время? Номенклатурный аппарат это не волновало. Но были и такие, кто понимал это, пытаясь облегчить участь налогоплательщиков. Одна из невольных очевидцев и участников того периода, Л.В.Горина, вспоминает:

"Было это в 1951 году, мне тогда всего два года исполнилось. Налоги драли непосильные. Платить же нам их было нечем. Единственное богатство, что у нас оставалось, - это машинка швейная "Зингер". Благодаря ей и хлеб у нас в доме был. Мама у меня, дай Бог ей здоровья, и сейчас жива, хорошо шила. Могла и пальто шить, и одеяло состегать. Лишиться машинки означало потерять единственный источник пропитания в семье.

Дошло время сбора налогов и до нашей семьи. Мать моя, Лидия Михайловна, боясь за машинку, посадила меня, двухлетнюю, около нее.

- Держи крепко, доченька. Руки ни в коем случае не разжимай. Без машинки нам не выжить.

Налоги в то время у нас в Еланской собирал представитель власти Василий Шматов. Пришел он и к нам. Я, помня наказ мамы, крепко схватилась за машинку, даже пальчики побелели. Из того, что сохранила память двухлетнего ребенка, помню, что Шматов начал разжимать мне пальцы, ответом были плач и крик, которым я, как мне показалось, оглушила и себя, и тех мужчин, что пришли за швейной машинкой.

Василий Шматов, видимо сжалившись надо мной, ослабил свои усилия, оставив машинку в "моих руках".

До сих пор не понимаю, что дивало им в те минуты. Запомнились его добрые глаза и моя радость, когда я услышала, что машинка остается у нас. Но что могла сделать я, двухлетний ребенок, если бы он ее забрал... За это я ему благодарна, он оставил нам средство для пропитания, шанс выжить в те голодные годы".

И по сей день эта швейная машинка "Зингер" стоит в доме матери Л.В. Гориной - Лидии Михайловны Батальщиковой как напоминание о том, что и среди представителей Власти Советов были люди, разделявшие страдания окружающих.

А.Жбанников (ст. Вешенская)

В Югославии

(по воспоминаниям кадеты А.Маслова)

После исхода Русской Армии из Крыма в ноябре 1920 года более 40 тысяч беженцев были радушно приняты в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 года - Югославии) королем Александром, воспитанником петербургского Пажеского Корпуса. Общая вера связывала русских и сербов.

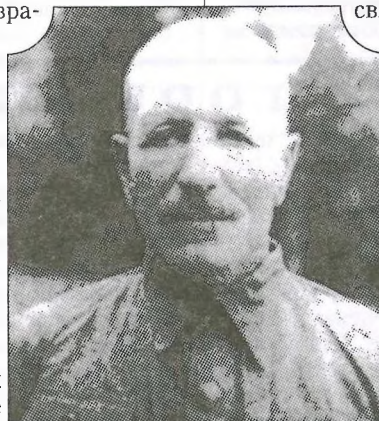
В стране, понесшей в результате балканских и 1-й мировой войн огромные потери в образованных людях, с более чем 50 % неграмотного населения - оказались русские, из которых около 75 % имели среднее или высшее образование: офицеры, инженеры, врачи, педагоги, профессора, художники, музыканты. Беженцы, превратившиеся в эмигрантов, устраивались работать на заводы и шахты; русские летчики и конструкторы испытывали самолеты на фабриках "авионов", казаки строили дороги. Администрирование, преподавание в университетах и школах, культурная жизнь Югославии поднялись на качественно более высокий уровень. Охранные и пограничные функции выполняла сербская жандармерия, основу которой составили конные казаки. Проходили собирающие много публики выступления казачьих джигитских групп.

Эмигранты обучали детей в русских школах, Маринском женском институте и кадетских корпусах. В Сремски-Карловцах располагался штаб генерала Врангеля, и кадетские корпуса находи-

лись под постоянным вниманием командования Русской Армии. Русский кадетский корпус в Белой Церкви просуществовал до 1944 года. Он носил имя великого князя Константина Константиновича (известного в русской литературе под псевдонимом К.Р.), внесшего огромный вклад в историю русских кадет.

"Русский дом им. Императора Николая II" в Белграде - красивое здание в стиле русского ампира - было построено в 1933 году на средства эмиграции. До сих пор воспитанники корпуса и члены их семей, уже породнившиеся с сербами, собираются здесь на корпусные праздники, посвященные православным святым, 3-4 раза в году. По русской военной традиции выбывших из рядов по смерти замещают ближайшие родственники, их дети и внуки. Этим сохраняется преемственность. Жены-сербки старых кадет готовят общий стол, звучат русские песни и романсы...

Полковник 1-го Хоперского полка ККВ Павел Максимович Маслов прибыл в Сербию в 1922 году. Служил со своими казаками в сербской жандармерии в Македонии - на границе, в горах, где было много бандитов-албанцев. Казаки не меняли гражданство, рассчитывая вернуться на Родину, хотели остаться в составе своих воинских частей, с оружием. Но вмешалась Европа, потребовав от Короля Александра распустить "иностраные военные организации".

П.М.Маслов - офицер-инструктор Бельгийского легиона. Австрия, плен, 1944 г.

“Умиротворив” разбойников, казаки со своими лошадьми переехали в Кралево: работали на строительстве дорог, на лесосплаве (“силавары”), водовозами (“сакарджи”). Последнее было выгодным делом (чистую воду брали из горных рек), многие разбогатели, построили свои дома. П.М.Маслов был организатором казаков-джигитов вместе со знаменитым полковником Ф.И.Елисеевым, бывшим командиром Корниловского конного полка. Затем поступил работать на фабрику “авионов”, где самолеты испытывали русские летчики.

В 1941 году, после вступления немецких войск в Югославию, русские пилоты из Кралево перелетели в Алжир и поступили во Французский Иностраный Легион (полковник Маслов – в “Бельгийскую Легию”). Вошел до 1944 года, попал в плен, сидел в лагере в Австрии до конца войны. Вернувшись в титовскую Югославию белый казачий полковник, естественно, не мог. Получив, как легионер, пенсию от правительства Бельгии, он жил в Брюсселе, умер в 1974 году.

Отец записал 12-летнего Александра Маслова в Русский кадетский Велико-го Князя Константина Константиновича корпус в Белой Церкви в 1941 году, когда началась война. Саша понимал по-русски, но читать и записывать все специальные предметы было трудно. Хорошо выучил он русский уже в корпусе, где были воспитанники со всей Европы. С Александром сидел за партой кадет, родившийся во Франции – его мать была француженка, и он говорил сначала только по-французски...

Немецкий язык в корпусе преподавала строгая немка, имевшая обыкновение, входя в класс, кричать: “Ruhe, Kinder!” (молчать, дети!), хотя в классе стояла такая тишина, что было слышно, как муха пролетела. Кадеты ее за это не любили. Как-то раз Маслов, поймав на стене казармы в зарослях дикого винограда древесную лягушку, подложил ее в перерыве в сумку учительницы. В начале урока немка полезла в сумку за очками. Что случилось дальше – нетрудно представить... Дежурный офицер построил всех. Негласным правилом кадетской чести было: “Каждый свою вину или ошибку должен признать”. Саша сознался. Его старший воспитатель, полковник Карпов сказал: “Так и знал, что это Маслов. Ну, знаешь, что тебе делать”.

Младшие кадеты шли в старший, специальный класс корпуса. Это были уже 17-18-летние юнкера, они носили свою форму. “Кадет Маслов, по Вашему приказанию явился!” – подойдя к юнкерам строевым шагом, доложил Саша. “Шагай дальше!” – последовала команда. Кадет шел вдоль строя, получая бляхами по мягкому месту. За серьезную

Александр Маслов перед поступлением в Кадетский корпус. Сербия, 1938 г.

А.П.Маслов – офицер армии Югославии, 1952 г.

провинность его ожидало “низом-пузом” – наказание, запрещенное в корпусе. “Ложись на пол!” Вытянув рукава рубашки и “нагавки” штанов, четыре человека трясли кадета, пока под мышками все не оторвется по шву. Всю ночь потом надо было ушивать форму, чтобы утром выйти на смотр. “Низом-пузом” был в корпусе одним из элементов “цука” – воинского воспитания младших.

В 1943 году в Белой Церкви появились советские военнопленные. Работали на вокзале, грузили песок, дрова. Кадетам было интересно – русские! – они давали им хлеб, от них же научились песне “Москва моя любимая, никем непобедимая!” Три раза в неделю кадеты шли строем 5 километров на прогулку. “Песню!” – приказывал полковник. Его любимой была “Марш вперед, труба зовет!” – марш черных (александрийских) гусар, это было обязательно.

Заложив руку за борт кителя, высокий ростом, с моноклем, полковник Карпов пропускать мимо себя кадет. Кто-то из воспитанников однажды предложил спеть “Москву любимую...”. Это услышали раненые немцы, находящиеся в госпитале, в парке неподалеку. Один из них, прибывший с русского фронта и, видимо, знавший немного по-русски, подошел к полковнику Карпову, держа руку под козырек. Полковник и не посмотрел на него, указав большим пальцем за спину, на фельдфебеля. Немец доложил фельдфебелю, что поют советскую песню, попросив остановить колонну. Полковник Карпов небрежно покосился на немца и спросил: “Что этот болван хочет?” “Господин полковник, у нас ошибка получилась. Мы, кажется, пели и советскую песню”. “Никакой советской песни здесь не было (а 75-летний полковник и не слышал ее, звучавшую в голове колонны). Скажи ему, что это старая русская песня, он истории не знает. Шагай дальше!”

В 1944 году, когда фронт дошел до Венгрии, все, кто имел возможность, стали забирать кадет из корпуса, опасаясь прихода советских войск. К Маслову прибыл кум, капитан шуцкора – корпуса, охранявшего различные промышленные объекты. Переговорив с директором кадетского корпуса генералом Поповым, он забрал Сашу к себе.

В шуцкоре выдали форму, назначив курьером. Однажды посланный с пакетом бывший кадет свернул с прото-ренной тропинки в лес, за дикими ягодами. Ствол автомата в спину, приказ шепотом по-сербски “не двигаться!” – и Маслов попал к партизанам-титовцам. Узнав, что он русский, его привели в село Мачко Камень, знаменитое своей “костурницей” – стоявшими в виде памятника костями погибших в 1-й мировой войне.

В селе была база партизан. Уходя на задание, его оставили у местного хозяина. Тот решил помочь юноше, переодел его, дал бутылку ракии и объяснил дорогу к шоссе, по которому немцы отступали к Белграду. Остановив машину за ракию, наш кадет доехал до столицы. Бомбежки, разруха, голод... В одной из проходивших через Белград частей Красной Армии встретил земляка. “Пойдем с нами, – позвал тот, – еды много, форму выдадут...”. Маслов пошел с красноармейцами. Недели через две, заметив пристальный интерес особистов к своей персоне, бывший кадет убежал и перебрался в родные места – в Кралево.

После войны Александр окончил военное училище, стал офицером Югославской армии. До сих пор энергичный (в 72 года), хозяин собственной автомастерской, Александр Павлович Маслов прекрасно поет казачьи песни, а при расставании спел мне знаменитую кадетскую “Фуражку”.

П.Стрелянов (Кулабухов)

“Антибольшевицкое повстанческое движение” Исторический альманах “Белая Гвардия”, № 6

Очередной номер выпускаемого издательством “Посев” исторического альманаха “Белая Гвардия” посвящен проблемам антибольшевицкого повстанчества во время гражданской войны в России 1917-20-х гг. В нем представлены обширные материалы по казачьему сопротивлению большевизму – документальные материалы и аналитические статьи по истории Оренбургского казачьего Войска в начале 1918 года, по казачьим повстанческим отрядам в Западной Сибири, на Алтае и в

Прибайкалье, интересный материал по истории Вешенского восстания на Верхнем Дону в 1919 году, восстаниям на Кубани и Тереке, по истории “Армии освобождения России” генерала Фостикова. Номер иллюстрирован уникальными фотографиями из архива г. Красногорска и из частных коллекций.

Заказы направлять по адресу:

103031, Москва, ул. Петровка, д. 26, стр. 2,
офис 96. Главный редактор В.Ж. Цветков

Казак Гельмут фон Паннвиц

Гельмут фон Паннвиц родился 14 октября 1898 года в имении Боцановиц (округ Розенберг, Восточная Силезия). Он был вторым сыном королевского судебного советника, лейтенанта в отставке 14-го прусского гусарского полка Вильгельма фон Паннвица и его супруги Герты, урожденной фон Риттер.

Силезия (сейчас это территория Польши) - древняя славянская земля, принадлежавшая попеременно Польше, Чехии, Священной Римской Империи германской нации и Австрии. В середине XVIII века, при Фридрихе Великом, в результате т.н. Силезских войн и Семилетней войны эта провинция была окончательно закреплена за прусской короной.

Фамилия фон Паннвиц, как и многие схожие представителю прусского служилого дворянства из Силезии (фон Зейдлиц, фон Тирпиц, фон Басевич, фон Ястжембски, фон Левински /Манштейн/ и др.), указывает на изначально славянское происхождение основателей рода. Пронесенная Гельмутом через всю жизнь любовь к казачеству объяснялась, наверное, глубоким душевным родством, опиравшимся, в том числе, и на эти родовые корни.

Прямо под окнами усадьбы его родителей протекала маленькая пограничная речушка Лисварт - а за ней начиналась территория Российской Империи. С детских лет будущему казачьему походному атаману запомнились встречи с казаками расположенной на русском берегу пограничной заставы - он покорен был искусством казачьей джигитовки, владением шашкой и пикой.

В 1910 г. Гельмут в возрасте 12 лет был зачислен в Вальштатский кадетский корпус в Нижней Силезии, а весной 1914 г. переведен в Главный Кадетский корпус в Лихтерфельде под Берлином. Когда началась 1-я мировая война, юноша добился от отца разрешения идти в армию добровольцем.

В день своего 16-летия Гельмут был зачислен фанен-юнкером (кандидат на первый офицерский чин) в запасной эскадрон 1-го (Западнопрусского) Его Величества Императора Всероссийского Александра III-го уланского полка в Любене. Полк был расквартирован под Лигницею, где в 1241 г. объединенное польско-германское войско силезского герцога Генриха Благочестивого и Тевтонского рыцарского ордена в кровопролитном сражении остановило движение на Запад орд хана Батия.

За проявленную в боях храбрость фенрих (корнет) фон Паннвиц уже в марте 1915 г., в возрасте 16 лет, был произведен в лейтенанты. 16.09.1915 г. он был представлен к Железному Кресту 2-й степени. За доблесть в боях лета 1916 г. и 1917 г. в Карпатах Гельмут фон Паннвиц был награжден Железным Крестом 1-й степени.

По окончании Великой войны Г. фон Паннвиц защищал восточные границы Германии в рядах "добровольческих корпусов". Ветеран XV-го Казачьего Кавалерийского Корпуса Гельмут Меллер вспоминал:

"Подобно тому, как казаки дрались вместе с нами плечом к плечу против

красных, сражались в рядах "добровольческих корпусов" в 1918-1923 гг. против "спартаковцев" и наши отцы, спасшие нас от установления в нашей стране коммунистического режима. Они сражались не за гитлеровский режим, а против большевицкой системы. Они хотели быть свободными гражданами свободной страны.

Наши отцы были солдатами 1-й мировой. Гельмут фон Паннвиц сражался в рядах "бригады Эрхардта" в Берлине и Верхней Силезии, а мой отец - в рядах "Стального Шлема" Франца Зельдте. Своей героической борьбой они не допустили, чтобы Германия, подобно России, пала жертвой Красной Армии и мировой революции. Плечом к плечу с рейхсвером они восстановили порядок к 1923 г., не допустили большевицкого переворота и тем самым спасли будущее демократии..."

Из-за ранения в марте 1920 г. (после т.н. "Капповского путча") фон Паннвицу пришлось выйти в отставку. Казалось, офицерская карьера завершилась, несколько лет он служил управляющим имениями в Польше. Но любовь к военному ремеслу заставила Гельмута фон Паннвица вернуться летом 1933 г. в Германию.

Поначалу он обучал резервистов в 7-м Кавалерийском полку в Бреслау (Бреславле), а в 1935 г. был зачислен во 2-й Кавалерийский полк в Ангербурге (Восточная Пруссия) командиром эскадрона в чине ротмистра. 9 апреля 1938 г. он в Кенигсберге женится на Ингеборг Нойланд (от этого брака родились дочь и два сына).

Уже в чине майора фон Паннвиц был в 1938 г. после "аншлюса" (присоединения Австрии к Германии) переведен в только что сформированный 11-й Кавалерийский полк в Штокерау близ Вены.

С началом 2-й мировой войны он, в качестве командира разведывательного отряда 45-й дивизии, участвовал в польской, затем во французской кампании, был награжден планками-репликами к Железным крестам за 1-ю мировую (23.09.1939 г. - планкой к Железному Кресту 2-й, 05.10.1939 - к кресту 1-й степени).

С самого начала войны против СССР силезский офицер не раз подтверждал репутацию храброго и осмотрительного командира. Уже 4 сентября 1941 г. фон Паннвиц, будучи подполковником, командиром 45-го разведотряда

45-й пехотной дивизии вермахта, входившей во 2-ю армию группы армий "Центр", награжден Рыцарским Крестом Железного Креста. 08.07 фон Паннвиц в районе Давидтродек-Туров под Ольшанами столкнулся с превосходящими силами красных. Фон Паннвиц, сразу поняв тяжелое положение, в которое попали германские части восточнее Ольшанского канала, не только спас эти части, прорвавшись во главе ослабленного самокатного взвода в горящее село и взяв его штурмом, но и восстановил существовавшее до боя положение, создав предпосылку для последующего успешного наступления дивизии.

Он всегда стремился к максимальному возможному успеху при минимальных потерях, воевал не "по-жуковски", а

Хорватия, 1944 г. Перед строем казаков

С генерал-лейтенантом А.Шкуро

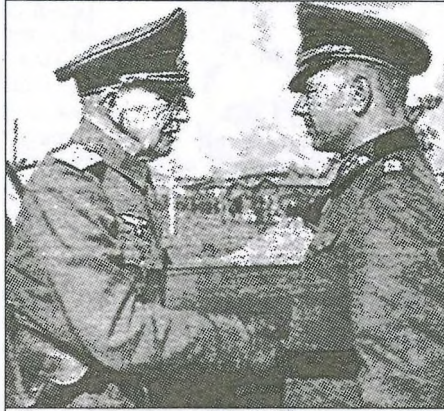
“по-суворовски”: бил врага “не числом, а умением”.

В ноябре 1941 г. после тяжелой простуды, осложненной пневмонией и ишиасом, фон Паннвиц вынужден покинуть фронт. В начале 1942 г. он переведен в Верховное Командование Сухопутных Войск, где занимался разработкой инструкций для мобильных войск.

Отведенное ему время Гельмут фон Паннвиц, произведенный в апреле 1942 г. в полковники, использовал для осуществления идеи создания самостоятельных казачьих воинских частей. Он знал, что казаки во время гражданской войны в России оставались ядром всех антибольшевицких формирований, за что после победы коммунистов были лишены не только своих заслуженных потом и кровью привилегий, но и элементарных гражданских прав, неоднократно подвергались репрессиям. Как знал он и то, что вступление германских войск на казачьи земли по Дону, Кубани и Тереку приветствовалось значительной частью населения как приход освободителей, что немало казаков (и не только их) были готовы к продолжению вооруженной борьбе с большевиками.

С детства научившийся понимать и любить казаков, фон Паннвиц ясно видел перспективы казачьего возрождения, его важность в борьбе с большевизмом. Вопреки яростному сопротивлению - особенно секретаря Гитлера Мартина Бормана (ведшего свою, так до конца и не разгаданную игру) и рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера (фанатичного расиста, не допускавшего и мысли о казачестве как полноправном союзнике стран “оси”) - фон Паннвицу, при поддержке генералов Кестринга, Цейтцлера, фон Клейста и полковника Шенка фон Штауффенберга (того самого, что чуть не ликвидировал Гитлера 20 июля 1944 г.; а ведь при успехе покушения судьба России могли бы сложиться иначе!) удалось получить в сентябре 1942 г. полномочия на формирование крупных добровольческих частей в казачьих областях.

Вопреки инсинуациям современных борзописцев, Гельмут фон Паннвиц никогда не ходил в “любимчиках” у Гиммлера. Ветеран XV ККК Эрнст Вальтер фон Мосснер вспоминает, как генерал фон Паннвиц спас его от ареста гестапо после 20 июля 1944 г. Отец фон Мосснера, заслуженный германский генерал, но противник нацистского режима, погиб в декабре 1944 г. в Бухенвальде. Его сын - командир казачьего кавалерийского эскадрона - попал в “сферу пристального внимания” гестапо, искавшего “повод избавиться от подозрительного офицера” (о наивные немцы! представьте себе, для сравнения, советский НКВД, вынужденный “искать повод” избавиться от “подозрительного” советского командира после ликвидации его отца, советского генерала, в сталинском ГУЛАГе!). Вскоре гестаповцы нашли такой “повод”. Фон Мосснер-младший, как джентльмен, пригласил захваченного казаками командира титовской “Народно-Освободительной Армии” отобедать со своими офицерами на командном пункте, прежде чем отправить в штаб для допроса. В аграмском (загребском) гестапо поступок фон Мосснера был истолкован в чисто нацистском духе. Но, когда за фон Мосснером явились гестаповцы, казаки лейб-конвоя генерал-лейтенанта фон Панн-

С генералом П.Н.Красновым

вица по его приказу отказались выдать офицера. Под угрозой применения оружия “бойцам невидимого фронта” пришлось убраться несолоно хлебавши...

Во время поездки фон Паннвица на Кавказ советские войска прорвались в Калмыцкую степь. Свободных германских войск, способных противостоять прорыву, не оказалось. Фон Паннвиц получил приказ закрыть брешь тыловыми частями и всем, что имелось в наличии. Полковнику удалось набрать “боевую группу” всего в 1000 штыков. Группа, в которую входили конные и пешие казачьи подразделения, танковый отряд, румынская кавалерийская бригада, румынская же батарея моторизованной

тяжелой артиллерии, отдельные тыловые и обозные части и несколько зенитных орудий, начиная с 15.11.1942 г. уничтожила северо-восточнее Котельниково прорвавшую фронт 61-ю советскую дивизию, затем 81-ю советскую кавалерийскую дивизию под Котельниками и, наконец, советскую стрелковую дивизию (под Пименом Черным/Небыковым). За эту операцию Гельмут фон Паннвиц 23 декабря 1942 г. получил “дубовые листья” к Рыцарскому Кресту (№ 167) и высший румынский военный орден “Михая Храброго”.

С германским отступлением в начале 1943 г. на Запад двинулись с семьями и тысячи казаков, спасавшихся от неизбежных советских репрессий. И только тут (хотя благоприятный момент был давно упущен!) германское руководство, наконец, решилось дать “добро” на формирование конной казачьей дивизии.

В марте 1943 г. в Милау (Млаве) была сформирована 1-я Казачья Кавалерийская дивизия - первое крупное “белое” казачье соединение во 2-й мировой войне. Возглавил эту дивизию Гельмут фон Паннвиц, произведенный в июне 1943 г. в генерал-майоры вермахта.

Казаки рвались на Восточный фронт - у каждого были с коммунистами свои счёты. Однако уже осенью 1943 г. дивизия была переброшена в Хорватию для борьбы с коммунистическими партизанами. Казаки в течение 4-х месяцев справились с задачей - и это в центре Балкан, “пороховой бочки Европы” (где в наши дни всевозможные “миротворцы” не могут остановить кровопролитие в течение целого десятилетия!).

В январе 1945 г. повышенный в звании до генерал-лейтенанта Гельмут фон Паннвиц был единогласно избран Всеказачьим Кругом в Вировитице “Верховным Полевым Атаманом всех Казачьих войск”. Он воспринял это избрание как огромную ответственность и высочайшую честь. Ведь с 1835 г. звание Верховного Атамана Казачьих Войск носил Наследник Российского Престола (и Святой Мученик Царевич Алексей был, таким образом, непосредственным Предшественником на этом посту Гельмута фон Паннвица, которому вскоре и самому суждено было претерпеть мученическую кончину от тех же самых рук). Факт такого избрания германского генерала говорил о доверии, которое оказывали казаки командиру. Здесь стоит упомянуть, что даже в самые суровые дни боев он заботился не

С детьми казаков корпуса

только о состоянии казачьего корпуса, но и о будущем казачества. Так, по его инициативе при корпусе была создана Школа юных казаков, в первую очередь для детей-сирот. Сам генерал усыновил “сына полка” Бориса Набокова, определив его в эту школу.

С 1 февраля 1945 г. “батька Паннвиц” имел под командованием находившийся в стадии формирования XV Казачий Кавалерийский Корпус (в составе двух дивизи-

С приемным сыном Борисом

зий и одной бригады). К концу войны Корпус численностью более 20 000 штыков и сабель занимал позиции на южном берегу р. Дравы. Фон Паннвиц понимал, какая судьба уготована казакам в случае захвата их советскими войсками, и решил пробиваться в Каринтию – ту часть Австрии, которая входила в британскую оккупационную зону.

9 мая 1945 г. казачьи части вошли в Каринтию в соприкосновение с британской 11-й танковой дивизией. Два дня спустя “батька Паннвиц” в последний раз, уже в присутствии британских офицеров, принял парад Донского казачьего полка, после чего казаки сложили оружие – поверив честному слову британских “джентльменов”, что те ни при каких условиях не выдадут их большевикам палачам. В последующие дни генерал посетил один казачий лагерь за другим для моральной поддержки своих казаков и защиты их интересов перед британскими военными властями. 24 мая от англичан было получено повторное торжественное заверение, что никто из казаков красным выдан не будет. Между тем еще 23 мая между британцами и большевиками была достигнута договоренность о “репатриации” казаков...

После изоляции и выдачи казачьих генералов и офицеров в Шпитале английские солдаты 27 мая начали окружать лагерь за лагерем, вывоза казаков в Грац, где последние с применением жесточайшего насилия передавались в лапы большевиков. Одновременно под Лиенцем были выданы большевикам около 20 000 казаков резервных частей (Казачьего Стана) и почти столько же гражданских лиц, бежавших в Тироль из мест своего поселения в Северной Италии. Разыгрывавшиеся при этом душераздирающие сцены уже многократно описаны. Британской армии никогда не смыть со своего мундира этого позорного пятна!

Генерал фон Паннвиц, как германский гражданин, выдаче не подлежал. Британцы предложили ему укрыться в своем лагере для германских военнопленных – хотя и не подумали предоставить такого выбора другим казачьим генералам, офицерам и казакам, также никогда не являвшимся советскими гражданами (а генерал Шкуро, как кавалер высшего британского военного ордена Бани, даже являлся членом палаты лордов и пэром Британской Империи!). Как бы то ни было, “батька Паннвиц”, как вспоминает ветеран корпуса Филипп фон Шеллер, со-

брал своих германских офицеров и заявил, что делит с казаками хорошее и намерен делить с ними и плохое, быть с ними до конца.

В знак готовности разделить судьбу своих казаков, Гельмут фон Паннвиц спорил с фуражки и мундира германских орлов со свастикой – таким он и запечатлен на последних фотографиях перед выдачей. Германским офицерам он предложил “самим промывать о своей голове”. К чести последних, они последовали примеру своего командира и отправились вместе с казаками по этапу в Сибирь – откуда вернулись немногие.

“Батька Паннвиц” был доставлен в Москву, где Военная Коллегия Верховного Суда СССР признала его и пять генералов – вождей Казачьего Стана (Петра Краснова, Андрея Шкуро, Султана Келеч-Гирея, Семена Краснова и Тимофея Доманова) – виновными в шпионаже, диверсионно-террористической деятельности против Советского Союза, приговорив к казни через повешение. Приговор неправедного суда был приведен в исполнение 16 января 1947 г.

Так оборвалась жизнь последнего Верховного атамана всех казачьих войск, почетного кубанского, терского, сибирского и донского казака, храброго офицера, стойкого антикоммуниста. Всю свою жизнь он был верен древнему девизу тевтонских рыцарей, засвидетельствованному средневековым хронистом: “Когда же настанет наш час, умрем, как подобает рыцарям, ради братии нашей, дабы не было поружи нашей чести”. Что полностью соответствует повторенному Суворовым казачьему правилу: “Сам погибай, а товарища выручай”, и завету князя Святослава Игоревича: “Мертвые сраму не имут!”

Благодаря редкостным свойствам характера, Гельмут фон Паннвиц завоевал сердца своих станичников, сохранив им верность до гроба. Подружившись с казаками-пограничниками в начале своей жизни, он принес себя в жертву германо-казацкому братству по оружию, запечатлев его навечно ценой собственной жизни. И никакие “реабилитации” не нужны тому, чье доброе имя осталось незапятнанным, кто прожил свою жизнь, как рыцарь без страха и упрека. А суд... Что ж, два тысячелетия назад к позорной смерти (“проклят всяк висящий на древе”) приговорили и Христа!..

Вольфганг Акунов

PS: Из всех, носящих сегодня фамилию фон Паннвиц, больше всего заботится об увековечении памяти генерала в России его племянница Ванесса фон Бассевиц. Огромное ей за это спасибо!

Во время чтения приговора. Москва, 16.01.1947 г.

Казачьи формирования немецких спецслужб

Диверсионно-разведывательные команды и группы Абвера занимались вербовкой, подготовкой и переброской агенты с заданиями диверсионного, повстанческого, пропагандистского и разведывательного характера. Всего на Восточном фронте действовали 6 диверсионных команд Абвера (в подчинении каждой – от 2 до 6 групп).

Эти подразделения военной разведки создавали специальные истребительные и штурмовые подразделения – казачьи сотни и отряды – для захвата и удержания до подхода основных сил немецкой армии стратегически важных объектов в тылу советских войск, ведения войсковой разведки переднего края обороны советских войск, захвата “языков”, подрыва укреплений. Казаки участвовали также в антипартизанских операциях и являлись резервом пополнения кадров разведчиков и диверсантов для последующей заброски в тыл Советов.

По общему признанию немецких военных руководителей, казаки и калмыки были наиболее стойкими, обученными и верными долгу бойцами из всех восточных добровольцев Вермахта (чему способствовал спе-

циальный статус казаков – “союзников Рейха”).

Вот краткий обзор некоторых подразделений немецких спецслужб, при которых были казачьи формирования.

Абвергруппа-103

Разведывательная абвергруппа-103 действовала при 1-й танковой армии, до июля 1942 года подчинялась Абверкоманде-101, ведя работу против войск Сталинградского, Северо-Кавказского и 4-го Украинского фронтов. С 1942 г. она принимала участие в формировании в Мариуполе и Волноухе добровольческих отрядов донских, кубан-

ских и терских казаков для действий в советском тылу при отступлении немецких войск. При группе был сформирован и специальный калмыцкий отряд зондерфюрера Вербы (доктор Долль). Добровольцы вербовались из военнопленных в Горловке, Полтаве, Волноухе, Авдеевке (Сталинградская обл.), Павлограде, Днепрпетровске, Прохладном и Кабардино-Балкарии.

В 1942 г. при группе были организованы курсы подготовки разведчиков – “Команда Локкерта”. 1-я группа курсов (5-10 слушателей)

состояла из казаков, получивших боевое крещение в рядах добровольческих отрядов. Срок обучения агентов составлял от 5 до 20 дней, после чего они забрасывались в советский тыл.

Казаки в Абверкоманде НБО

Разведывательная абверкоманда НБО (от нем. "Нахрихтенбебахтер") была организована в конце 1941 года и до октября 1943 г. размещалась в Симферополе. Подчинялась командующему военными силами юго-восточного бассейна, специализируясь на военно-морской разведке на Черном, Азовском морях, ведении диверсионной работы против Северо-Кавказского и 3-го Украинского фронтов, вела борьбу с партизанами. При органе был сформирован **казачий отряд**, который возглавлял Шалибабаев (или Шамбабаев) Иван Никитович – бывший полковник (войсковой старшина?), служивший ранее в Российской Императорской и Белой армиях.

Казачий полк особого назначения Абвергруппы-201

Разведывательно-диверсионная Абвергруппа-201 до сентября 1942 года действовала при 11-й немецкой армии, затем переподчинена 1-й танковой армии, а с февраля 1943 г. придана армейской группировке "Холлидт". В мае 1944 г. группа была подчинена Абверкоманде-206 южной группировке немецких войск "Зюд-Украина". Группа вела разведывательно-диверсионную и разложенческую работу в советском тылу и на переднем крае, контрразведывательную и антипартизанскую работу, для чего при ней был создан **Казачий полк особого назначения** из 4-х сотен.

1-я Андреевская сотня полка была сформирована в августе 1942 г. в м. Тавель (Крым), укомплектована донскими и кубанскими казаками из лагеря военнопленных в Симферополе. Командир сотни - немецкий лейтенант Гирш. Использовалась она при разведке ближнего тыла советских войск. Отдельные казаки после непродолжительной подготовки забрасывались в советский тыл с диверсионно-разведывательными заданиями. В октябре 1942 г. сотня была переброшена на Ленинградский фронт, в ноябре действовала близ дер. Замостье, затем на территории Витебщины против партизан. В декабре казаки были направлены на юг и до середины января 1943 г. размещались в станицах Персияновке и Кривянской Ростовской области. В середине года сотню перевели в пос. Петровский Сталинской области, в сентябре 1943 г. она действовала в районе Запорожья и Никополя, в октябре - у с. Ольгино (Херсонская обл.), где и была расформирована. Часть личного состава была влита в Галдинскую сотню, часть осталась при штабе группы.

2-я Зверевская сотня была сформирована в феврале 1943 г. в пос. Звереве Ростовской области. Командир сотни - есаул Земляков Иван Васильевич. Позднее сотню принял есаул Кондратьев Владимир – бывший младший лейтенант РККА. Личный состав использовался для заброски в советский тыл, главным образом на Дон и Кубань, для ведения разведки и совершения диверсий, для чего изучал подрывное дело и топографию. Готовил агента унтер-офицер Гесс, фактический командир сотни. В середине марта сотня эвакуировалась в дер. Доля Сталинской обл., где пребывала до сентября 1943 г. В том же году через Каховку передислоцировалась в с. Ольгино (Херсонская обл.), затем в Свободное (Николаевская обл.). В декабре весь личный состав был влит в Галдинскую сотню.

3-я Галдинская сотня была сформирована в январе 1943 г. бывшим советским военнослужащим, уроженцем Ростовской области Галдиным. Укомплектована казаками Ростовской области. При сотне находился представитель штаба абвергруппы обер-лейтенант Ниссен. До марта сот-

ня вела разведку переднего края обороны советских войск, дислоцируясь в ст. Бессергеновской, хут. Богушевском и Татарском Ростовской области, затем в пос. Первомайский Сталинской области; в середине мая выбыла в Херсонскую область. Личный состав сотни использовался как диверсионно-разведывательная агентура и в операциях против партизан в Днепровских плавнях.

В ноябре 1943 г. сотня оперировала в районе Никополя Херсонской области. В начале 1944 г. объединилась с Андреевской и Зверевской сотнями; новое формирование вышло из подчинения абвергруппы и направилось в Шаумонд (Франция), где на его базе был сформирован эскадрон, влившийся в состав 403-го дивизиона 5-го запасного казачьего полка 1-й Казачьей дивизии. С февраля по ноябрь 1944 г. эскадрон Галдина дислоцировался в г. Грай и участвовал в боях против англо-американских войск; в январе 1945 г. переместился в Хорватию, где вел борьбу с партизанами в составе 3-го Кубанского казачьего полка. В мае 1945 г. личный состав был выдан в СССР.

4-я Гаповская сотня была сформирована в июне 1943 г. из военнопленных разных национальностей в лагере г. Сталино. При отступлении с Донбасса из личного состава сотни были сформированы несколько мелких агентурных групп, осевших в советском тылу для ведения подрывной работы. Агенты выдавали себя за военнопленных, сбежавших из немецкого лагеря. Командовал сотней Гапов (или Гапаев) Антон (или Анатолий Михайлович, или Петрович) – выпускник Тавельской разведшколы Абвера.

Командиром полка до сентября 1943 г. был сотрудник Абвергруппы-201 Тимофей Константинович Хоруженко (Хоруженко), позднее уволенный в распоряжение штаба 6-й немецкой армии.

В своих воспоминаниях А. Ленинов сообщает, что в феврале 1943 г. казачий боевой отряд Абвергруппы-201 в составе тысячи вооруженных казаков под командованием полковника Хоруженко при тяжелом стрелковом оружии, частично моторизованных, занимал боевые позиции под Новочеркасском, ожидая атаки советских передовых танковых частей. С отрядом Абвергруппы-202 (620 чел. под командованием капитана Вальтера) они прикрывали отход Казачьего Стана, отступили в направлении Донбасса. Сотня дислоцировалась до августа 1943 г. в Сталино, затем в Херсонской области в районе расположения 201-й группы.

В дальнейшем казачий отряд послужил основой для развертывания на его базе **отряда специального назначения "Атаман"** Казачьего Стана.

Казаки в Абвергруппе-204

До января 1943 года Абвергруппа-204 действовала при 6-й армии, в мае была реформирована и придана группе армий "Кемпф", позднее – 8-й армии, ведя работу против 2-го Украинского фронта. Руководил ею известный немецкий специалист по "восточным делам" ротмистр граф Эрвин фон Тун Гогенштейн. В конце октября 1943 г. в Васильевке близ Кировограда был создан **казачий взвод** (80 чел.) для борьбы с партизанами.

Казачий отряд особого назначения при Абвергруппе-218

Абвергруппа-218 была создана в сентябре 1944 года в г. Силайн (Чехословакия) и придана штабу командующего немецкими силами в Словакии. Начальник - ротмистр граф фон Тун. При группе был сформирован **3-й специальный отряд** из 45 казаков, служивших ранее в казачьих сотнях Абвергруппы-201. Возглавил его обер-фельдфебель Берлизов (или Берлисов, он же Берлис) Анисим Романович.

В середине октября абвергруппа и казаки размещались в словацком городке Кремниц, ведя антипартизанские опе-

рации в районе Банска-Быстрица – Платица – Кремница – Брезно – Шемница. В феврале 1945 г. казаки вместе с группой перебрались в район Тырнова севернее Братиславы, в марте прибыли в Винер-Нойштадт (Австрия), где в течение 10-12 дней вели боевые действия против партизан. В начале апреля в связи с возросшей активностью партизан в районе г. Силайн группа была переброшена в его окрестности, приняв участие в боях вместе с частью Русской Освободительной Армии. 20 апреля 1945 г. группа отступила к австрийской границе, где часть ее личного состава была захвачена советскими войсками.

Казаки в Абвергруппе-323

Контрразведывательная Абвергруппа-323 была придана 4-й танковой армии, находясь в подчинении Абверкоманды-301. При группе был создан казачий отряд (20 чел.) под командой унтер-офицера, бывшего лейтенанта РККА Остапенко Василия Ивановича.

Казаки в “Предприятии Цепелин”

В марте 1942 года Главным Управлением Имперской Безопасности Рейха был создан разведывательно-диверсионный орган “Унтернемен Цепелин”, с основной задачей по де-стабилизации советского тыла. Ставка делалась на заброску агентуры с разведывательно-диверсионными заданиями и организацию повстанческого движения. При штабе “Цепелина” был создан отдел С2, отвечавший за подбор и

обучение русской агентуры; в свою очередь, в его структуре было казачье отделение С2В. Основную работу по подготовке агентуры вели особые лагеря “Цепелина”. В приемно-распределительном лагере в м. Замберг (Силезия) постоянно пребывало около тысячи “активистов”, сведенных по национальностям в роты. Третья рота лагеря состояла из донских казаков.

В местечке Брюкенорд в монастыре (6 км от Замберга) находился казачий филиал лагеря. В сентябре 1944 г. он переехал в город Фронтенрид в Южной Баварии, затем в замок Гладцен близ Мариенбада. Часть подготовленной агентуры была влита в состав казачьих формирований, другая заброшена в советский тыл. Филиалом было подготовлено от 40 до 100 агентов.

При подготовке статьи использованы оперативные документы советских спецслужб. Автор будет благодарен за более подробную и точную информацию о роли казачьих формирований немецких спецслужб.

С. Чувев

Поскольку редакция не располагает фотографиями непосредственно тех казаков и подразделений, о которых идет речь в статье, мы сочли возможным использовать для ее иллюстрации имеющиеся снимки казаков XV Казачьего кавалерийского корпуса.

Казачий Нестор

В Оренбурге вышли в свет первые тома “Словаря говоров уральских (яицких) казаков”

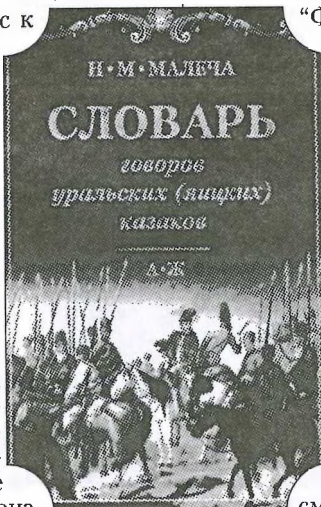
Выход в свет Словаря - возвращение нас к истокам Слова, к целой планете особой речи. Мы сегодня получаем наиболее полный свод того, что составляет речевую культуру многих поколений.

В Словаре сохранились свет и тепло живого когда-то слова, свет радостного и печального детства языка. Но это не только отзвук радостного и горького бытия жизни, ушедшей в небытие. В Словаре сияет Слово, сохраненное Мастером в первозданных красках и звуках, Слово, которое возгорается с каждой статьёй, с каждой страницей. Оно возрождает душу всякого русского человека, взывает к памяти, вселяет надежду.

В Словарь надо вчитаться, погрузиться и попадёшь в страну удивительного народного языка, мудрости и быта. Какой цветной, разнообразный, шумный мир! Какие насыщенность и глубина жизненного материала, при внешней неприязнательности, звучат в живых разговорных фразах на страницах Словаря: “Такой балясник (любитель поговорить), Москва просто, все у него с прибасками получается”; “Пугачёв в Илеке у казака Сакмаркина останавливался. Любил в бане париться. Там он, кода его в три веника жарили, он и разляпал (разболтал), што он не царь, а просто донской казак”; “Круглоозёрски депутаты как оглянутя, как рывкнут: - “Братицы, не пятого косить, а третьего! Не жа-ла-а-м!” Так по-ихому и обернётся. Весь съезд свернут, за шиворотки (шиворот) брали. Их так шивороткова станица” и прозвали”; “Карға (ворона) прямо летает, да дома не бывает”; “Сестра за кутец (мешкообразное окончание мотни невода) хвататся и кричит: скорей, скорей, скорей, а сазан по клячам ходит, того и гляди уйдет”; “Он не чаялся (не думал) жить с ней: набегной был”; “Эх, вавилоны пишет, поди один литровку чекалдыкнул”; “Как шваркнет его по затылку - он и с копытцев долой!”; “Как подали на свадьбе лашу-разгонщицу (последнее блюдо на свадебном пиру), так бери шапку и уходи”...

45 лет прожил Нестор Малеча в Уральске. Созданного в эти годы хватило бы на несколько человеческих жизней. Лингвистика, этнография, фольклористика - вот области, в которых проявился талант этого человека.

В 1955 году он защитил кандидатскую диссертацию

“Фонетический строй территориального диалекта уральских казаков”. Весной 1972 года ушёл на пенсию, но ещё три года продолжал читать лекции. “Словарь говоров уральских (яицких) казаков” - главный труд его жизни.

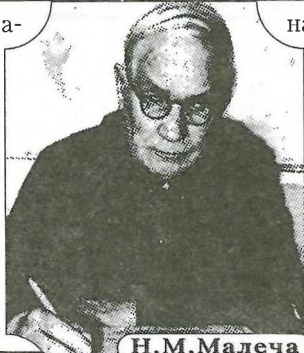
Первое сообщение о необходимости изучения диалекта уральских казаков ученый сделал в 1945 году. В послевоенные годы по заданию Академии наук СССР по всей стране развернулось изучение народных говоров. До Нестора Малечи говор уральских казаков совершенно не изучался - были лишь небольшие заметки о наречии уральцев В.И.Даль, И.И.Железнова и А.Б.Карпова, относящиеся к 50-90-м годам XIX века.

Работа над Словарем продолжалась в течение 25-ти лет. Первую экспедицию по сбору материалов Нестор Малеча провел в 1946 году, когда ему уже исполнилось 59 лет. Но, несмотря на возраст, ученый увлек своей исследовательской страстью молодых преподавателей и студентов. Многие поколения их ездили в диалектологические экспедиции, не пропустив ни одного казачьего поселка (180 пунктов) Уральской, Оренбургской и Гурьевской областей - это 200 тысяч карточек, более 26 тысяч слов, 3419 машинописных страниц. Их нужно было найти, услышать в связном тексте и записать.

Первым толчком к будущим разысканиям Малечи послужил интересный факт. В июне 1837 г. поэт В.Жуковский, сопровождая наследника престола Александра, проезжал через Уральск. В это время здесь же находился В.И.Даль. Состоялся разговор о краткости, выразительности народной речи. В.Даль привел в качестве примера предложение на диалекте уральских казаков: “Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на заберды и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить”. На литературном языке это означало “Казак оседлал лошадь как можно постешнее, взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп и следил за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть”.

Задуманная Малечей грандиозная работа была столь необычна, что многие не понимали её значения. И уж конечный результат виделся, пожалуй, одному Нестору Михай-

ловичу. При этом работа над Словарем, особое пристрастие ко всему казачьему ставили его в положение изгоя. Случались курьезы - об одном из них вспоминал журналист Б.Пышкин: "Один бдительный председатель сельсовета спросил собеседников Нестора Михайловича - стариков и старух - о чём, мол, он у вас выведывал? Те и скажи: да про худых коров и про снятое молоко... Такие вопросы действительно были в программе собирания сведений о

Н.М.Малеча

народных говорах. Заподозрив Нестора Михайловича в злом умысле, председатель запретил старожилкам давать диалектологам какие бы то ни было сведения. Когда же недоразумение прояснилось, описал в правление колхоза: "Прошу отпустить необходимые продукты трём научным экспонатам".

Научный подвиг Нестора Михайловича бесспорен. Однако, закончив гигантский труд в 1969 году, Нестор Малеча не смог издать его. Не смогли этого сделать и последователи. История попыток издания Словаря - это своеобразное "хождение по мукам" самого Нестора Михайловича и его жены Марии Николаевны...

Н.Щербанов (из введения к "Словарю")

Белые или красные?

размышления в связи с выходом "Словаря" и письмом из Гурьева

Знаменательно совпали для нас выход в свет "Словаря" Н.М.Малечи и письмо, подписанное "казаки города Гурьева Киселев С.А., Писцов В.В. и другие", с пометкой "лично В.Шукову". Его авторы душевно обратились ко мне: "Валерий Александрович, мы знаем вас как страстного радателя возрождения казачества и не сомневаемся в вашей преданности казачьему делу. Но в какой России? В России, поделенной между олигархами? В России побирушкой и сырьевым придатком стран Запада? В отличии от казачьих газет "Казачий взгляд", "Казачьи ведомости", "Казачий спас" ваша "Станица" замалчивает волнующие казаков вопросы бытия современной России".

Ну что же, спасибо за "страстного радателя", что не сомневаетесь в моей преданности. Но получается - сам-то человек вроде и хороший, но вот его газета вроде не та, не то пишет, что-то замалчивает... Совсем как П.Н.Краснов, о котором вы пишете тоже: "Да, Краснов был хорошим генералом и писателем, но идеологическая ненависть затмила его разум и в трудное для страны время он встал на сторону злейших врагов России". Кстати, и за это невольное сравнение спасибо. Краснов же, к вашему сведению, до конца дней своих оставался русским патриотом. Только Россию он всегда противопоставлял ненавистной Совдепии. И не надо лукавить: да, он "встал на сторону злейших врагов" - вот только никак не России, а врагов СССР!

Вы подсказываете, чтобы "Станица" стала такой же, как вами перечисленные газеты, да еще ставите в пример "Завтра", "Русский вестник", "Молодую гвардию". Что-ж, давайте поразмышляем. А поскольку в вашем письме обсуждаются не личные мои проблемы, а "вопросы бытия России" - отвечу через "Станицу". Тем более, что так, как вы, думают многие, к великому сожалению, казачьи потомки.

В 1998 году в "Станице" к 110-летию Н.М.Малечи мы писали, что в обозримом будущем нет надежды на публикацию "Словаря". С 1969 года более десяти лет автор просил об издании своего детища, неизменно получая отказы разных советских организаций с мотивировкой: "нет бумаги". Теперь можно сказать определенно - дело не в бумаге, в то время огромными тиражами выходили словари многих малых народов России. Вся заковыка в том, что это был словарь языка народа, запрещенного властью еще в 1919 году - и потому как бы не существующего. Это понимал и сам Н.Малеча (сосланный в 1934 году из Киева в Уральск по обвинению в украинском буржуазном национализме) - и потому сам не очень надеялся увидеть свой труд напечатанным. После смерти ученого его супруга обратилась к властям с большим письмом об издании "Словаря", но тщетно...

Были попытки издания "Словаря" и уже после смерти советской власти. И они, возможно, увенчались бы успехом, если бы уральское казачество оказалось в составе России в семье братских казачьих войск. Однако советские декреты 1919 года, передавшие Уральское войско под власть киргизской степи, оказались законными и для новой российской власти, не пожелавшей вернуть русские казачьи земли в лоно России. Так и остались уральские казаки в составе Казахстана, где влачат жизнь изгоев. Робкие попытки поднять казачий народ на борьбу за воссоединение с Россией натолкнулись как на равнодушные российские власти, так и на соглашательскую позицию, если сказать мягко, многих казачьих потомков. В 90-м году они пугали нас новым Карабахом. Однако народ Карабаха, как и те же абхазы, скажем, уже более десяти лет живет свободной жизнью, а вот написавший нам Сергей Арсентьевич -

теперь даже не гурьевский казак, а просто атырауский житель. Вот и нет средств у уральских казаков, чтобы не только издать "Словарь" Малечи, но и просто обустроить свою жизнь.

Поэтому выход "Словаря" для потомков яицких казаков - истинный праздник. Все-таки Россия в лице оренбургских настоящих граждан помогла: низкий поклон директору Оренбургского книжного издательства Л.Петровой, О.И.Блиновой, В.В.Елагиной, А.И.Зеленцову, Н.Ф.Корсунову, И.Г.Павлычеву, В.С.Рябову, В.С.Черномырдину.

Теперь вопрос вам, Сергей: если бы правили нами до сих пор те, у которых "нет бумаги", издающие газеты "Завтра", "Русский вестник" и "Казачьи ведомости" - увидел бы свет "Словарь" говоров уральских (яицких) казаков? Уверен - его рукопись так бы и пылилась в шкафу у дочери Малечи. А вы, Сергей, видимо, все надеетесь увидеть "коммуниста с человеческим лицом"... Бог вам в помощь!..

Вы упрекаете: "Деля современных казаков на "красных" и "белых", вы тем самым помогаете врагам казачества и России. Ну, давайте будем на радость иеорурам России делиться на красных и белых, православных и язычников и т.д. Нас уже в свое время разделяли на красных и белых и закончилось это потоками казачьей крови". Во-первых, это не мы "делим", а сама История много веков назад разделила людей, а не только казаков. Мы же только в меру своих сил и возможностей пытаемся продолжить Белое Дело П.Н.Краснова, который всю жизнь шашкой и пером последовательно отстаивал Казачью Идею.

Во-вторых, и это одновременно смешной и великий парадокс: вы декларируете якобы нейтральную позицию, как бы "не делите" на красных и белых, а на деле и в действиях, и в суждениях всецело стоите на позиции красной (т.е. советско-коммунистической) идеологии. Вы советуете читать члена ЦК компартии Кондратенко, подражать еще одному члену ЦК этой партии Проханову ("Завтра"), славить душителя свободы слова Лукашенко и восхитаться красно-совковым псевдоказаком Мартыновым ("Казачьи ведомости"). Говоря проще - отказываться от своей демократической и либеральной (от слова "либер" - свобода) позиции и, подобно Мартынову-Наумову, славить деяния Сталина.

Хотите, чтобы "Станица" умилилась заявлением совета атаманов "Союза казаков" от 1 июня 2001 г., в коем Сталин представлен в качестве "спасителя" русского народа? Уж увольте! Там рассказывают байку, как в 1917 году "западники-марксисты" (они же большевики-троцкисты) соблазнили русский народ, "разрушили Российскую империю и жизнь народа на долгие годы превратилась в ад". Но вот пришел "великий избавитель", "отстранил от власти... в битве с легионами предтечи антихриста" большевиков-троцкистов, и "дал толчок к оздоровлению и возрождению духа нашего народа". ("толчок" такой, что более 60 млн. народа погибло! - В.Ш.). Он создал "могущественную державу, которая могла бы (?) со временем вернуться (!) к национальным ценностям православно-славянской цивилизации". Но тут опять пришли предатели, и "в начале 90-х неолыбшевики-демократы еще раз соблазнили народ", который теперь "погружен в пучину бедствий и кровопролитий".

Никогда не предполагал, что такой бред своей кобылы кто-то может воспринимать серьезно! Что ни слово, то ложь! Жаль только народа, которого все, кому не лень, все время "соблазняют", как шлюху в кабаке. Однако, судя по вашему письму, вы, употребляя словечки из лексикона Проханова-Наумова

(“необольшевики-демократы”, “предатели”, враги России и т.п.), верите этому бреду. Очень жаль!..

Вы уверяете, что “казаки уважают Лукашенко”. Позвольте не поверить, потому как для казака всего дороже свобода и, в особенности, свобода слова. И потому не может он уважать человека, давящего эту свободу, попросту затыкающего рот всем, кто ему не угоден.

Мы же в своей газете исповедуем исконные казачьи ценности, которыми всегда были воля (свобода), вера и самоуправление (т.е. независимость). Вы помните, что на наградном Кресте ордена Св. Михаила Архангела, учрежденного Уральским казачьим войском в 1918 году, было написано: “За Веру, Родину, Яик и Свободу”. Это написали наши пращурьы во время острой борьбы - понимая, что отстаивать свою Веру и Яик можно лишь в условиях свободы совести, слова и выбора. Наши предки были исконными демократами и эту позицию отстаивали в течении многих веков - завещав и нам.

Вот и мы понимаем: пока не удушена в России свобода слова (как у Лукашенко), будет выходить “Станица” - как, впрочем, и всякие “Завтра” и “Казачьи ведомости”. Это, кстати, есть великое завоевание нашего народа, который в течении уже более десяти лет успешно пользуется величайшим благом свободы слова. В этом смысле наумовская байка “о соблазненном народе” и есть бред. Свобода же может быть только для всех: она или есть, либо ее нет - третьего не дано. Всякая полусвобода - это уже несвобода. Именно поэтому мы выступили в защиту НТВ, поскольку сегодня задушат НТВ, а завтра придет и наш, и ваш черед.

Вы пишете: “читая вашу газету, невольно приходишь к выводу, что она работает как бы на отвлече-

нии казаков от сегодняшнего трагического положения России. Благодаря усилиям “пятой колонны Запада” разрушается экономика, наука, обороноспособность страны, идет вымирание русского народа”.

Трагизм положения России в том, что ей приходится переживать тяжелейшие последствия периода советского правления. Сегодня Россия потихоньку идет на подъем, учась жить по демократическим законам, правильно пользоваться завоеванными народом свободами. Ученье будет долгим, но мы уверены - успешным; залог тому - несравненный талант нашего народа. Экономика наконец-то освободилась от непомерных военных расходов (в Союзе около 70 % ВВП уходило на оборону) и непременно будет возрастать после завершения чеченской войны. И наука, перестроясь, тоже будет радоваться. Русский народ, вопреки кликушам, не намерен вымирать, а будет успешно развивать свою национальную культуру. Тем более, что такое уже было в его истории - например, после освобождения от монголо-татарского ига (хотя, конечно, иго большевицкое и пострашнее выдалось...).

А что касается “трагического положения”, то в нем пребывают как раз всякие “Завтра” и иже с ими. Так и передайте им: чем успешнее будет развиваться свободная демократическая Россия, тем трагичнее будет их положение. А мы будем надеяться на более быстрое выздоровление родного казачества от совковой прохановско-мартыновской демагогии. Надежда наша зиждется на том, что у казачьих потомков, наконец, включится генетическая память и они вспомнят о свободном и достойном бытии своих пращуров. А “Станица” по мере сил поможет вспомнить славное прошлое.

С уважением - потомок яицких Горынычей **В.Шуков**

ИГРАЙ. ОТЕЦКАЯ СТАНИЦА!

Сборник старинных казачьих песен

К сожалению, мы не всегда узнаём об издании книг по истории и культуре казачества. Тем более обидно, что не так уж и много, на самом деле, издаётся их - особенно хороших. Мало мы друг друга знаем, мало общаемся. Вот и “Станицу” не все казаки знают, хотя издаётся она почти 11 лет...

Так - с запозданием на несколько лет! - мы узнали, что в Санкт-Петербурге вышел сборник казачьих песен, составленный полковником медицинской службы Андреем Александровичем Глуховым-Ветлужских. В нём - более двухсот песен, особенно любимых в старину в станицах: бытовых (карагодных, свадебных, застольных и др.), исторических, отдельных полков казачьих войск. Книжка издана тиражом всего 300 экземпляров на личные средства составителя. В его планах, кстати, подготовить к изданию сборник мемуаров казачьих врачей - “Казачьи-врачи. Архив биографий и воспоминаний”.

Представляем фрагмент вступительной статьи к сборнику “Играй, отецкая станица!”

Часто пела прабабушка протяжные казачьи песни. Обычно в станице настоящих запевал были единицы - хотя пели все, большинство могло лишь подтягивать. Именно запевалы были настоящими хранителями народной песни и исполнительской традиции. Прабабушка, к счастью, владела этим редким даром. При этом она владела особой манерой исполнения песни, которую можно встретить только в некоторых станицах Нижнего Дона или среди линейских казаков Терека и Кубани, откуда и была Елизавета Яковлевна родом (станция Чамлыкская).

Знала она много старинных лирических и исторических песен. Исторические описывали конкретные, с указанием места и даты события, конкретного героя (обычно военачальника казаков) - хотя действительными героями их были простые казаки. Это они выступают в песнях в качестве собирательного образа казака или казачки, которые стойко переносят тяготы службы, приграничной неспокойной жизни, грустят о потерях близких и друзей, обладают негибимой волей и огромным оптимизмом, безоглядно веселятся в часы краткой передышки...

Чрезвычайно интересен язык этих песен и их сюжеты.

Никакой сборник не передаст многообразие подголосков, растяжек слов и подтягиваний. Кубань-река - матушка (кстати, первоначально Кубань - он, мужского рода) - мутная, сварливая; Терек-Горынович - вспышный, бурный... Сюжет драматичен, ярок, знаменательно патриотичен.

Любовь к песне прививалась с молоком матери, помогала коротать время в тяжёлом походе. Поэтому речь казаков изобилвала строчками из любимых песен, призываниями. Сохранить бы среди нас песни предков - пусть, как говаривали в старину, “ведётся эго среди нас, как повелось при дедах наших!..”

Вот что писал в эмиграции А.Гордеев: “Напевы казачьих песен такие же плавные, протяжные, как и пейзажи необъятных степных пространств. Бескрайние поля слышали и голоса одиночных певцов, и хорового пения. Весь быт казаков сопровождался песнями. Любимыми их были хоровые песни.

Хоровыми песнями сопровождалась все народные празднества, народные собрания, как и все случаи свободного от работы времени. Особенностью казачьей песни и до настоящего времени являются переливающиеся, протяжные мотивы, сопровождающиеся покрывающим голоса звонким голосом, на высоких нотах - подголоском. Особенность казачьего пения не находит сходства в пении ни одного народа (разве что порой отдалённого сходства с грузинским многоголосием - А.Г.В.), и до сих пор не установлено истоков его происхождения...”

Древняя песня обладает интереснейшим свойством - помимо того, что она доносит до нас исторические события, она устанавливает незримую связь между нами и поколениями предков, соединяя нас в народ, единую целостность, объединённую общей многовековой культурой.

Сборник содержит гимны (песни) всех казачьих войск России, существовавших к 1917 году, а также отдельные песни казачьих полков. К сожалению, по причине ограниченного объёма издания большинство полковых песен приводится в сокращении - для сравнения полностью приведены лишь некоторые (например, 2-го Сибирского казачьего войска полка, 7, 8-го Донского казачьего войска полков), батальонов, местных команд. В песенных сборниках послереволюционного периода, насколько нам известно, это одна из первых попыток подобной систематизации. Нотное сопровождение песен в книге отсутствует - и здесь мы видим свою последующую задачу, задачу для других энтузиастов-собираателей: “Quod potui, feci, faciant meliora potentes” - “Сделал, что мог, - пусть продолжают те, кому больше дано”.

А. Глухов-Ветлужских

Вспомнил я пыль и дорогу...

Олег Мраморнов - Донские стихотворения 2000 - 2002 годов

Круг донских впечатлений, главных в моем творчестве, в основном ограничен средним течением Дона: правобережные станицы Клетская, Перекопская, Кременская, Новогригорьевская... В начале 90-х я писал:

*На склоне - монастырь. Давно там догорела
последняя свеча.*

*Насельники ушли. В тончайший прах истлела
церковная парча...*

К несказанной радости, в Кременской Вознесенский монастырь несколько лет назад пришли новые насельники во главе с иеромонахом Руфином. Над куполом храма больше не зияет страшная дыра, неподалеку от стен монастыря возведена часовня; на высокой горе установлен памятный крест; вскоре монахи хотят устроить скит в том же месте, где

он был до разорения. Открылись ветхие храмы в Перекопской и Новогригорьевской, а в Клетской даже выстроили новую нарядную Троицкую церковь, и ее настоятель отец Михаил (Пономарев) доволен активностью прихожан...

А вообще-то Дон в наших местах безлюднее. Исчезают живописные хутора, в некоторых станицах значительную часть населения составляют старухи и дети, которых оставляют с ними на лето, а то и на весь год, если действует школа...

Несколько пояснений к подборке стихов. Аршаши - гряды высоких холмов в среднем течении Дона. "Те казаки ускакали...", "Жар", а также стихотворение, начинающееся строкой "Поклонись русской бедности...", навеяны детством и эпохой 60-70-х годов (о них я попытался рассказать в прошлом номере "Станицы" в очерке "Родные берега").

Ускакавшие в Гражданскую "за Аршаши" казаки станицы Кременской. В центре стоит прадед автора - Иван Смерткин.

* * *
...Те казаки ускакали за Аршаши, воевать. Больше мы не видали - некому правды сказать. Позже другие живали в этих местах казаки. Песни свои распевали возле журливой реки. Жизнь расширялась, сужалась, то расцветет, то замрет. Видно, недолго осталось, гаснет, кончается род. Вспомнил я пыль и дорогу, вспомнил свои Аршаши, как забывал я тревогу в светлых просторах глуши. Как несведобный финовник с дедом в лугах я косил, как - неспособный любовник - к родине милой спешил. Словно мужик косолапый - Филька ли, Валька, Семён - взял ее всю и облапал - по уши втрескан, влюблен. Ел я порховую кашу, жидкую кашу хлебал, пищей насытившись нашей, разные книжки читал. Или в кустах краснотала у обмелевшей реки ночка меня заставляла, бакены жгли огоньки. Песни родимого края, как я их слушать любил... Дух компанейского рая в Бозе навеки почил. Боже! Неужто всё было и не вернется уже -

с подлой водою уплыло на безымянной барже. Как простота уплывает? Как уплывает река? Сердце волнуется, знает. Скажет ли только строка?

Жар

Жар невыносимый. Скрылся люд по курням. Плотно ставнями закрылся, где попало повалился, отдыхает здесь и там. Сладок час степной сиесты, если чакан над тобой. Дух прохладный, безмятежный веет в хижине родной. Я любил вас, люди, люди, с вами ел и пил и спал, в нашем прежнем многолюдье я вас мысленно ласкал. Был разгар социализма, а потом его закат; обезлюдела отчизна, от меня отводит взгляд.

Люди, люди, где вы ныне? Где веселый наш кильдим? Мне без вас в донской пустыне вовсе жар невыносим!

На казачьих могилах

Все как прежде. Манит на свиданье пыльная дорога из села - за ограду вечных ожиданий, где уснули страсти и тела.

Сквозь невзгоды, войны, неудачи упокоились в мирах иных здесь надежды с верою впридачу, вдалеке от горестей земных.

Если все воскреснут, сколько сразу сбудется надежд, свершится дел, сколько станет чистых и прозрачных, проницаемых воздушных тел.

Наклоняюсь ближе - нет, не видно... Буквы стерлись. Камень нем и сух. Кто под ним: зипунный рыцарь, витязь? Прародительница всех вокруг?

Вот уже июнь. Конец цветенья. Облетела мелкая сирень.

Высох ирис. Нежные растенья скоро изнурит палящий день.

Пусть отцветет тот ирис - не печалься: есть метелки сочных диких трав, со цветом весенним распрощайся, горький и полынный пей состав.

Зеленеет старое кладбище под бескрайним куполом небес, посреди степей, где сердце ищет знак обетований и чудес.

Смерть старика

Старик жил долго. Он и не дряхлел. В лугах косивший, свежавший туши, игравший песни, пасший коз зимой - в глухие вечера латал он обувь,

сказывал былое: как девчонка в него бросала камушки, покуда он дремал в развилке старой вербы, а быки, зайдя по грудь, лакали жадно воду...

Междоусобных браней очевидец он сам был временем, которое текло. Вдруг это время резко исказилось и прервалось. Его отпели чинно, отчитали и в степь снесли. Теперь он там лежит. Зимой ветер в проводах стенает. Весною птицы песни запоют. Старик не слышит.

"Семибратская могила" - святыня возле Кременского Вознесенского монастыря

* * *
Поклонись русской бедности - сызмала ты пред ней в неоплатном долгу: чем заплатишь за нудную изморозь, за распутицу, слякоть, пургу.

Деревенское лето далекое.

Сушь. Мотыжка о землю звенит, и над нашей артелью убогою коршун в небе высокою парит.

В знойном мареве солнце белёсое, ест картошку прожорливый жук, где в безвестности детство курносое робко длило восторг и испуг.

Ранец полон, и речка становится:

наледь, крошево, сало, шуга.

Журавель, две жердины, околица.

Индевеют, белеют луга.

Лампы свет над чернильной прописью: знай рисуй свои буквицы всласть.

Ты еще никуда не торопишься и не знаешь, что значит пропасть.

Если б знать... Да зачем это знание - зуд дороги, небось, посильнее.

Лишь бы вырваться - и расставание, сполох лиц, колыханье теней.

В основаниях жизни теряется то, что ей и потом предстоит, то, что бедствует, терпит, старается, превращается, снится, манит.

“За чертополохом”

В 1918 году, в хаосе междоусобицы происходила самоорганизация казачьих областей со всеми атрибутами государственности. Условием принятия поста Войскового Атамана на “Круге Спасения Дона” 3 мая П.Н.Краснов поставил утверждение представленных им Основных законов Войска Донского. До восстановления России оно стало самостоятельным государством. Сохраняя преемственность от законодательства Российской Империи, Донская Конституция осуществляла и важные реформы во всех сферах жизни.

Самостоятельность Казачьих Войск была способом оградиться от большевизма, сохранив плацдарм будущего возрождения всего государства. 16 августа 1918 г. на Войсковом круге Петр Николаевич сказал - “Спасут Россию ее казаки!” И в 1940 году он пишет: “...Казаки и казачьи войска, как автономные самоуправляемые области, могут быть лишь тогда, когда будет Россия... Все наши помыслы и работа должны быть направлены к тому, чтобы на месте СССР - явилась Россия”.

Литературное наследие П.Н.Краснова - продолжение служения России и Дону - еще мало известно на родине. Им издано более 30 романов, охватывающих всю историю России и казачества, много рассказов, очерков, статей, переведенных на несколько десятков языков. Лишь в Германии в 20-40-х годах было продано (только на немецком языке) более 2 млн. книг Краснова!.. Хотя он сам не считал себя “генералом от литературы”, современники куда более высоко оценивали его дарование. “По его романам будут изучать эпоху” - писала русская пресса.

Среди книг Краснова несколько обаянием стоит роман “За чертополохом”, написанный в стиле, как сейчас бы сказали, “фэнтэзи”. Это своеобразный отчет о путешествии в страну-мечту - Российскую Империю конца XX века (изд-во “Фавор-XXI”, Москва, 2002 г.).

Писался он примерно тогда же, что и большой роман “От Двуглавого Орла к красному знамени” - и не удивительно, что мы встречаем общие для них темы. Но, пожалуй, заветные мысли о будущем России вложены Красновым именно в роман-сказку. Закончил его Петр Николаевич в 1928 г., дополнив последними подробностями мировой политики. Отталкиваясь от них, можно предположить, что действие происходит в начале 70-х годов XX века.

...На карте мира Россия - черное пятно с зловещими красными буквами - “чума”. СССР погиб при попытке завоевать весь мир: у красной армии взорвались газовые бомбы. Все заросло гигантским чертополохом, больше 40 лет никто не ступал в бывшие российские пределы. И вот несколько потомков русских эмигрантов с немецким профессором решают пробиться за чертополох.

Как пишет во вступительной статье (кстати, фактически представляющей собой первый опыт реконструкции жизни и творчества П.Н.Краснова) Б.Г.Галенин - “Ни в одном из своих многочисленных романов Петр Николаевич не обрисовал с такой, почти лубочной, яркостью и ясностью - видение идеальной русской монархии... Нигде он так чет-

ко не выразил свой взгляд на русскую историю как борьбу двух непримиримых начал... Одна историческая Россия - пьяная, ленивая, бунтовская, уродливая, отчаянная и отчаявшаяся, никчемная и гнилая, готовая предать все и вся, погубить все заветы предков. Но Россия истинная - это Русь богатырей Святорских, защищавших ее от Соловьев-разбойников и идищич поганых, державших в узде и страхе ту, первую, пьяную Русь... Пафосом романа является торжество светлой Руси...”

Отрезанная чертополохом от “просвещенного Запада”, Россия занялась домостроительством. Государство делится на Воеводства, во главе которых Царем ставится воевода, назначающий затем десятитысячных и тысячных начальников, лишь десятские выбираются. Уважается самобытность всех областей: “великая, единая и неделимая с большой самостоятельностью своих областей Россия - как неразделенная семья с женатыми и замужними детьми, живущими каждый своим домом, но на общем дворе, собирающаяся на общий семейный совет и слушающая своих стариков”; восстановлены области Казачьих Войск.

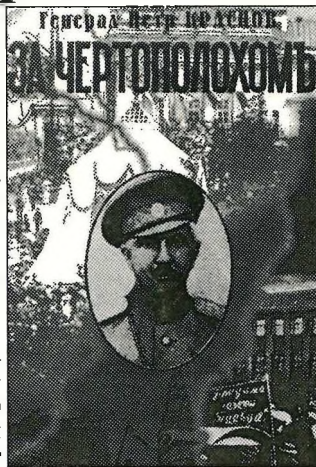
В новой Императорской России строго разделены собственность и власть. Власть имеющие не могут иметь собственности: окружающие их уголья, дома, мебель принадлежат государству (тем самым уничтожается смысл взяточничества). Нет паспортов: граждане свободно выбирают место жительства. Обязательно и платно (чтобы ценили!) образование - но при этом всем доступно. Бедных нет, но талант вознаграждается щедро; равенство людей перед законом, - “но мы никогда не приравняем убогого дурачка человеку таланта”. Нет частных банков - рассадников спекуляций, - только Государственный. Необычайный расцвет науки и культуры: “творчество - дар Духа Святого” - любил повторять Краснов, и эти слова звучат в романе из уст Императора. Пустыни обводнены без каналов и засоления почв. Страна связана сверхскоростными магистралями с крылатыми поездами. Верде радио, теле- и, похоже, лазерная связь. Уделяется особое внимание патриотическому воспитанию; небольшие, но современные армия и флот, сохранили свои исторические знамена, форму и звания.

Страна-утопия генерала Краснова, на первый взгляд, навстречу не демократична - но необычайно свободна для всякого доброго делания. Разумные ограничения свободы слова и идеологическое воспитание подрастающего поколения служат во благо самих же граждан государства.

Составитель пишет: “Окружающая действительность далека от описываемой идеальной России. Но книга заставляет чаще биться русское сердце - и верить, что еще не все для нас потеряно. Нам бы пробиться за чертополох в собственные души - и тогда, милостью Божией, перед нами раскинутся необозримые просторы нашей России!..” Да, Петра Николаевича на грех бы почитать нынешним реформатором! Глядишь, поняли бы, что можно быть культурным, образованным человеком - и патриотом своей Родины!..

“За чертополохом” - своеобразная сказка. Однако ведь недаром говорится - “сказка ложь, да в ней намек!..”

Б.Г., Г.К.

<p>Станица газета зарегистрирована в Министерстве печати РФ регистрационный N 1527 учредитель - коллектив редакции Адрес для писем: Москва, 115569, Каширское ш., 86 - 3 - 586 тел.\факс (095) 925 9248, 390 4202 E-mail: stanitsa@rambler.ru , posevru@online.ru</p>	<p>Главный редактор - - Валерий Шуков Редактор - - Георгий Кокунько Редколлегия Игорь Борисов Виктор Карпов Олег Мраморнов Андрей Серба Павел Стрелянов (Кулабухов)</p>	<p>Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов публикаций При перепечатке материалов просьба ссылаться на нашу газету и её авторов Компьютерная верстка - Г. Кокунько</p>
<p>Наши представители:</p>	<p>В Америке - Артём Кочуков: A.Kochukov, 2615 Holcomb Springs Drive, Alpharetta, Georgia 30022, USA; E-mail: stanitsa_usa@hotmail.com ; В Центральной и Западной Европе - Андрей Волков: A.Wolkow, Postfach 9, CH-3702 Hondrich, Schweiz; E-mail: kazakplastun@hotmail.com</p>	